

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

6 '88

Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!

формление страницы выполнено Евгением Охотниковым

...Ему же, сердоликовому талисману, посвятил А. С. Пушкин еще одно стихотворение, которое так и назвал — «Талисман». Обозначил дату: «6 ноябр. ночью». Удалось уточнить год — 1827.

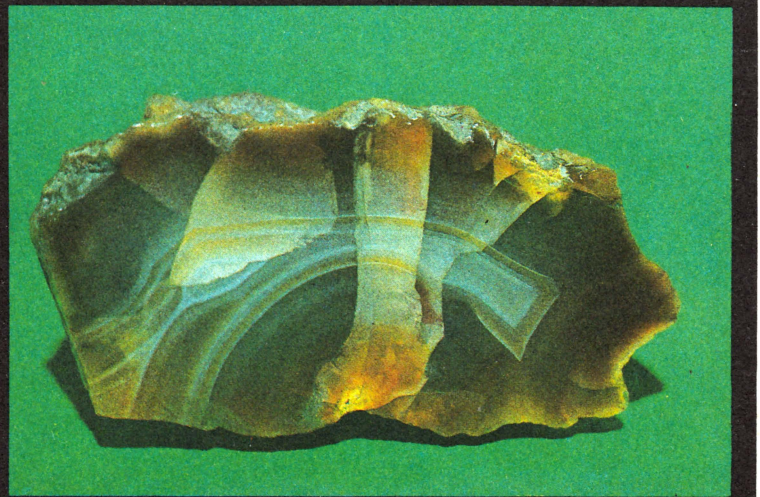
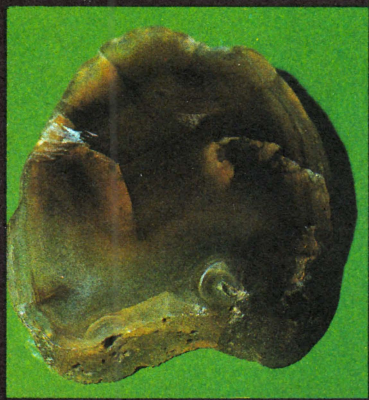
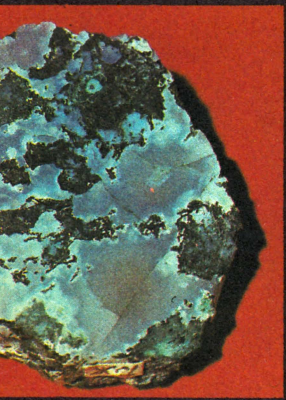
...известно, что сердоликовый талисман был у него всегда на большом пальце правой руки...

...и, наконец, датированный 1835 годом пушкинский рисунок сердоликового перстня, надетого на указательный палец левой руки. Чей руки? Может быть — Элизы!

Очерк Татьяны Буруковской «Храни меня, мой талисман...» читайте на стр 5.

1. Сердолик (красный) — Монголия. Халцедон натечный — Подмосковье.
2. Сердолик в мандельштейне — Крым, Карадаг.
3. Сердоликовый агат — Крым, Карадаг.
4. Пейзажный сардер «Перед грозой» — берег р. Зей.
5. Жилка сердолика в яшме — Кабулети.
6. Сардоникс «Северный пейзаж» — Магаданская область.
7. Сардоникс — берег р. Зей.

Фото Николая Маркова

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

6 '88

В НОМЕРЕ:

А. Омельчук СИБИРЬ — КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	2
Т. Буруковская «СВЯТОЙ ЗАЛОГ ЛЮБВИ, УТЕХА ГРУСТИ НЕЖНОЙ...»	5
М. Клипиницер ОТ ПУГАЧЕВА — К «МЕДНОМУ ВСАДНИКУ»	8
Л. Сорокин КЛЕН РАСТИЛ Я... Стихи	9
А. Савченко КАВАЛЕР ОРДЕНА ВЕРНОСТИ, ИЛИ ФАНТАЗИИ ПОЖОГИНА	10
А. Гуцин ТАК РОДИЛСЯ МУЗЕЙ	11
М. Ланской ШАШКА ГЕНЕРАЛА	11
А. Черепанов ГДЕ РОДИЛСЯ БОРИС РУЧЬЕВ!	12
А. Горшков ЧТО ТАКОЕ КУРГАНСКИЙ «УТЯК»	12
И. Беляев НОВЕЛЛЫ О РАСТЕНИЯХ	13
Ю. Конечский ВЕРХОТУРЬЕ. Отрывок из поэмы	17
Б. Барвиш, Л. Сергеева, С. Нохрин Ты + Я	18
В. Сменов ЛЫЖНЯ ЧЕРЕЗ БЕДУ	24
ОГОРЧАЮСЬ И РАДУЮСЬ ВМЕСТЕ С ЖУРНАЛОМ	26

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

Г. Гуревич ОРДЕР НА МОЛОДОСТЬ. Повесть. Начало	27
ЗАОЧНЫЙ КЛФ	43
Д. Колосов, А. Магдич СТИХИ	47
А. Черкашина ТВОИМ ПРОСТОРАМ В ГОРИЗОНТАХ ТЕСНО	47
В. Крапивин ОСТРОВА И КАПИТАНЫ. Роман Книга вторая ГРАНАТА. Окончание	49
Э. Якубовский ПО СЛЕДАМ КАПИТАНА БЛАДА	75
МИР НА ЛАДОНИ	78
Е. Сибириков БАБУШКА С ДЕДУШКОЙ РЯДЫШКОМ...	80
В. Булавин КАРТИНУ НАПИСАЛ ИОГАНСОН	80

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
 (ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного редактора),
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
 Технический редактор
Людмила БУДРИНА
 Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219, г. Свердловск,
 ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в
 Телефоны отделов:
 51-55-56 (писем,
 молодежных проблем),
 51-22-40 (секретариат),
 51-09-71 (фантастики, прозы
 и поэзии),
 51-53-20 (науки и техники,
 публицистики)
 51-09-69 (краеведения).

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

Подписка на журнал принимается без ограничений.
 Индекс 73413.
 Подписная цена на год 4 руб. 80 коп.
 По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечать».

Сдано в набор 05.03.88 г.
 Подписано к печати 21.04.88.
 НС 26026.
 Формат бумаги 84×108/16.
 Высокая печать.
 Усл. печ. л. 8,82.
 Уч.-изд. л. 12,3.
 Усл. кр.-отт. 11,76.
 Тираж 480 000.
 (2-й завод: 250 001—480 000).
 Заказ 461.
 Цена 40 коп.
 Типография издательства «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки цветные фото Олега Ильина и Владимира Борисова

© «Уральский следопыт», 1988 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
 ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
 ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

СИБИРЬ = КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

Рис. Сергея Копылова

— Ответ, для чего африканской обезьяне, которая слезла с дерева и взяла в руки палку, собираясь стать хомо сапиенс, с какой стати сбрасывать волосяной покров?

У моего собеседника колючие усы и колючий — исподлобья — взгляд. Он смотрит пристально и ждет ответа четкого, без виляний.

Что я могу ответить? Действительно — зачем это обезьяне.

— В процессе эволюции... — мямлю я.

— Э, нет, так не пойдет, — протестует собеседник. — И для эволюции требуется нужда, стимул. Бежала волосатая, враз взяла и облысела... В природе так не бывает. Не было в тропиках у тамошней обезьяны никакого стимула сбрасывать волосяной покров. А зачем в жаркой Африке обезьяне, которая собирается стать человеком, разжигать костер?

Действительно, зачем? Наворачивала бы аппетитно сырые кокосы.

— Стимул, стимул какой? — нетерпеливо поторапливает мой собеседник. — Климат благоприятный, тропический, райский...

— Похолодало? — догадываюсь я.

— Нет, похолодания в тот пе-

риод палеоклиматологами не отмечены...

Бывает: в нашу жизнь неожиданно, внезапно врывается незнакомый человек, взбудораживает; заставляет многое переосмыслить. И встретиться-то с ним всего один раз, и новые встречи вроде не предвидятся, но этот будоражающий человек-«взрыв» надолго оставляет след в жизни, в душе.

Часто, со школы, приняв что-то на веру, мы уже не возвращаемся к пройденному и не задаемся вполне естественными вопросами, которые сейчас задает мне беспокойный собеседник. Ответить на подобный вопрос, возможно, не каждому дано, но задать-то его, тем более самому себе, всегда можно. Ведь не такой уж он и несущественный — нашего человеческого истока касается. За нас вроде кто-то должен решать, а мы снова на веру примем очередную версию.

— Так вот, — не дождавшись ответа, жестко констатирует собеседник. — Если задаться этими вопросами, то неизбежно придешь к ответу, что родина хомо сапиенс вовсе не жаркие тропики.

— А где же человеческая родина? — вырывается у меня.

— Сибирь!

Он смотрит торжествующе и одновременно недоверчиво, предполагая, что, хотя я ошарашен, но вряд ли соглашусь с этим рискованным утверждением.

Но мой собеседник не какой-то безответственный прожектер, бездумный автор преждевременно-безумных идей. К его аргументам не грех и прислушаться. Юрий Алексеевич Мочанов — доктор исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР. А главный его аргумент — Диринг-Юрях.

— Человека сделал труд. Но сказав это, разве мы сказали всё? — формулирует Мочанов свою точку зрения. — Что заставило его одеться в звериную шкуру, разжечь костер? Единственно подразумеваемый ответ — условия, в которых он жил. Резкая смена этих условий, холод. Так что Сибирь, окраина мира, берег великого океана — идеальное место для прародины человечества. Здесь было тепло, потом стало холодно, и двуногим приматам пришлось разжечь костры, чтобы согреться, добыть звериную шкуру, дабы одеться в нее.

Сибирский ученый не опровергает ни Дарвина, ни Энгельса — он только не отыскал у них ответа на вопросы, которые основоположники и не ставили перед собой. Впрочем, такие гипотезы о «внетропической» прародине человека появились в России еще в конце прошлого века — выдающийся отечественный географ Д. Анучин полагал, что для перехода одного вида в другой нужен существенный стимул, и таким стимулом считал резкое изменение климата.

Но то было чисто умозрительное построение — гипотеза, без всяческих палеоантропологических или археологических данных. Напомню, в середине нашего века тропическую версию существенно поддержало открытие англичанина Луиса Лики в ущелье Олдовай в Восточной Африке. В Олдовае обнаружены кости человеческого предка, или, по-научному, древнейшего человеческого примата, возраст которого свыше двух миллионов лет. Это человеческие кости, древнее которых на планете еще не нашли.

Что же нашел, обнаружил, открыл Юрий Мочанов, чтобы столь решительно опровергать знаменитого английского коллегу? По логике напрашивается: нужно найти кости по древнее.

Нет, Мочанов отыскал пока только булыжники, которые он, человек, шутку любящий, считает орудием первого на земле пролетария. Это не простые булыжники, а чопперы — камни, обработанные человеком.

Вот мой ученый собеседник берет такой булыжник со сколотой поверхностью и демонстрирует, как работал древнейший пролетарий, потому что камень через многие тысячелетия сохранил и пронес следы осмысленной, целенаправленной деятельности. Оказывается, этот неприметный, кирпичного цвета кварцит с желтоватым налетом на сколе — заготовка рубила-чоппера.

Мочанов с видом заговорщика берет каменную пластину размером поменьше, прикладывает ее к заготовке и ликующе смотрит на меня: части совпали.

— Неудача, — поясняет он. — Древнего мастера постигла неудача. Камень скололся неудачно, он его бросил, оставил, принялся, видимо, обделывать другой.

Как понимаю, то, что демонстрирует Мочанов, — обычные археологические хитрости, ничего сверхоригинального в этом нет. Логика действий древнего пролетария прослеживается четко. Но ведь этим камням, по расчетам Мочанова, не меньше 2 миллионов 200 тысяч лет. Не меньше. А может, все 3 с половиной миллиона.

— Археологическая бомба! — ахаю я.

— Прежде чем она разорвалась для науки, она должна была разо-

рваться во мне, — пристально глядясь в меня (смогу ли я понять?), объясняет Мочанов. — С этим взрывом надо было справиться. Неужели вы полагаете, что специалисту просто провозглашать перед коллегами новации, которые воспримутся если не как еретическая жажда сенсации, то как профессиональное сумасбродство?

Он этот взрыв в мирных целях науки рискнул обнародовать. Скажу сразу: чтобы доказать стопроцентно надежно, что найдены первые каменные орудия древнейшего человека, уточню, сакцентрирую — древнейшего сибиряка, — потребуются долгие годы поиска новых аргументов, убедительнейших доказательств, неопровержимых технико-типологических сравнений. Ведь такая воляная размашистость в датировках — от двух до трех с половиной миллионов лет, эдак миллион туда, миллион сюда — вряд ли научно допустима. В основном доказательства Мочанова, кроме чисто археолого-типологических сравнений, базируются, на данных геологов и геофизиков, которых он привлек к исследованию на Диринг-Юряхе. Для более точных методов — радиуглеродного и калийаргонового — пока материалов не найдено, хотя число находок на стоянке перевалило за три тысячи. Как понимаю, у мочановских оппонентов позиции сильны, сильны и сами оппоненты, потому что открытие на Диринг-Юряхе не может не скопрометировать тысячи томов всяческих монографий, которые исправно толковали зады классической науки, но полно не отвечали на вопросы, на которые науке пора бы уже ответить. Диринг-Юрях потенциально может подорвать многие устоявшиеся репутации.

Может, потому так пристально и вглядывается в меня пятидесяти-трехлетний ученый, потому что важен для него каждый единоведец, всякий поверивший в его эпохальное открытие.

Меня лично не нужно убеждать долго — ясно же, что земляки-сибиряки всегда и во всем были первыми, а первое освоение Сибири вполне могло совпасть вообще с освоением планеты. Правда, встает вопрос: следует ли нам, сегодняшним, гордо обзывать себя поколением первопроходцев, если три с половиной миллиона лет назад на берегу великой сибирской реки Лены, на холме у ручья Диринг-Юрях уже горел костер первопроходца человечества? Я вовсе не балагурю — греет душу мысль, что ты наследуешь трехмиллионнолетнюю историю, хотя с таким-то временным запасом следовало бы вести себя по отношению к планете-прародительнице куда разумнее.

Впрочем, Юрию Алексеичу поверил не только я, есть у него оте-

чественные соратники, рвутся на берега Лены коллеги из многих стран, специалисты из Канады и США уже прорвались, и на археологических картах мира Диринг-Юрях помечен особо.

— Когда я немного поустал от археологии, — вспоминает Мочанов, — тут-то и свалился на меня этот божественный дар. Да, такое не может подарить даже президиум Академии наук, — в присущей ему иронической манере мимоходом замечает он. — Диринг-Юрях могли подарить только боги.

Да, Диринг-Юрях открывает не какую-то частность, подробность человеческой истории. Предметом анализа становится не какая-то золотая безделушка-пиктораль из гробницы приснопамятного фараона. Диринг-Юрях приоткрывает дверь в человеческую эпоху почти безлюдной еще планеты.

— Я все думаю, может, это награда за заурядность моей научной судьбы, — признается Мочанов.

Относительно своей «заурядности» — может быть, он и прав, пять лет назад вполне еще обычный, рядовой доктор исторических наук Мочанов. Были у него статьи в сборниках, была монография «Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии», было многолетнее руководство Приленской археологической экспедицией, которая исследовала огромные территории дальней Сибири, побережий Ледовитого и Тихого океанов. Были находки и открытия, но те, что не выламываются за рядовые рамки. Мочанов считался специалистом по древнейшим этапам заселения человеком северной Сибири, но правомерно полагал, что насчитывает этот этап не более чем 30—40 тысяч лет.

Он и на Диринг-Юрях попал именно как узкий специалист по этому временному этапу. Геологи, пробивая здесь шурф, наткнулись на маленький, скорее всего детский череп.

С этого и началось.

Возраст черепа установили в 35—40 тысяч лет. Вроде тоже интересная находка, как-никак она объясняла, что именно 40 тысячелетий назад берега Лены были обитаемы. Находка хорошо вписывалась в сложившиеся представления.

Можно было ставить четкую точку. Но что-то заставило Мочанова копать глубже. Археологический бесинтуиции шамански заманивал его вглубь, и в тот же сезон Мочанов наткнулся на эти чопперы, от которых и повело куда более глубокой планетарной стариной, пахло миллионнолетиями. Сегодня площадь раскопок составляет более 12 тысяч квадратных — тщательно под метелочку просеянных, исследованных — метров, в сезон раскопок на работах набирается до ста человек, в основ-

ном студентов. Поиск ведется уже на третьей, самой верхней террасе.

— Трактор мне нужен, — выразительно проводит ладонью по горлу Мочанов. — Катастрофически не хватает бульдозера.

Диринг-Юрях — место безлюдное, труднодоступное, выключить бульдозер трудно, еще сложнее пригнать его сюда. А вскрышные работы требуются серьезные. Два последних сезона с бульдозером ничего не получилось, это основательно задерживает раскопки.

— Академическое производство, — бросает Мочанов гневно, — средневековье, кустарщина.

Как его не понять — ведь он вынужден разрываться между наукой-теорией с непредсказуемыми последствиями и наукой-производством, где все решает дефицитный бульдозер. Очень уж не сопрягаются безнадежно-бульдозерная современность с проблемами вечности Диринг-Юряха. Прежде чем убеждать маститых академиков, ему надо убедить бестолкового соседа — председателя мало-мощного колхозника.

А он за пять-то лет вполне созрел для дискуссий куда более масштабных.

Диринг-Юрях выводит на пересмотр сложившихся взглядов не только археологов, но и генетиков, антропологов, палеогеографов, биологов, философов. Знаменитый патриарх отечественных генетиков академик Н. Н. Дубинин, который уделил Мочанову несколько часов для беседы, признал, что стимулы природных испытаний точнее вписываются в генетические теории эволюции человека. На языке генетиков это звучит так: не скачок, а развитие обычного запаса прочности и последовательность рядовых мутаций создали человеческий организм. Напрашивается естественный резон: на Диринг-Юряхе должна бы работать не просто археологическая, а комплексная, как бы поточнее ее обозначить: археолого-биологическо-генетико-филозофская экспедиция. Но пока со стороны Академии наук особых движений нет, как будто речь идет о рядовой заявке, а не о заявке на эпохальное открытие.

Древнейшему примату вряд ли пристало быть тропическим сибаритом, это явно труженик сурового климатического пояса — только неустойчивый трудяга мог пробить себе тропу в дремучих дебрях человеческой эволюции.

Долгое время считалось, что древний человек появился в Сибири 100 тысяч лет назад. Потом в предгорьях Алтая академиком А. П. Окладниковым была обнаружена стоянка на берегу речки Улалинки. Обжитая человеком сибирская история прибавилась сразу на 600 тысяч лет. Ну, а Диринг-Юрях вообще обобщивает сибирские приоритеты в пла-

нетарном масштабе в заселении планеты, в эволюции живой жизни и разума.

Гляжу на Мочанова. Даже за недолгое время нетрудно понять, что человек он ершистый, не всегда сдержанный, в формулировках не стесняющийся, вообще на слово резкий. Своих оппонентов почти ласково обзывает «фанерными мозгами». Мнение о нем эдак незаметно переносится и на его открытие.

Ему, пожалуй, уже не стать другим.

— Годки-то считанные, — производит он, и в глазах тоска, — считанные годки-то остались.

Бойтся, не успеет. Работы еще большой воз, а ведь он пока и монографию оформить не успел, только пуд полевых отчетов написал. Каждый том этих отчетов — весомый кирпичик в основание здания знаний о человечестве. Если он даже в чем-то ошибся — его ошибка плодотворна.

В юности все мы мечтаем о великом, думаем, что предназначены для великого, иначе для чего появились на этом божественном свете. Но жизнь потихоньку оглаживает нас, примиряет с мелкими делами; укатанные жизнью, мы забываем, что предназначены для великого. И если шанс свершения судьба вдруг предоставит — всегда ли мы готовы?

Я гляжу на Мочанова, понимаю, что он за эти пять лет пережил в себе не только «взрыв» археологической бомбы, он пережил взрыв ответственности — перед наукой, перед человечеством. И отступать ему некуда, хотя ноша, наверное, непосильно тяжела.

А вообще — счастливый человек, хотя вряд ли позавидуешь его сегодняшним проблемам. Но только ничтожный человек отказывается от дара богов. Он себе этого позволить не смог.

Определьсь (или отречись?) сразу: оценить открытие Мочанова трудно хотя бы по той простой причине, что ученый еще не оформил результаты исследований, не обобщил в цельной работе. С полевыми отчетами не каждый специалист имеет возможность ознакомиться, поэтому коллеги, зная об открытии понаслышке, и торопятся судить предвзято.

Говорить о дирингюряхском комплексе находок можно будет тогда, когда выйдет монография, она представит возможность оценивать и оспаривать не предварительные, а окончательные мысли-выводы Мочанова, хотя все это не отрицает того, что уже сегодня это открытие нужно осмыслить пристально и прицельнее.

Я поинтересовался мнением известного московского археолога, специалиста по Сибири доктора наук М. Ф. Косарева.

— Я не знаю всех деталей, но знаю Мочанова, — признался Михаил Федорович. — Он не может блефовать, он все делает серьезно. Привыкнуть к тому, что он утверждает сегодня, понятно, не просто, но комплексно изучить дирингюряхский феномен необходимо. Та страсть, с которой Юрий Алексеевич защищает свое детище, многого стоит.

...Как было не побывать на Диринг-Юряхе, который грозит войти в историю!

Археологи — ведь на дворе уже октябрь — экспедицию свернули, сезон закончили. На Диринг-Юряхе уже никого, но я подговорил капитана «Сибирского-2-102» Николая Осипова, и он рискнул на незапланированную стоянку. Мне понравилось, как он пояснил это команде:

— Вас ожидает первая стоянка человечества.

Грубоватый капитанский юмор, очаровательная оговорка.

А может, и вправду: Первая Стоянка Человечества?

Мочанов начертил мне четкую схему раскопов, но мы, выйдя на берег, взяли слишком вправо, сблизись, заплутали в листовничном лесу, где земля была желта от хвои.

Пока мы блуждали, резко сменилась погода, похолодало, завертело, начался снегопад. Мне это показалось не случайным. Разве может на встрече с вечностью погодный фон быть обыденным? Да, только так: нужен древний холод, рвущий ветер, резкий снег в лицо, чтобы напомнить, как трудно приходилось человеку, впервые здесь разведшему костер.

Сами археологические раскопки на вершине холма выглядели вполне обычно, напоминали окопы, затейливую фортификацию научного поиска, но заглянуть в красно-коричневый разверстый зев этой глинистой научной ямы — словно заглянуть в историю. Раскопы припорашивало снегом, к вечеру их уже занесет, приподнишься, появишься здесь завтра — мы бы кроме снега ничего не увидели.

С вершины открывается захватывающе-неоглядный простор реки, угадываемые в снежном тумане прячущиеся берега. Эстетика свободного пространства человек, кажется, ценит всегда.

У подножия холма течет крохотный ручей, давший название открытию — Диринг-Юрях. Он уже замерз. Но как все горные ручьи, замерз как-то витиевато, манерно, холод схватил движущуюся воду фигурно, прямо на лету, серебряльдистая лента рассекает еще не заснеженный холодновато-зеленый брусничник.

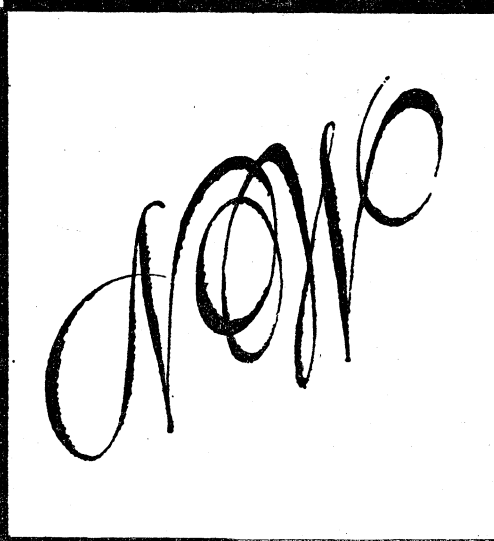
Обычный ручей. Нам бы запомнить его имя: Диринг-Юрях — «Глубокий». Ведь вытекает из вечности.

„СВЯТОЙ ЗАЛОЖ ЛЮБВИ, УПЕХА ГРУСТИИ НЕЖНОИ...“

Татьяна
БУРУКОВСКАЯ

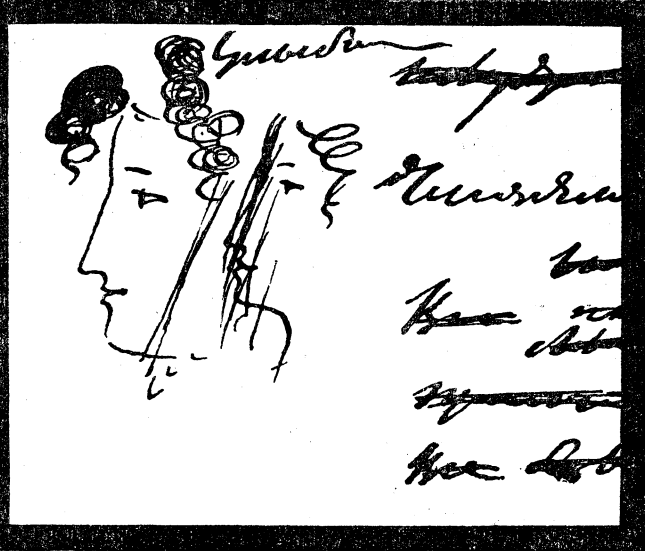
«Сегодня в кабинете директора Пушкинского музея, помещающегося в здании Александровского лицея, обнаружена кража ценных вещей, сохранившихся со времен Пушкина. Среди похищенных вещей находится золотой перстень, на камне которого была сокращенная надпись на древнееврейском языке».

Так писала газета «Русское слово» 23 марта 1917 года. Вскоре вор был пойман. Им оказался лицейский служитель, за гроши продавший украденное старьевщику. Нашли и его, и все похищенное, кроме... того самого золотого перстня с надписью. Перстня, воспоминание о котором освящено именами и любовью Пушкина и Воронцовой.

Поэт увидел ее впервые осенью 1823 года. Уже два месяца он жил в Одессе и числился служащим канцелярии генерал-губернатора Новороссийского графа М. С. Воронцова, ее мужа.

Она, Елизавета Ксаверьевна, приехала в сентябре, и вскоре состоялась ее первая встреча с Пушкиным. Воронцовой шел 31-й год. Она была исполнена той прелести, которая озарена тревожным и светлым предвкушением близкого материнства.

Всего несколько раз ее видел Пушкин до той поры,

как она перестала показываться в обществе, будучи совсем уже тяжелой (28 октября у Воронцовых родился сын).

Но впечатлительный поэт, сердце и ум которого еще занимала пламенная красавица Амалия Ризнич, все чаще обращается к воспоминаниям о миловидной Елизавете Ксавьеревне. И вот уж на полях черновой рукописи первой главы «Евгения Онегина» появляются наброски ее профиля, первые попытки постигнуть суть лица Воронцовой. Рисунки повторяются, зачеркиваются.

Пушкин думает о Воронцовой, но он еще не влюблен. Ее образ буквально преследует поэта, он рисует, рисует, стараясь удержать в памяти, передать на бумаге черты лица, обаяние женственности.

Милое наваждение отвлекает от работы над второй главой «Онегина», и, вслед за линиями локонов и плеч, в черновики романа врывается строка:

Приметы верные любви...

преобразованная затем в двустишие:

*Я узнаю сии приметы,
Сии предвестия любви.*

Шел декабрь 1823 года.

Пушкин к тому времени уже постоянно бывает в доме Воронцовых: обедает у них, состоит среди гостей графини Елизаветы Ксавьеревны, посещает балы, маскарады, вечера...

В феврале 1824 года тревожная нежность Пушкина к Воронцовой перерастает в необходимость видаться с графиней чаще. Но встречи с глазу на глаз почти невозможны: жена генерал-губернатора уж очень на виду. А тут еще приехал влюбленный в Воронцову ее троюродный племянник Александр Раевский, тягостная дружба которого с Пушкиным была сродни отношениям Яго и Отелло. Случалось, встречи поэта и графини прекращались вовсе. Но и редкие свидания наполнились уже тем сильным чувством, которое впоследствии прольется через край их сердец и увековечится строками бессмертных его стихов.

Это будет потом. А пока Воронцов, объект известной пушкинской эпиграммы «Полумилорд, полукупец...», подогреваемый безудержной язвительностью А. Раевского и снискаемый небезосновательной ревностью, отправляет Пушкина с униженным для лучшего поэта России поручением — принять участие в борьбе с саранчой.

И с 23 по 28 мая 1824 года Пушкин объезжает Херсонский, Александровский и Елизаветградский уезды. А в начале июля, под давлением обстоятельств, подает прошение об отставке, рассчитывая, впрочем, после ее получения остаться в Одессе.

Между тем свидания Пушкина и Воронцовой в ее доме становятся невозможны, и влюбленные ищут уединенные уголки. Воронцов устраивает унизительную слежку. Дальнейшие события разворачиваются быстро и огорчительно. 24 июля, в день возвращения Воронцовой после полуторамесячной разлуки из Симферополя в Одессу, ее сиятельный супруг отправляет предписание сообщить Пушкину о царском повелении принять его отставку и отправить опального поэта на жительство в Псковскую губернию, да еще под надзор полиции.

Пушкин ошеломлен. В преддверии скорой разлуки с Элизой любовь его разгорелась еще сильнее. 29 июля должен покинуть Одессу Пушкин, а 31-го по семейным делам — Воронцова. Что же Пушкин? Уезжает в срок, оставив Элизу в Одессе?

Нет, нет, бесценные два дня они проводят вместе: 29-го и 30-го — интимные свидания; 30-го вечером — в опере слушают «Турок в Италии» Россини, а 31-го Елизавета Ксавьеревна покидает Одессу. На следующий день, 1 августа, оттуда уезжает и Пушкин. Его путь лежит в Михайловское.

Там, вдали от возлюбленной, отторгнутый от нее ревностью и властью графа Воронцова, Пушкин живет мыслями об Элизе, ожиданием писем от нее. И творит.

В те первые дни печального одиночества, когда безысходность и отчаяние владели думами опального поэта, он создает стихотворение, которое и по сей день волнует

не только пронзительностью каждого слова, но и тайной посвящения своего.

*Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан...*

Действительно, перед отъездом из Одессы и разлукой с Пушкиным Елизавета Ксавьеревна подарила поэту перстень-талисман. Его двойник Воронцова оставила у себя.

Сам перстень был золотым, а на красноватой восьмиугольной пластинке-вставке, выточенной из сердолика, рука мастера, согласно древней традиции, вырезала италлию — «магические письмена». Ни Пушкин, ни Воронцова не знали смысла изысканной вставки на древнееврейском языке и потому думали, что рука безвестного мастера начертала на камне «святые слова». Много позднее А. Л. Гаркави расшифровал вырезанное в камне: «Симка, сын почтенного рабби Иосифа, да будет благословенна его память».

Оттиск с этого перстня получался выпуклым, и разлученные влюбленные запечатывали с его помощью свои письма. По свидетельству сестры Пушкина, когда он получал письмо с таким же сургучным узором, как и на его перстне, поэт надолго заперся в своей комнате. Еще бы! Драгоценные строки письма Элизы, наполненные нежностью и любовью, вселяли надежду в сердце изгнанника.

Но что это? В конце декабря 1824 года или в начале января 1825-го появляется стихотворение «Сожженное письмо».

Прощай, письмо любви! прощай: она велела...

Уж не Воронцова ли? Несомненно! И вот свидетельство:

*Уж перстня верного утрата впечатленья,
Растопленный сургуч кипит...*

За что же письмо было обречено на костер? Не здесь ли Элиза сообщала своему далекому возлюбленному о его будущем отцовстве? И эту тайну (до огня) помог уберечь от посторонних глаз и языков запечатывавший письмо перстень...

Ему же, сердоликовому талисману, посвятил А. С. Пушкин еще одно стихотворение, которое так и назвал — «Талисман». Обозначил дату: «6 ноябр. ночью». Удалось уточнить год — 1827.

*Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!*

Это уже не отчаянная молитва, как в стихотворении «Храни меня, мой талисман», и не примета «грусти тайной», как в «Сожженном письме», а гимн любовной силе перстня. И это объяснимо: в ноябре 1827 года в Петербург приехала Воронцова. Пушкин увиделся с ней позднее, но весть о ее прибытии в столицу достигла поэта и отозвалась в нем строками «Талисмана». Вот оно, думал, наверно, Пушкин, подтверждение чудесной силы заветного дара Элизы! И пять отписок «перстня верного» поэт оставляет на листках черновика «Талисмана». Весь декабрь 1827 года и январь следующего Воронцовы провели в Петербурге. Происходят тайные свидания Пушкина и Элизы... И вновь — разлука.

Рукопись, рисунки, которыми изобилуют листки черновиков, позволяют понять и ход поэтической мысли, и потаенные думы, волнение души Пушкина. Вот заветный вензель «EW» — Елизавета Воронцова. Время — осень 1828 года... Вот рисунки ее головы. Это уже 1829 год. И снова, уже в тетради, взятой в поездку на Кавказ, миниатюрный портрет незабываемой, глубоко любимой женщины — Воронцовой.

В октябре — ноябре 1830 года, в ту знаменитую Болдинскую осень, Пушкин посвящает Элизе новые стихи. Одно из них, «Прощание», написанное 5 октября, должно стать последним обращением к милому образу: поэт готовится к браку с Н. Гончаровой.

Но нет, не гаснет давняя любовь! Намек на это (воспоминание о розе) содержат и строки черновиков «Каменного гостя», и написанное в окончательном варианте стихо-

творение «Отрывок» (1833), где названо имя Элизы, и, наконец, датируемый 1835 годом пушкинский рисунок сердоликового перстня, надетого на указательный палец левой руки. Чьей руки? Может быть — Элизы? Ведь по свидетельствам современников и даже по знаменитому портрету А. С. Пушкина, сделанному Тропинниным в 1827 году, известно, что сердоликовый талисман был у него всегда на большом пальце левой руки... Или это просто маленькая вольность гения, неточность, такая же, как в рисунке самого перстня?

В оригинале текст на камне располагался вдоль длинной оси восьмиугольника в две строки. Третья была занята изящным цветочным орнаментом. На рисунке Пушкина узор нанесен поперек площадки в пять строк.

Другое важно: сердоликовый талисман, «святой залог любви», пронесенной Пушкиным через годы, стал для поэта спутником дум и символом надежд.

Немало этому способствовали приметы традиционные, второстепенные, и прежде всего надпись, сделанная, как было издавна принято в странах Востока, а потом и в Европе, то для памяти, то от сглаза или болезней. Известна, к примеру, печатка с изображением Персея с головой Медузы Горгоны и вырезанной на сердолике надпись: «Беги, подагра, Персей тебя преследует».

Нет, Пушкин был далек от примитивного толкования надписи на любимом перстне. Поэта не интересовал перевод текста, получить который, кстати, не составило бы ровно никакого труда: происхождение обоих перстней-печаток местное, крымское, и любой владеющий грамотой караим вмиг удовлетворил бы любопытство Пушкина. Но зачем? Сам факт существования таинственной надписи на камне будил воображение и чувства поэта. Он соединял «даже талант свой с участью перстня, испещренного какими-то кабалистическими знаками», — писал П. В. Анненков, первый биограф поэта.

В этом был весь Пушкин: гений свой почитая завидным от перстня-талисмана, знал, что

*От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.*

И к нему же — мольба, заклинание: «Храни меня, мой талисман...». И святая вера Воронцовой в то, что охранит, обережет. Потому не случаен и выбор камня для четы перстней.

Туманно-красный сердолик с древнейших времен известен человечеству. Теплая окраска, вызванная примесью окислов железа, особая прелесть полупрозрачной глубины, многообразие оттенков от нежно-розового до багряного сделали эту разновидность микрокристаллического кварца излюбленным камнем для дорогих украшений, ритуальных принадлежностей и всевозможных талисманов.

В гробнице фараона Тутанхамона (XIII век до н. э.) среди массы великолепных изделий из золота и цветных камней была обнаружена сердоликовая голова змеи. Это — оберег от укусов пресмыкающихся в потустороннем мире. А сердечки-подвески из сердолика символизировали, видимо, право юного фараона приходить иногда на землю из царства теней. Воскресить Тутанхамона должна была мистическая птица мент, изображение которой с солнечным диском на спине вырезано тоже на сердолике. И это не случайно.

Камень живого оранжево-красного цвета наши предки считали близким солнцу, поклонялись ему и приписывали способность оберегать от недугов и невзгод. Существовали поверья, будто сердолик улучшает настроение, отводит злых духов, дарит благополучие, обостряет ум, утихомиривает гнев.

Старинные книги о камнях — лапидарии — донесли до нас бытовавшие в древности представления, будто румяно-красный сердолик придает бесстрашие и красноречие, защищает от завистников и землетрясений.

А в трактате, написанном критским епископом Елифанием в IV веке н. э. «О двенадцати камнях на ризе первосвященника Аарона» сообщается, что камень сердолик

«весьма блестящ и имеет лечебную силу: врачи им лечат опухоли и раны, полученные от меча».

Истоки подобных представлений — не в сверхъестественной силе камня, а в чисто эмоциональном воздействии его цвета.

Психологи называют красный цвет «агентом оптимизма». Они же считают, что оптимист выздоравливает быстрее, активнее заживляются и полученные им раны. Вот в чем, оказывается, суть «лечебного эффекта» сердолика.

Считается, что его русское название сард, сардий происходит от греческого «сардион», а оно, в свою очередь, от названия рыбы сардины, связанного с именем острова Сардиния, на котором в древности жило племя сардов. Есть и другая версия этимологии слова «сердолик». Столицей древнего государства Лидии, входившего в Персидское царство в VI веке до н. э., был город Сардис. Он стоял на скрещении торговых путей, по которым в разные края расходился красный самоцвет. Может быть, потому и называли камень из города Сардис сардером, сердоликом. А добывали его в Индии, Крыму, на юге Аравийского полуострова, в Малой Азии, других вулканических областях.

«Любимое дитя Востока» — так называли сердолик поэты. Амулетом сердец считали этот камень влюбленные.

Была среди них и возлюбленная Пушкина — блистательная Елизавета Ксавьерьевна Воронцова. Наверняка знала она сердолик, верила в его чудодейственную силу и, заказывая у крымского ювелира чету перстней-печаток, выбрала для них этот камень-талисман. Предполагают, что был он не местный, с Кара-Дага, а привезенный с Ближнего Востока. По словам современников А. С. Пушкина, камень отличался благородным тоном красного цвета и густой прозрачностью зрелого меда. Пушкин очень любил свой сердоликовый перстень и носил его почти постоянно. Поэт не расставался с талисманом и во время роковой дуэли, и на смертном одре. Близкий друг Пушкина В. А. Жуковский, с согласия Н. Гончаровой, снял перстень с мертвой руки поэта.

Впоследствии В. А. Жуковский также пользовался этим перстнем как печаткой и очень дорожил им. В семидесятых годах сын В. А. Жуковского, Павел Васильевич, передал пушкинский талисман И. С. Тургеневу. А в 1880 году, на Петербургской выставке, посвященной Пушкину, заветный перстень экспонировался уже как собственность Ивана Сергеевича. Он очень гордился «обладанием пушкинского перстня» и писал: «После моей смерти я бы очень желал, чтобы этот перстень был передан графу Льву Николаевичу Толстому как высшему представителю русской современной литературы, с тем, чтобы, когда настанет и «его час», Гр(аф) Толстой передал бы мой перстень, по своему выбору, достойнейшему последователю пушкинских традиций между новейшими писателями».

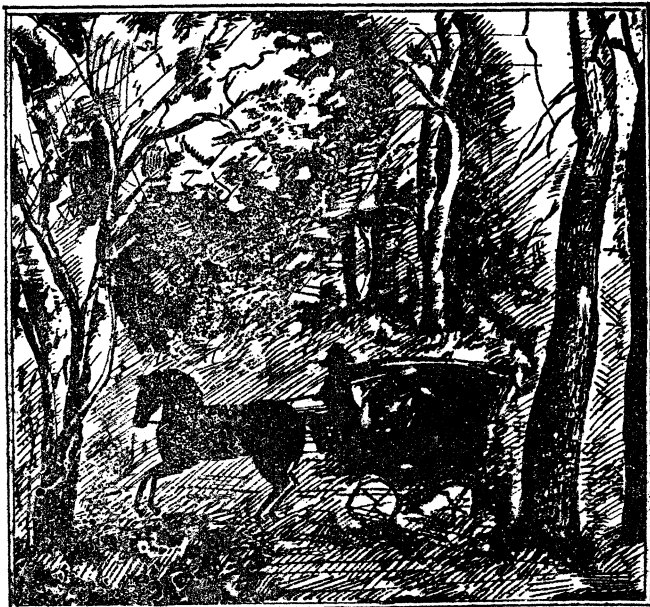
Но дальнейшая судьба сердоликового перстня сложилась иначе. В 1883 году И. С. Тургенева не стало, и все его состояние (как и было завещано) перешло к той, которую писатель глубоко любил — знаменитой французской певице Полине Виардо. Среди дорогих ее сердцу реликвий был и пушкинский перстень-талисман. В 1887 году Полина Виардо передает эту национальную драгоценность Пушкинскому музею Александровского лицея.

Кто мог предвидеть тогда, что через тридцать лет осиротеет сафьяновый футляр, и лишь слепки сердоликового перстня да его отпечатки на воске и сургуче останутся единственным в собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина напоминанием о заветном талисмане.

Но был ведь перстень-двойник, принадлежавший Воронцовой. Возможно, она представила бы его на Пушкинскую выставку 1880 года в Петербурге. Но, увы, именно тогда, в 1880 году, Е. К. Воронцова скончалась, пережив своего поэта на сорок три года.

И след сердоликового талисмана затерялся...

ОТ ПУГАЧЕВА — К «МЕДНОМУ

Михаил
КЛИПИНИЦЕР

Рис. Олега Бухарова

ВСАДНИКУ»

Известно, что плодами оренбургской поездки А. С. Пушкина были исторический труд, посвященный Пугачеву, и повесть «Капитанская дочка». Между тем не лишено резона предположение, что повлияла она и на создание поэмы «Медный всадник». Так считали, например, оренбургский историк Д. Н. Соколов (1867—1919), а также пушкинисты Н. И. Измайлов, С. И. Шервин и другие.

Известно, что многочисленные путешествия поэта всегда находили отклик в его стихах. Неужели длительная поездка на Волгу и Урал составляет исключение?

Вернувшись из Уральска в Болдино, Пушкин посвящает пугачевской теме всего несколько дней и начинает работу над «Медным всадником». Переход от Пугачева к Петру не назовешь случайным. Здесь проявилось влечение поэта к главному своему жанру — стихам. Оно возобладало над наукой.

Встречи со свидетелями пугачевского восстания, в которых так нуждался Пушкин, дарили его удачами на всем пути по Волге и Уралу. И воспоминания о людях, встреченных в Бер-

дах, Нижне-Озерной, Татищевой, Уральске не могли мгновенно изгладиться из памяти, они жили в воображении поэта и в дни, когда он писал «Медного всадника».

Вот почему, еще и еще раз вчитываясь в строки поэмы, я искал в ней отголоски недавних впечатлений. Внимание задерживалось на начале второй части поэмы, где речь идет о походе на убыль наводнения, где автор образно сравнивает обессиленную Неву с финалом разбойничьего набега.

*Но вот, насытись разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей
С свирепой шайкою своей,
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит, вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И грабежом отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя...*

Весь лексикон, все детали набега разбойников полны реальности, могли вытекать только из рассказов, услышанных от очевидцев. Ведь как пишет автор в предисловии к «Истории Пугачева», он «посетил места, где произошли главные события эпохи».

Для образного описания разбушевавшейся реки поэт мог найти различные средства, иные сравнения, не обязательно связанные с разбойничьим набегом. Однако он прибег к картинам и деталям, рассказы о которых были еще свежи в памяти. И слова нашел резкие, присущие чисто разговорной, бытовой речи. И хотя этих слов совсем немного, они создают нужную поэту атмосферу.

Подсказать такие детали разбойничьего набега «мертвые документы», как назвал архивные данные Пушкин, конечно, бессильны. Описание событий и нравов опирается у автора и в его прозе, и в стихах на правдивую историческую основу. Весьма характерно, что выражения, заключенные в поэтических строках второй главы поэмы, присутствуют и в прозаическом тексте «Истории Пугачева»: «С криком бросились к крепости», «Пугачев бежал с награбленною добычей», «Женщины подняли вой», «Дикие вопли, шум и грохот», «Мятежники бежали во все стороны», «С криком бежали по улицам, грабя и поджигая дома».

Эти живые наблюдения, приведенные в «Истории Пугачева», относятся к описанию боев под Казанью, Оренбургом, Татищевой.

Таким образом, есть основания утверждать, что плодами уральского путешествия поэта была не только проза.

Клен растил я...

Лев СОРОКИН

* * *

Как много дней потеряно!
Как много!
Они сомкнулись,
Жизнь образовав.
А у истоков жизненной дороги
Казалось мне,
Что вечно буду прав,
Как прав отец был
Правотой солдата
И револю-
ционной
правотой.

Ведь он со мной
В победном сорок пятом
Делился своей тяжкою судьбой.
Была ясна нам жертва поколений,
Но мы забыли про других людей,
Что не пошли за нас
в огонь сражений
И вылезли теперь из всех щелей.
Теперь они твердят:
— Что раньше было,
Все это лишь ошибки и застои!..
Выходит, не ломила наша сила
Фашистов,
Навязавших смертный бой?
И возникают тысячи вопросов:
— А говорить смогли бы открыто так,
Когда бы на дот
не бросился Матросов,
Не встал Клочков на острие атак?
Когда бы мы Магнитку не подняли,
Забыв про «не хочу»
И «не могу»?
И танки
Из уральской нашей стали
Не разогнули Курскую дугу?

* * *

А по радио снова
Рок звучит иностранный,
Телевизор включаю —
Не по-русски поют.
И заморский мотивчик
В парк несут мальчуганы,
Что ж, в сердцах у мальчишек
Модной музыки зуд.

Почему же я слышу
Грустный хрип Челентано,
Я ж настроил приемник
На родную Москву?!
Вновь от зорьки до зорьки
Ритмы групп иностранных...
Но ведь я же в России,
Я в России живу!

* * *

Расшатали Землю
Ядерные взрывы,
Засоряются и воздух, и вода,
И бросаются
В отчаянных порывах
К людям на берег
Китовые стада.

Юг лежит в снегу
От ураганных сшибок,
А тепло ушло,
Как в выбитую дверь.

Не от наших ли
Бесчисленных ошибок
И Природа
Ошибается теперь?

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Ну, сколько же можно под корень
Рубить вековые леса,
Отходы выбрасывать в море,
Бездумно коптить небеса?
Ну, сколько же, сколько же можно
Менять направление рек?
Природа отыщет возможность
Тебе отомстить, Человек!

Бушуют стихии над миром,
Конца нет подземным толчкам,
И в небе озонные дыры
Как

предупреждение

нам.
Да разве же вас не тревожит
Над миром
Насилье свое?
Природа избавиться может
От тех, кто изводит ее.

ДЕРЕВО

Говорила бабушка негромко,
Что напрасно в жизни прохожу,
Если я в наследие потомкам
Дерево одно не посажу.

Было все —
И холодно, и знойно...
Клен растил я,
Не жалея сил...

Но пришел строитель
И спокойно
Дерево подросшее
Срубил.

* * *

Смешана зелень везде
С желтизной,
Вот и пришли двусторонние дни,
Хоть и проходим дорогой одною:
Лето — на солнышке,
Осень — в тени.
Греются,
Жмурятся пенсионеры,
Внуков пасут на площадках они,
В парках просторных,
В зауженных скверах —
Лето — на солнышке,
Осень — в тени.
Лужи блестят —
Непогоды осколки,
В них отразились рябины огни.
Это ж совсем, ну, совсем

ненадолго:

Лето — на солнышке,
Осень — в тени.

ХРАМ В ГЕХАРДЕ

Храм вознесся в небесную высь,
Как в любви негасимой
Признание.
Храм
Священник опальный
Всю жизнь
Вырубал за любовь в наказание,
Как он вырубил своды в скале?
Где он брал и упорство, и силы?
Если есть чудеса на земле,
Чудеса те любовь сотворила!
Шли века и в огне, и в крови,
Храм в Гехарде
Нетленен поныне.
И, выходит, из грешной любви
Вырастают крутые святыни.
Храм пещерный остался вдали,
Но тревожат ночные зарницы:
Мы во имя любви бы смогли
На пожизненный подвиг
решиться?

Самый первый номер «Уральского следопыта» открывался стихами тридцатилетнего свердловского поэта Льва Сорокина. С тех пор прошло 30 лет. За эти годы он опубликовал в нашем журнале много новых поэтических произведений. Собранные воедино, они могли бы составить объемную книгу.

Предлагаемая читателю подборка стихов Льва Леонидовича Сорокина — юбилейная.

От всей души поздравляем верного друга «Уральского следопыта» с 60-летием.

Александр
САВЧЕНКО

КАВАЛЕР ОРДЕНА ВЕРНОСТИ,

или Фантазии Пожогина

У пристани Крестовского острова чуть покачиваются на легкой волне корабли — старинные и необычно красивые, как из мечты. Фрегат, ялы, швяк, карбасы, галера — целая эскадра. Внезапно утреннюю тишину разрывает барабанная дробь, и на плацу, что тянется от кузни до самого дворца, появляются шеренги пехотинцев.

Рядовые — в красно-зеленых мундирах и белых лосинах. На офицерах — белые перчатки, золотое шитье и треуголки. Вдоль крепостных стен и у пристани толпятся барышни, горячо приветствуя солдат...

Игра длится часа полтора. А потом «гвардия» переодевается в пеструю повседневку и превращается в обычных подростков, что приезжают сюда по воскресеньям из школ и ПТУ Петроградского и других районов Ленинграда. Восторженные барышни становятся девочками-старшеклассницами, а вместе те и другие — членами военно-исторического подросткового клуба, который уже несколько лет обретается на Петроградской стороне, в приморском парке Победы. Руководит им все эти годы Рудольф Андреевич Пожогин. Крепостной городок с земляными валами, кузней, караулками, дворцом и рыцарским залом — это уже не фантазии на исторические темы, а реально осуществленная мечта. Начальнику клуба и адмиралу потешного флота — ревностного хранителя российских морских традиций — Рудольфу Пожогину понадобилось для ее реализации без малого пятнадцать лет.

Его надо отнести к тем людям, для которых детское увлечение не проходит бесследно, а остается на всю жизнь. Мальчишкой помнит, как зачитывался книгами о море, строил маленькие парусники, а всем школьным предметам предпочитал историю.

После армии подался было в кораблестроительный институт, но

проучился там недолго: парусные суда в «корабелке» стояли в стороне от учебного фарватера. А его привлекали именно они. Потом были еще пробы: исторический факультет Ленинградского государственного университета, художественно-промышленное училище имени В. Мухоморова, мореходка... Но что-то мешало сделать выбор, и Пожогин продолжал искать себя, свое место в жизни. Ни одного вуза он так, впрочем, и не закончил.

Работал художником-оформителем на ленинградском заводе «Полиграфмаш», а свободное время проводил либо в море, под парусами, либо на постройке очередного корабля. Первым судном на веку морехода Пожогина была бригантинка «Тайна», построенная им вместе с друзьями — тоже любителями парусов и моря. Ходили по Финскому заливу и морю Ладожскому, мечтали построить большой старинный корабль, например, фрегат Петровской эпохи. И отправиться на нем в дальний поход. Мечта, что и говорить, красивая!

Легко сказать — построить, а на какие, собственно, шиши? Да ведь и без знания основ кораблестроения и истории, без умения работать рубанком и шить паруса не то что корабль — модели не склеишь. Пришлось всему учиться...

Состав команды бригантинки, потом лоды, потом фрегата менялся. Энтузиасты взрослели, обзаводились семьями. И лишь фантазер Пожогин по-прежнему оставался верен себе, не заметив, как стал «последним из могикан». Но в одиночестве не остался: теперь его окружали ребята не старше шестнадцати — восемнадцати лет.

Поначалу Пожогин вовсе и не помышлял организовывать клуб. По вечерам, намахавшись за день топором на постройке шхуны, команда рассаживалась в тесном кубрике, а капитан начинал рассказывать о первых русских судах, что родились в потешных играх на Плещеевом озере. И тут возникла идея — возродить в Ленинграде, где все связано с историей флота российского и именем его создателя, потешную флотилию, войско и адмиралтейство.

Пожогин мог построить любой корабль, но доказать, убедить, что он нужен мальчишкам, оказалось куда сложнее. Доказывать пришлось долго, много и в разных инстанциях, пока наконец клуб не получил название, статус подросткового и участок земли на берегу Малой Невки.

— Ну, вот наши владения, — широким жестом обвел он побережье. — Здесь будет...

Мальчишки недоверчиво оглядывали горы мусора, черные безглазые остова двух домиков, помойку невдалеке, колдобины и ямы.

— Раньше здесь были прачечные и мастерские князей Белосельских-Белозерских, а теперь мы построим свое адмиралтейство, будем прово-

дить ассамблеи, давать балы, — веселился Пожогин, глядя на притихших ребят. — Берите лопаты!

Неуклюжую фразу «запись в члены клуба» Рудольф Андреевич смеялся на ироничную, но более соответствующую духу минувшей эпохи — «рекрутский набор». И сколько же оказалось желающих, рекомендованных, кстати сказать, комсомольскими организациями! Каждый рекрут, прежде чем дослужиться до бомбардира, старшины или фрегатен-капитана, должен научиться ловко действовать лопатой, пилой, топором, иглой, побывать подручным в кузне. Ребята, казалось, горы способны свернуть: навалились всем миром — и оба здания на берегу обрели вполне приличный вид, взялись — и безо всяких особых приспособлений и техники поставлена тяжеленная мачта.

Пока вид у пожогинской мечты довольно скромный: клубный флигель дворцом не назовешь. К сожалению, до сих пор не нашлось в Ленинграде организации, которая взяла бы на баланс и эскадру, и береговые сооружения, и крепостной городок. Поэтому денег у Петровского морского военно-исторического клуба, в отличие, скажем, от клуба «Нево», что при Дворце культуры моряков, нет. Те, снимая с лицевого счета необходимые суммы, приобретают компрессорное оборудование, осветительную аппаратуру, а Пожогину краску, гвозди, доски приходится выпрашивать у шефов — рыбаков, речников, моряков...

Как это удается Пожогину — вообще загадка, насколько я его знаю, человек он неделовой. Другой бы, имея «на руках» флотилию, известность в городе, благодарности различных организаций за участие во всевозможных празднествах, в два счета, пожалуй, осуществил бы свою фантазию. Пожогин же идет к ней долгие годы. Другой, имея официальных шефов, «вытянул» бы из них все, что только возможно. Рудольф Андреевич берет лишь то, что дают.

Никто ни разу не сказал Пожогину, что дело его нестоящее, не усомнился в его фантазиях, но и дельных помощников не густо. Помогают ему как-то стихийно: театр юного зрителя подарил старые костюмы, Невский судоремонтный завод — спанные карбасы... Но и такие подарки заполучить непросто.

Все свое личное время Пожогин проводит в клубе. Здесь он читает, половину домашней библиотеки сюда перенес, занимается исследованиями — ведь клуб в некотором роде и исторический военно-морской музей. Даже ночует зачастую в клубе. В семье смирились, привыкли считать Петровский клуб главным домом Пожогина.

Меня в свое время свел с Рудольфом Андреевичем Виталий Вишневский — собкор «Комсомолки» в Ленинграде. Когда флоталия только

начиналась, мы с режиссером Ленинградской студии документальных фильмов Виктором Граниным хотели снять о ней фильм. Но пока собиравшись, Петровский клуб уже взяли в оборот: корабли потешной флотилии снимались в кинокартинах «Сломанная подкова», «Звезда пленительного счастья», «Юность Петра», «В начале славных дел», «Россия молодая»...

Ныне в Петровский клуб вместе с ребятами приходят и взрослые. Остаются, правда, немногие, пасуют: чтобы заслужить у подростков авторитет, надо быть не только мастером в своем деле, но и обязательно уметь еще что-то «сверх программы».

Пожогин, например, преподает в «навигационной» школе лодию, корабельную архитектуру, теорию вождения парусников, фехтование, а помимо всего этого — рисует, играет на большом барабане и флейте, проектирует все клубные сооружения. Замполит Олег Соколов, выпускник политехнического института, а ныне студент исторического факультета университета, расписывает стены, занимается с подростками по истории русского флота и армии Петровской эпохи. Юными швеями и художниками руководят студентки художественного вуза И. Федорова и О. Гофман. Из лоскутов, старых костюмов, обрезков парусины шьют они парадную форму для большой ассамблеи, которая по традиции проводится здесь под конец учебного года. Поиском старинных военных песен и маршей занята Л. Рывина — музыкальный руководитель Петровского клуба, студентка горного института.

...Пожогин расхаживает по гордодку. Из-под черного берета с крабом выбивается седина.

— Здесь построим крепостную стену. Конюшни заведем, лошадей, — фантазирует он. — Вот уже и фундамент заложили. Будет у нас свой эскадрон...

В числе многих увлечений Пожогина никогда не было педагогики. Кем-кем, а воспитателем он стать не собиравшись. А все-таки стал им. Вид у него, правда, какой-то уж очень невоспитательный: в ватнике, хватается за любую работу. Однако парни, обращаясь к нему, вытягиваются в струнку, величают адмиралом. Звание адмирала потешного флота — единственное, чего добился Рудольф Пожогин к сорока пяти годам.

Но дело свое он все-таки нашел, усвоив нехитрую истину: фантазии тогда хороши и реальны, когда осуществляются своими руками.

Есть в Петровском клубе награды. Самая высшая из них — орден Верности. Пока у него единственный кавалер — Рудольф Андреевич Пожогин.

**Анатолий
ГУЩИН**

ТАК РОДИЛСЯ МУЗЕЙ

Летом 1984 года рабочий Слюдянского строительного-монтажного поезда В. А. Драничкин, коная под фундамент котлован, на глубине четырех-пяти метров обнаружил какие-то странные кости. Откуда они тут? Подозвал монтажников. Пошли чудокости по рукам. Подумали строители и решили, что выбрасывать кости не стоит. Отнесли в вагончик.

Когда заходил кто-либо из посторонних, рабочие непременно показывали находку. Спорили. Единого мнения не было, но все же склонились к мысли, что это кости мамонта.

— Может, в Иркутск письмо написать? — предложил как-то Драничкин. — Пусть ученых пришлют.

Но написать так и не решился. Об истории с костями узнал бывший директор Слюдянского мехлесхоза В. В. Самойленко. Он в то время как раз носился с идеей музея. Считал, что Слюдянка — одно из удивительнейших мест на Байкале. Природа щедро одарила этот уголок земли. Озеро и владающие в него реки богаты ценными породами рыб, лес — зверем и птицей, горы — редкими полезными ископаемыми. Зарубежный ученый И. Траоре, побывав здесь, сказал о Слюдянке, что «это минералогический рай на зависть всем геологам мира».

В здешних карьерах находили невиданные кристаллы слюды-флогопита весом в сотни килограммов, до метра в поперечнике. Многие минералы отличаются необычной формой, окраской, составом. В толще земли распространены, как нигде в стране, горные породы из чистейшего белого диобсида (силиката кальция и магния). Отсюда в Санкт-Петербург еще стол лет назад на санях и телегах отправляли байкальский лазурит...

Все уникально в местечке Слюдянка. Вот и загорелся Самойленко идеей собрать в музей все богатства здешних мест. Его поддержал горком партии, что еще больше воодушевило энтузиаста. Тогда и прослышал он о необычных костях, найденных строителями.

Вскоре в мехлесхоз приехали ученые из Иркутска. Они подтвердили: да, это — кости мамонта!

До этого их находили лишь близ гады Талая и Шаманского мыса, что

значительно севернее Слюдянки. Эти места на Байкале известны как стоянки древнего человека. А как же останки мамонта попали на самый южный берег озера? Ледник до этих мест, как известно, не доходил. Загадка заинтересовала ученых.

Самойленко этому только радовался. Еще бы! Только-только начал создаваться, музей уже обзавелся таким ценнейшим экспонатом! Зачастили люди в мехлесхоз. Некоторые не с пустыми руками: кто старинную вещь принесет, кто редкий минерал...

Не прошло и полгода, как в комнате мехлесхоза музеем стало тесно. Было решено перевести его в новое помещение.

Сейчас Слюдянский музей — филиал Иркутского краеведческого — поставлен на хозрасчет. Сотни экспонатов в его экспозиции: дары байкальских вод, коллекция минералов, представители животного и растительного мира тайги. Тут же — выставка продукции мехлесхоза, слюдянской фабрики, мраморного и мозаичного цехов рудоуправления.

Так родился в Слюдянке музей.

**Марк
ЛАНСКОЙ**

ШАШКА ГЕНЕРАЛА

Пионеры дружины имени Героя Советского Союза М. И. Савельева областной санаторной школы-интерната города Серова Свердловской области передали на вечное хранение в городской исторический музей ценную реликвию — наградную шашку бывшего командира 166-й Краснознаменной стрелковой дивизии генерал-майора А. И. Светлякова.

Шашки, подобные этой, были изготовлены на Златоустовском заводе для награждения военнослужащих в десятую годовщину РККА. Эфес ее отделан позолотой, на рукояти — накладное изображение красной звезды из серебра, покрытое алой эмалью, а на клинке — золотая гравировка: «Честному вуну РККА от РВС СССР».

Это редкая награда. Краском А. И. Светляков получил ее от Реввоенсовета в 1931 году за личное мужество в сражениях с бандами Ибрагим-бека, вторгнувшимися к нам из Афганистана.

ГДЕ РОДИЛСЯ БОРИС РУЧЬЕВ?

Александр ЧЕРЕПАНОВ,
журналист

В 1961 году на один из поэтических сборников Бориса Ручьева я откликнулся заметкой в газете «Знамя Октября» (г. Пласт), в которой тогда работал. В заметке выплеснул свои восторги, которыми просто не мог не поделиться с друзьями. Номер газеты со своей статьей послал в Магнитогорск Борису Александровичу. Ждал ли ответа? И да, и нет. Понимал, что поэту, может быть, не до меня и не до моих восторгов...

Но вот под самый Новый год пришло письмо:

«Дорогой Александр!

Простите, что так возмутительно долго не отвечал на Ваше письмо. Очень хотелось послать Вам свою книжку, но как назло, так ни одного экземпляра, ни одного из своих изданий (разумеется — новых) ниоткуда не получил, а старых не осталось. Особенно обещали свердловские товарищи, и почему-то подвели меня, как говорится.

А в ноябре свалилась на мою голову болезнь, вызванная тяжелым переутомлением мозга, и врачи — под угрозой больницы — категорически запретили мне даже чтение, да я, собственно, и сам этого не мог.

И вот только сейчас, немного ослабевшись от своего недуга, смог подать Вам свой голос. Само собой разумеется, что я от всего сердца благодарю Вас за отличный отзыв о моей книжке. Он дорог мне тем, что, как это чувствуется, явился отзывом искреннего товарища по труду, по родине, друга чуткого ума и сердца.

Пришлось мне и еще раз обратиться к Борису Александровичу. Вот как это было.

Живу я теперь в Еткуле. Здесь у входа в районный Дом культуры есть мемориальная доска: «В селе Еткуль в 1913 г. родился советский поэт Борис Александрович Ручьев

(Кривощечков)». Каждый раз, пробегаю взглядом эти строки, я говорю себе: «Это — упрямая неточность».

Тогда, в конце 1966 года, я работал здесь ответственным секретарем районной газеты «Искра». Думали над новогодним номером. Хотелось сделать его особенным, запоминающимся, ведь будущий 1967 год знаменательный — широко будет отмечаться пятидесятилетие Советской власти. Решили обратиться к знатным землякам, дать их выступления в газете. Мне поручили созвониться по телефону с Б. А. Ручьевым.

На проводе Магнитогорск. В трубке чуть хриловатый голос Бориса Александровича. Я изложил просьбу.

— Нет, нет, — сказал он. — Не могу. Дело в том, что я не в Еткуле родился — в Троицке.

— Но, Борис Александрович, — чуть не закричал я, — ведь во всех книгах...

— Крестили меня в Еткуле, это верно, а родился в Троицке!

Об этом разговоре я рассказал своему приятелю учителю Еткульской средней школы С. С. Беляеву. Сергей Семенович не удивился:

— Я знаю об этом. Мне сам Борис Александрович писал года три назад. Где-то письмо есть.

Письмо сохранилось. Поэт писал:

*«Дорогой Сергей Семенович!
Очень рад был, получив Ваше письмо и фотографию.*

Действительно, получилось так, что по рождению я приписан к ст. Еткульской. Родился в г. Троицке, но крестили в Еткуле. В то время отец мой был инспектором Высшего Начального городского училища. Кажется, вскоре после моего рождения он переехал в Еткуль».

Упрямая неточность о месте рождения Б. А. Ручьева зашла довольно далеко. И надо ли ее так же упрямо исправлять? Не все ли равно читателям поэта, где родился автор проникновенных стихов?

Нет, не все равно! Сам поэт настойчиво утверждал, что он родился в Троицке. С этим надо считаться!

Поэзии Бориса Ручьева уготована долгая жизнь. Новые поколения людей не однажды прикоснутся к живительному ручьевскому роднику, чтобы набраться сил и мужества. Им не безразличны будут личность поэта, многотрудная его жизнь и место, где он родился и где прошли его юные годы.

И еще один законный вопрос: почему мы по старинке отмечаем день рождения поэта 15 июня? В 1913 году день рождения Бориса Александровича действительно был 15 июня. Но ведь в феврале 1918 го-

да в Советской России был введен новый стиль. Пора к дате рождения поэта добавить 13 дней и отмечать день рождения Б. А. Ручьева 28 июня.

с. Еткуль

ЧТО ТАКОЕ КУРГАНСКИЙ «УТЯК»?

Анатолий ГОРШКОВ,
рабочий

Первые русские поселения на территории Курганской области появились немногим более трехсот лет назад. До прихода же русских Зауралья на протяжении многих сотен лет населяли тюркские племена — предки нынешних татар и башкир. И, конечно, свои селения, озера, реки они как-то называли. И теперь часто встречаются названия, несущие в себе информацию о дорусском (чаще всего татарском) происхождении.

К таким словам относится название «Утык» и другие производные от него наименования в окрестностях Кургана. На сравнительно небольшой территории их наберется немало: станция Утык, село Утытское, совхоз «Утытский», деревни Утытка и Усть-Утык... Даже три небольшие речки-соседки носят одно название: Нижний Утык, Средний Утык и просто Утык. Может быть, как иногда считают, все дело в утках, которых в здешних местах раньше водилось множество? Но заглянем глубже в топонимику.

Основой жизненного уклада татарского населения в дорусское время было пастушеское животноводство. Богатые травами пойменные луга Тобола притягивали скотоводов. Сейчас слово «трава» по-татарски звучит — «улян», но в прежние времена более употребительным было «ут». Правда, в современном татарском языке «ут» значит — «огонь». Но это просто два разных слова, одинаково звучащие, но имеющие разное происхождение. В современном языке от прежнего слова «ут» — «трава» — образовано слово «утлавык» (то же, что «кутюлек», «кутылык» и т. п.) — пастбище. Как в слове «утлавык», так и в слове «утяк» явно просмат-

ривается тюркская, древнетатарская основа «ут» — «трава». Причем, оказывается, слово это означало не просто траву вообще, а траву, хорошо поедаемую скотом, сочную, мягкую, богатую питательными веществами. Второй компонент названия — «як» — типичный татарский формант, образующий существительные. Сравните, например, другие названия населенных пунктов Курганской области: Чумляк, Тебеньяк. Таким образом, «утяк» — местность, богатая кормовыми травами, тучное пастбище.

Русские первопоселенцы и восприняли его как название местности. Первое поселение русских в этих местах с названием, образованным от слова «утяк», — Утятская слобода, основано в 1680 году.

Подобные принципы номинации незнакомых прежде мест в топонимике встречаются довольно часто. Недалеко от Кургана протекает речка Ик. По-татарски «ик» значит — речка, просто течение. Русские же крестьяне приняли слово «ик» за название реки.

Подтвердить сказанное могут наименования мест, находившихся за пределами Курганской области, но в ареале расселения татарского народа: Утяково — в Зеленодольском районе Татарии; Утяково — на северо-западе Башкирии, где проживают татары; Утяшево — возле Тюмени; Утянка — в Новосибирской области; Утлык — в Челябинской (переводится с башкирского как «травянистое место»). На Урале и в Западной Сибири есть несколько озер с названием Уткуль, где «куль» — «озеро».

Как показывают археологические исследования, пойма реки Тобол с глубокой древности облюбована животноводами. Позднее, во времена освоения Зауралья русскими, здесь на сочных пойменных лугах откармливали высокопродуктивные породы домашних животных. Отсюда ведет происхождение курганская молочная порода коров. До революции курганское масло закупали фирмы Западной Европы и США. Фотографии конца прошлого и начала нынешнего века показывают, что курганские рынки и ярмарки были забиты говяжьими тушами. Кони, выращенные на тучных пастбищах Притоболья, ценились очень высоко и пользовались спросом у купцов Урала, Сибири и Казахстана. Курган получал мощный стимул к развитию, благодаря переработке животноводческой продукции и сбыту ее. И основными поставщиками были крестьянские хозяйства Среднего Притоболья, где ранее находилась татарский «утяк» — край кормовых трав и тучных пастбищ.

в. Шадринск

Иван БЕЛЯЕВ

Рис. Сергея Мальшева

НОВЕЛЛЫ О РАСТЕНИЯХ

ИДУ ПО ЛУГУ

Весною, летом, осенью люблю ходить по нескошенному лугу. Иду не торопясь, с оглядкой. Не могу я быстро, размашисто, как все, идти среди трав. Едва заносу ногу, как взгляд мой сам собой останавливается на том месте, куда она должна стать.

И вижу на том месте бледно-зеленые цветы манжетки, то голубоглазую веронику, то еще какое-нибудь лекарственное или просто красивое растение. Отвожу ногу в сторону, порой довольно далеко, стараюсь ступать при этом легко — оттого мой след по лугу так извилист и неуверен.

Что поделаешь — люблю я травы. Люблю не только за то, что они чем-то полезны, но и просто потому, что они частичка нашего прекрасного мира.

Иду лугом и знаю, что кажущийся однообразным большинству луг совсем не однообразен: в нем столько микроландшафтов, столько растительных микросообществ да еще специфических для данного луга растений-эндемиков, что берись за перо и пиши о нем большую и интересную книгу. И как рыбовод, проживший долгую жизнь близ реки, знает ее каждый омут и перекат, и по характеру берега, скорости течения, прибрежным зарослям и погоде может твердо сказать, где на реке и какой будет клев, так и я по сочетанию рельефа луга и характеру травостоя могу твердо сказать, какие можно найти растения в том или ином месте.

Вот и понимаешь: поднялся луг на суходол — ищи чабрец, синеголовник, колючник; спустился луг в дол — ищи змеевик, калган, фиалку трехцветную, синюху голубую; стал луг заливным — ищи дикий лук, гравилат, щавель; прижался луг вплотную к реке — ищи проломник, сушеницу топяную, недоотрогу, а у самого уреза воды, над водами реки и на берегах прибрежных заливов — ищи валериану, солзеночник, череду, водяной перец. Из самой воды поднимаются порой аир, частуха подорожниковая, дербенник иволистный.

И приходишь на луг, как в родной или хорошо знакомый дом, где все тебя знают и ты всех знаешь, где ждут тебя с приветом и лаской.

НЕ ТРОНЬ МЕНЯ

Есть, оказывается, растение с таким странным и необычным названием. Точный перевод его латинского названия таков — «не выносит никакого прикосновения». Но это несколько неблагозвучно и труднопроизносимо, вот и зовут травку в народе просто и поэтично — «не тронь меня». А иначе еще — недотрога-прыгун, а ботаническое ее название — бальзамин. Да, он «кровная» родня тому самому бальзамину «ваньке-мокрому», который часто можно видеть на окнах невзыскательных любителей комнатных цветов.

Впервые о недотроге я узнал из передачи «Мир растений». Во весь экран показывали ее желтые цветы в виде раструба с загнутым шпорцем, прячущиеся под листьями. Но поразила не необычность растения, а то, что росло оно у самого края шоссе и было, очевидно, обычным растением для этих мест.

В наших краях я такого растения не встречал, и поэтому недотрога показалась мне вроде африканского экзота: даже мечты особой увидеть живым это растение не появилось.

А уж до знакомств с новыми растениями я большой любитель. Ведь найти необычное растение — это все равно что познакомиться с интересным человеком.

И вот однажды летом стояли мы с племянником Женей на краю бобровой запруды в верховьях реки Сылвы, ловили хариусов. Рыба клевала неплохо, мы замерли в ожидании очередных поклевков, как вдруг боковым зрением я заметил возле колен племянника странный цветок. Забыл про поплавок и стал внимательно разглядывать растение. Недотрога! Еще не веря своему счастью, я закричал племяннику:

— Женька, стой смирно! Не шевелись!

Опомнившийся Женька спросил с насмешкой:

— Дядя Ваня, тебе такую травку надо, что ли? Так вон смотри сколько ее!

Действительно, в кустах сушняка, куда он показал рукой, виднелась целая кулига желтых цветов, невдалеке еще одна.

Я бросил рыбалку и осторожно подошел к зарослям. Растения стояли плотно на илстой наносной почве: голенастые, почти прозрачные, с нежной мягкой листвой. Верхушечные цветы были еще в зародышах, срединные ярко желтели под листьями (каждый цветок на бледном цветонесе обязательно, под серединой листа), напоминающая формой своей сказочные рога изобилия. Я нагнулся ниже и нашел на нескольких растениях продолговатые плодики-стручочки. Попробовал сорвать один, но он треснул у меня в пальцах, створки скрутились, разбрасывая семена. Они разлетались, ударяя по листьям вблизи стоящих растений, и шум был таким, как будто стайка воробьев невдалеке испуганно взлетела и унеслась прочь.

Племянник Женька с детским азартом тоже принял стрельять семенами. Я осторожно раскрыл один стручок, высыпал семена-бобики на ладонь и рассмотрел их. Они были прозрачно-зелеными с салатно-зелеными зародышами. Не знаю, были ли они недозрелыми, или спелые бобы такого же цвета, но и после я у недотроги бобов другого

цвета не встречал. Особенно поражали стебли — голенастые, полупрозрачные. Если вырвать растение с корнем и оставить только одно нижнее колено, то получалось что-то похожее на ногу молодого цыпленка.

Из книг узнал, что растение однолетнее, ядовитое, растет по сырым местам в кустарниках и лесах. Цветки крупные, длиной 3—4 сантиметра на тонких цветоножках. Шпорец на конце загнутый, стебель сочный, прозрачный. Цветоносы тонкие, перекинуты через черешок, и цветки располагаются под листьями. Плод — зеленая коробочка из пяти створок. При прикосновении створки скручиваются, а плоды с силой разбрасываются. Происходит это от того, что в створках плода находится ткань, клетки которой сильно набухают. Они переполнены водой и с силой давят на наружный слой коробочки. Створки находятся в напряженном состоянии, и если дотронуться до них, то они изгибаются, закручиваются и с силой выбрасывают семена.

Из цветков можно получить желтую краску для тканей.

В народной медицине недотрога применяется для лечения женских болезней.

В сентябре ударил первый сильный заморозок, температура ночью упала до минус шести градусов. Днем потеплело, и я снова пошел за хариусами. Пришел к знакомой заводи. Почти все травы стояли в прежнем виде, а недотроги сначала я не нашел. Только после, присмотревшись, увидел я черные осклизлые остроконечные кучки, как будто от перестоявшихся бледных поганок. Разворошил одну, другую. Под опаленными морозом листьями и цветками сохранились только два междузлия стебля с утолщенным прозрачным коленом. «Э,— подумал я,— ты не только недотрога, но к тому же и неженка, настоящая кисейная барышня».

КОНСКИЙ ЩАВЕЛЬ

Хорошо в лесу осенью! Первый снежок закрыл тоненьким покрывальцем дорогу, придорожные кусты, высокие ели и пихты. Жеребец Колька, запряженный в сани, везет нас с Афанасием Ивановичем на Теплую Гору. Колька молод и силен, ему всего семь лет, для жеребца это самая молодость. Даже по дороге, еле-еле укрытой снежком, он бежит рысью и не потеет.

И вдруг Колька приостанавливается, чуть вытягивается, из-под хвоста его вырывается тонкая тугая струйка зеленоватой вонючей жидкости и окатывает головку саней. Струя сильная — на три метра против ветра. Жизнь прожил, а никогда не видел поноса у лошадей, поэтому меня это заинтересовало вдвойне.

— Да что-то вроде поноса у него началось,— объяснил мне Афанасий Иванович.— Вот я и попоил его конским щавелем, закрепить хотел.

— И много вы ему дали щавеля?

— Да целое ведро выпоил. Густо напарил и все выпоил.

— Вот оттого у Кольки и понос. Ведь в малых дозах конский щавель закрепляет, а в больших слабит. Для че-

ловека, например, доза в пять граммов — уже сильное слабительное.

Старый умный человек Афанасий Иванович, а этого не знал. И продолжал он пить своего любимого Кольку крепким отваром шавеля, могло случиться так, что Колька обессилел бы и слох!

Примеров тому, как растения в малых дозах действуют так, а в больших совершенно иначе, можно привести десятки. Например, вороний глаз ядовит, но в малых дозах применяется от головной боли, мигрени, психических расстройств. Копытень в малых дозах — хорошее противоалкогольное лекарство, под надзором врача, конечно, а в больших — сильное рвотное. Подобными же свойствами обладают купена, ветреница лютичная и ряд других растений.

Вот почему особенно опасно, когда за лечение берутся самозванные лекари — безобидная травка в неумелых руках может наделать больших бед. Вот почему в Уголовном кодексе РСФСР есть статья 221 «Незаконное врачевание». А кто-то покупает травы у базарных бабок, совершенно не имея понятия о их действии и способах их приготовления и употребления. Траву-то, может, продадут и ту, что надо, но от неправильного приготовления и приема (по принципу: чем гуще, тем лучше) вместо пользы купленная травка может принести вред.

ЛИПА-УГОДНИЦА

В родных моих краях, в Зауралье, липа не встречается, поэтому раньше здесь, как ни бедны были крестьяне, лаптей не носили. Носили бахилы, бродни, чувяки, сапоги, но не лапти. Липа в березовых колках не растет, она растет в парках, дубравах, в более северных районах растет вместе с елью и пихтой. В восточных предгорьях Урала липа встречается часто. Под сенью густых елей, по увалам и склонам пологих гор чернеют ее прямые, как колонны, стволы.

Мы поселились в этих местах всего три года назад, и мне, выросшему в Зауралье, липа была в новинку: сразу же захотелось узнать, как плетут лапти, готовят разные поделки из ее древесины. Я попросил Афанасия Ивановича срубить и привезти мне липу.

— Сейчас новолуние, липу рубить нельзя, поделки будут непрочными, — сказал он. — Вот войдет луна в последнюю четверть, будет на исходе, тогда и поедем за липой.

В одно летнее утро он подъехал к нашему дому на телеге, в которую был запряжен его любимый жеребец Колька, и позвал меня с собой. Мы выехали за увал, свернули в лес и вскоре остановились около дерева, взметнувшего к небу четыре черных ствола.

— Здесь вот и срубим. Которую хочешь?

Я понятия не имел ни о достоинствах, ни о возрасте липы, но признаться в этом как-то постеснялся, и ткнул пальцем в направлении самого высокого ствола. Зашипела пила, с протяжным стоном ухнула на подставленные лежки липа. Мы распилили ствол на три части длиной около сажени каждый и довольные поехали домой.

Дома я отмерил с концов каждого обрубка по большой

четверти, прорезал ножовкой прорезь и снял срединную часть коры, оставив концы в коре. Потом сделал так, как вычитал где-то в книге: замазал торцы обрубков густой масляной краской и положил сушить в тень под навес. Снятую же кору я связал в пучок и, по совету Афанасия Ивановича, прикрепив к пучку камни, погрузил его на все лето в ближайший заливчик нашей речки.

Мелькнуло лето. С нетерпением я ждал результатов своего труда. Хотелось поскорее заняться поделками из липы, тем более что я купил набор резцов. В начале осени от самой толстой части одного из обрубков я отрезал двадцатисантиметровый чурбачок дерева в коре и принес его досушивать в дом. Результаты не замедлили сказаться: уже через несколько дней по торцам чурбачка пошли глубокие радиальные трещины, и когда я расколол чурбачок на баклуши, надеясь вырезать хотя бы ложку, то понял, что своей поспешностью загубил материал: трещины были так глубоки, что почти смыкались друг с другом в глубине чурбачка. И тогда с особой ясностью я ощутил, как важно правильно подобрать и подготовить материал для важных работ.

Например, мастера в Средней Азии зарывают заготовку в сухую землю под навесом и выдерживают ее там от года до нескольких лет. Потом заготовку выкапывают и досушивают в помещении. Небольшие куски дерева, предназначенные для мелких вещей, вываривают в хлопковом масле. В условиях нашего климата материал обычно сушат на открытом воздухе, а для небольших поделок куски дерева вываривают в течение получаса в крепком водном растворе поваренной соли и еще после этого сушат в помещении в течение трех-четырех суток.

Из мягкой липовой древесины делают ложки, скалки, веретена, мелкие токарные изделия и различную домашнюю утварь. В старину из липы делали сапожные колодки, теперь делают фанеру, а липовая стружка — лучший упаковочный материал для фруктов.

Жить в лесном краю и не испытать себя в искусстве резьбы по дереву невозможно. Но это, надеюсь, у меня еще все впереди.

В конце сентября вытащил я из речного залива замоченную там мной с лета липовую кору. Вся в зеленоватом тонком иле, она воняла ужасно, однако слои луба от коры отделялись хорошо. Пришедший в гости Афанасий Иванович определил, что корье недомокло.

— А лапти из такого лыка плести можно?

— Это не лыко, а мочало. Из него ткнут рогожи, попоны, кули, делают вехти. Раньше на Тихвинскую всей деревней замачивали липовую кору, в к Семену-летоководу каждый доставал свое корье, обмывал, обирал мочало и развешивал его по вешалам. А лапти плетут из лыка. Рубят лутошки — липки диаметром три-четыре сантиметра, — снимают с них кору полосками шириной в вершок-полтора и длиной около двух аршин. Эти полоски потом отскабливают от коры до луба и получают лыко, из которого и плетут лапти.

Кажется, что лапти — такая хлипкая и ненадежная быстроизнашивающаяся обувь, но старики, кому доводилось хаживать в лаптях, говорят, что добрым лаптям с двойной подковыркой, сплетенными умелым мастером, порой износу нет.

Теперь лаптей, конечно, никто не плетет. Разве только для самодельной сены да как сувениры. Видел я однажды, как плел крошечные лапти, длиной со спичечный коробок, Александр Федорович Гилев со станции Хоренки. Начинал с пятки, заплетал на колодке носок, потом, ловко орудуя небольшим кодочигом, заплетал лаптям двойную подковырку — делал след лаптя двойной толщины. Его работа привлекала всеобщее внимание, но вряд ли кто всерьез захочет учиться плести эти самые лапти.

С лутошек липовая кора легко снимается круглый год, а с больших деревьев на мочало кору снимают только тогда, когда она «идет». Чтобы определить, «идет» ли кора, брали большой кол из твердых пород деревьев, остро затесывали его и всаживали в кору. Если кора отделялась легко, а это обычно происходило в июне — июле, то липу очищали от коры всю, оставался гладкий светлый ствол

без единого волокна коры и луба. Строишь, как мастер орудует колом, снимая кору, и невольно изумляешься правильности русской поговорки: «Ободрать, как липку».

Кроме различных токарных поделок, липа годится и на другие предметы домашнего обихода, например, ручки граблей. Инструмент получается идеально легким, а ручка при работе не мозолит руки. Не все мастера-покосники согласны с этим, считают, что древесина этого дерева слишком непрочна, но большинство все же делает ручки из липы.

Липа — красивое дерево, живущее 300—400 лет, очень медоносное. Во время цветения с нее со всех сторон свисают светлые грозди душистых цветков. За три недели цветения липа с площади в один гектар дает около тонны нектара. Липовый мед самый вкусный и полезный. Мне не раз приходилось наблюдать во время сбора цветов для лекарственных целей (а липовый цвет — известный целитель всех простудных заболеваний), что пчелы во время медосбора на липе ведут себя очень мирно и не жалят человека, даже если он, срывая цветок, стонит с него пчелу. Очевидно, пчела понимает, что меда хватит на всех, и липа растет и цветет не только для нее, но и для каждого живого существа. Но попробуй коснуться улья — и та же пчела, жертвуя жизнью, бросится защищать его.

В народе липовый цвет широко используется как чай, как средство от простуды и кашля, а также от головной боли (обкладывают голову листьями).

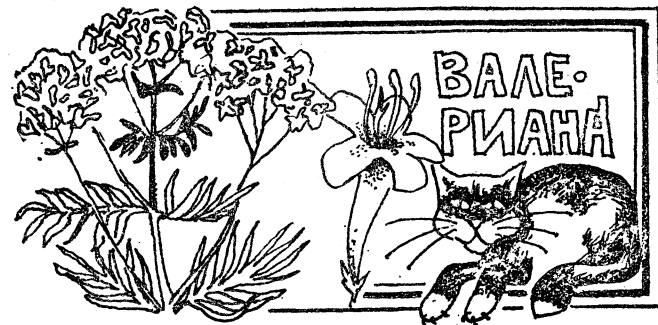
Осенней порой тихо бреду липовой аллеей старинного парка. Деревья одеты нарядной золотисто-желтой листвой, земля желта от опавших листьев, а черные стволы кажутся угрюмыми и таинственными. И кажется, нет на свете дерева, которое так точно и прекрасно передало бы все очарование осеннего увядания природы.

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ЗВЕРЕЙ

Есть такая шуточная поговорка: «У зверей хотя и нет гортанца, но зато есть травы».

Всю зиму по огороду около нашего дома бегал заяц, следил по свежывапавшему снегу. Пришла весна, обнажились от снега грядки. Кусты валерианы зазеленели первыми, погнались листья и цветоносы. И вдруг в один прекрасный весенний день я обнаружил, что один кустик сгрызен до самых корней. Присмотрелся — и увидел на мокрой земле заячьи следы. Так вот кто приходил лечиться на мои грядки! В наш бурный век волнений и стрессов не только людям, но и зайке понадобились успокоительные средства.

Кошки тоже охотно летачат валерианой, растаскивают и грызут ее корни. Сам видел, как соседская кошка Мурка лечилась травой: она так усердно грызла листочки пырея, что, когда я подошел к ней совсем близко, только недовольно посмотрела на меня и продолжала заниматься своим делом. Собаки надолго убегают из дома, чтобы найти в лесу необходимую им травку и вылечить от только им известной болезни. Козы и овцы начисто обдирают кору с осинových и пихтовых поленьев.

Из литературы известно, например, что утомленные лошади охотно поедают полевой осот, и это быстро восстанавливает их силы. Особенно быстро восстанавливают силы животных трава и корни растения левзеи сафлоровидной, известной также под названием маралий корень.

К растениям из аптеки животных ученые относят щетинник, ферулу, пырей, полынь, дикий лук, кошачью лапку. Сено всего охотнее поедается животными, если в нем есть такие ароматические растения, как тмин, богородская трава, душица, мята, пижма, полынь, тысячелистник. Замечено, что эти же растения животные ищут и во время выпаса на пастбище.

КОРНЕВАНИЕ

Много ныне аптекам требуется лекарственного сырья, и мы с женой, оба пенсионеры, в свободное время заготавливаем для аптек различные травы и корни.

Собирать травы, особенно срывать цветы приятно, но копать корни — занятие малопривлекательное. Для того чтобы выдолбить, скажем, длинный веретенообразный корень дикого цикория из полузамерзшей глинистой земли потребуются много труда и упорства. Нелегко копать корни чемерицы, много раз наколешь руки, пока выкопаешь корень шиповника. Приятно держать свежывкопанный корень змеевика, а еще почему-то приятнее — калгана, очевидно, невольно вспоминается ароматный, душистый, розовый калгановый чай.

Легче всего моются в проточной воде корни чемерицы, а вот с корнями калгана, например, приходится порядком потрудиться, пока их вымоешь, очистишь от гнилых частей, придаточных корешков, изрежешь и разложишь на листы тонким слоем.

Готовить снадобья легче всего из корней валерианы, калгана, змеевика: заварил, минут пять-десять прокипятил, остудил — и все. Корни чемерицы настаивают на водке неделю в темном теплом месте или готовят мазь на свином жире, но зато какое это прекрасное отвлекающее средство при невралгических и ревматических болях. Ахала старуха, хваталась за надсаженную спину и натруженные руки, а помазалась снадобьем из чемерицы корня да забралась на ночь на русскую печку — и все боли как рукой сняло.

Нервы успокаивает валериана, но больше их успокаивают настои из корней синюхи голубой. А корни эти тонкие, плотно вплетены в сплетения корней лугового травостоя, если синюха полевая, а не растет на грядке. Выкопав такой клубок корней и задумаешься о том, как его вымыть. Поэтому мы с женой стараемся копать корни синюхи вблизи нашей горной речки Сыльвы. Кладезь эту путаницу корней, как мочалку, в неглубоком месте на гравелистое дно и чисто вымытыми сапогами начинаешь топтать ее. Речка неглубокая, до щиколоток, за местом мытья вдоль по ней вместе со сверкающей холодной чистой струей уносятся облачка коричневой мути. Блестит солнышко, сверкает речная струя, похрустывает под ногами гравий, а ощущение такое, словно вдруг, неожиданно в пасмурный

осенний день выглянуло яркое теплое солнышко или вдруг на старости лет вспыхнуло большое светлое чувство любви.

Не люблю почему-то мыть корневища пиона уклоняющегося или иначе — марьина корня. Слышал, что это лекарственное растение: марьин корень в войну многих от голода спасал. Попробовал и я поесть его, сварил, очистил, пожевал — горьковато и неприятно. Картошка лучше.

Муторно мыть корни левзеи сафлоровидной (маральего корня), зато как хорошо моются корни окопника лекарственного: толстые, мягкие, как сливочное масло, они легко отмываются от земли.

А еще есть клубни и корни аконитов, горечавок, ятрышников, дягилей, борщевиков, бедренца-камнеломки, медуницы. И все лекарственные, и все нужные.

Рюкзак за спиной, в рюкзаке складная лопата, рукавицы, полиэтиленовые мешочки под корни. Идем с женой корневать на наши излюбленные места. И почти никогда не возвращаемся пустыми. На радость себе, аптечным работникам и людям.

А растения возобновятся снова — после выкапывания корня в каждую ямку сею семена, и через год-два вырастают экземпляры растений лучше прежних.

ДИКАЯ РЕДЬКА

На небольшом полустанке в теплый июньский день группа пассажиров ожидает местный поезд.

Пожилая женщина отошла шагов на пять-десять от железнодорожной линии, что-то поискала среди зарослей и вскоре вернулась со снопом серовато-зеленой травы с желтыми, не очень броскими цветами.

— Что, Мария Филипповна, военное время вспомнила, дикой редьки поесть захотела? — спросила ее, очевидно, хорошо знакомая женщина.

— Действительно, ох и поели же мы ее в войну-то! — задумчиво сказала та, которую назвали Марней Филипповной. — И кобыляк (щавель конский), и горныш (буфен клубненосный), и марьин корень... А редька-то дикая была деликатесом наособицу — ароматная, во рту таяла, как путо конфеты ели.

Я попросил одно растение, очистил его стебель от коры, откусил и пожевал. Было приятно во рту, овощ оказался менее острым и более ароматным, чем домашняя редька. Слышал, что и лекарственное значение редек велико: сок их — испытанное средство при заболеваниях печени и желчного пузыря.

Дикая редька — интересное растение, сорняк, растущий у дорог и на полях. Одно растение способно принести до двенадцати тысяч семян, в которых содержится около 35% масла, употребляемого в мыловарении и в качестве смазочного масла.

— Ну как, вкусно? — спросила меня Мария Филипповна и, получив мой утвердительный ответ, добавила: — А в войну-то она казалась еще вкуснее.

И почему это старым людям все война вспоминается? Не тяжкий многочасовой труд, не лишения, а голод, голод, голод... И потому-то, наверное, старые люди больше всех на свете не хотят, чтобы возникла новая война.

Юрий
КОНЕЦКИЙ

Верхотурье

(Отрывок из поэмы)

Русь в Сибирь повалила по тракту.
Кто — с проезжей, а кто — с кистеньком,
Кто — с лошадкой по свежую травку,
Кто — свободной землицей влеком.
Кто — тайком, кто — в железах — кандальник,
Кто — по делу гуляет, кто — так...
С брякунцами на тройке — начальник,
Приказной воевода иль дьяк.
В колымагах, повозках, кошевах,
В сапогах, в лапотках, босиком
То ли счастья попытают большого,
То ль от прежнего горя — бегом?
Смутных лет пронеслось разоренье,
Словно град ледяной на хлеба...
И России Сибирь — во спасенье
Ниспослала благая судьба.
Коль тебя не попутает леший,
Не заруют в пути под кусты, —
Возликуешь ты, конный иль пеший,
Верхотурья увидев кресты
Золотые — блестя над Турюю —
Да смолистые стены кремля,
Да дымки слободы под горою,
Да в озимой щетинке поля...

О, дорога, вместо порога
В неоглядную русскую ширь
Лег Урал пред тобою, дорога,
Открывая ворота в Сибирь.
Ты его проскочила вначале
Озорна,
Безоглядна, бойка...
Тыщи верст впереди — без печали,
Как нарядный кушак ямщика.
Без тебя ль разудалые свадьбы
Молодые играли, любя?
Только им — о, дорога! — не знать бы,
Как деды проклинали тебя...
Как, таясь от хозяйского сыску,
Шли в угоднее место — в Сибирь...
И за веру раскольничью — в ссылку,
Староверский листая псалтырь,
Шли, держась двоеперстья, как Стенька
Стержневого держался пути,
Не боясь ни огня, ни застенка...
Ты о том не забыла, поди?
Шли купцы, да стрельцы, да ярыжки,
Да побитых земель немчура, —
Никому не давал передышки
Императорский окрик Петра...

ТЫ + Я

Фото
Игоря
Подвысоцкого

Рис.
Валерия
Маркелова

Человеку должно повезти три раза: от кого родиться, у кого учиться и на ком жениться. Это, как говорят, и есть судьба. И если первое условие не зависит от человека, второе — не всегда зависит, то в третьем он волен, и хозяин себе.

«Я хотел бы иметь чуткую, женственную подругу. Хотел бы, да «бы» мешает... Умный человек сказал: «Мужеподобная женщина так же убога, как женоподобный мужчина». Этим все сказано. Нынче женственность не в моде. Многие девушки курят, сквернословят — смотреть противно. Если случится со мной такое несчастье и я женюсь, то моя жена ни пить, ни курить не будет».

«Не хочу, чтобы моя будущая жена походила на девушек, каких часто вижу на дискотеке. Надоели пустоголовые девчонки, хвастающие своей «свободой», золотыми серьгами и фирменными задами! Ведут себя развязно, могут даже на дискотеку прийти выпивши... О такой жене, думаю, никто не мечтает. Так, время провести еще можно».

«Мне пока трудно выделить какие-то черты характера, которые привлекли бы в окружающих меня мальчиках. Мои идеалы — герои книг: Павел Корчагин, Олег Кошевой... Я ищу их черты вокруг, ищу открытость, чистоту помыслов, ясность целей — и не нахожу. Мне кажется, что и во всем в жизни это были красивые люди, все у них было не так, как у сегодняшних юношей. Не могу представить, чтобы кто-нибудь из них мог сказать другу: «Пошел к черту» или назвать знакомую — «старуха».

«Нынче юношей-рыцарей нет, а есть юноши-хамы. Какой-нибудь пошляк отпускает тебе вслед мерзкие шуточки, а друзья-приятели давятся от хохота. Им нравится, когда унижают девушку. А есть ли среди них не такие — другие? Вряд ли».

«Идет по улице девушка — красавица, залюбуешься. А на дискотеке ее же увидишь — чудо-юдо какое-то: дымит, как паровоз, сквернословит хуже пьяного мужика, хохочет дико... Неужели не понимает, что она отвратительна? Вот и мечтай после этого о будущей жене. На Марс, что ли, за нею отправляться?»

...А вам не кажется, что два последних корреспондента прямо созданы друг для друга? Как больно ранит их души грубость, хамство, распущенность. Создай эти двое в будущем семью — яростно и дружно будут они бороться против того, что претит им.

Но... сначала им надо встретиться. Где? Да на той же дискотеке...

Вот наш герой стоит в группе приятелей. Героиня поднимается на крыльцо Дворца культуры. В группе приятелей есть, конечно, заводила. Лидер именно на этот случай жизни. Дискотечный лидер, потому что в иных обстоятельствах он будет ничто, ноль без палочки. Родила дискотека таких доморощенных пошляков, которые ради желания выделиться, утвердить себя на время, не пощадят и собственную сестру. И заводила этот старается вовсю. Чем грубее, заборнее — тем громче хохот приятелей.

Наш герой в душе этого заводилу презирает. Но он — как все. Все смеются — и он, как все.

А что же героиня?.. Нет, она не заплачет на виду у всех. И даже не помчится сломя голову домой. Она подойдет к приятельнице и попросит... сигарету. Курить ей не хочется, ей бы криком закричать от унижения и обиды, а она демонстративно запихнет в рот сигарету и будет дымить. Как все... И громко, вызывающе смеяться. И, мстя за унижение, произнесет такое, от чего у самой перехватит дыхание. Она тоже — как все.

И в памяти героя и героини введливой горечью останется не собственное поведение, а чужое. Они встретились и... не узнали друг друга. Обидно?

Мир же устроен так, что рано или поздно все заводят семьи. Даже лидер с ничтожной душонкой однажды не будет одержим желанием выделиться, а захочет понравиться девушке. Сыграет в доброго, славного парня. И кто-то поверит ему, безоговорочно и счастливо, как в чудо — ах, как ей повезло, будет радоваться она, пока... Остальное можно предположить.

Да и для героя нашего не понадобится особо хитроумной ловушки. Опустила девчонка скромно глаза — он и готов. Оказывается, еще не повымерли женственные и милые девушки, и на его долю выпал идеал!.. А за глазками-то душа есть — какая она?

Нетрудно притвориться кем угодно. В нужный момент некоторые люди скроют себе душу, как платье на заказ. Только надолго не хватит — всю жизнь нельзя притворяться.

Что же делать? Как узнать и понять родственную душу? Если ты действительно герой, а не балаганный остряк, — ты отыщешь свой идеал.

Хочешь доброты? Не прячь свою собственную... Не стыдись ее, как порока. Не прикрывай своим ли, чужим ли цинизмом. Хочешь, чтобы спутница была не куклой, а человеком, — докажи, что ты сам мужественен и добр. Сколько мужества нужно, чтобы оборвать пошлака, вступить за девушку, не знаешь? Не пробовал?

Проверь, попробуй...

Земля так велика, что в лабиринте ее дорог легко разминуться, легко пройти мимо своей судьбы. Но вот Его и Ее дороги не разминутись. Что же привело их друг к другу?

Любая счастливая пара ответит одинаково — любовью!.. А характеристики, которые они дадут один другому, будут сплошь именами существительными. Красота, нежность, веселый характер — это о ней. Ум, сила, надежность — это о нем.

«В мужчине главное — прямота, честность, деловитость. Не терплю пустословов: сказал — значит выполни. Ценю в мужчине самокритичность. Если сделал неверный шаг — найди силы исправить. Мне нравятся такие парни. А что нравится в женщине — наверное, доброта».

«Хочу, чтобы моя будущая жена была красивая и верная. Чтобы умела готовить пиццу и заварить чай. А если серьезно — мечтаю о простой и доброй, а не о какой-нибудь эмансипированной».

«Я представляю примерно так. Чтобы мы с ней находили общий язык. Чтобы она была отзывчивым человеком. Умела бы готовить и стирать; была грамотной, играла бы на каком-нибудь музыкальном инструменте и научила этому детей. Главное, чтобы несла вместе со мной ответственность по отношению к нашим детям. Не согласен, что сейчас нет хороших девушек. Просто в наше время почему-то не принято показывать хорошие черты. Кто в этом виноват, не знаю».

«Моя жена, как и я, будет жить в деревне. У нас будет свой дом, хозяйство: корова, куры, огород. Для этого она должна быть трудолюбивая, и детей своих мы будем приучать к труду. Хорошо бы — нашлась не скандальная. Но ссориться я с ней буду, гладко ничего не бывает. Станет очень выступать — побью».

«Мужчина должен быть добрым, хозяйственным. Он должен помогать мне воспитывать детей. А если не помогает — значит, не любит, не жалеет».

«Своего будущего мужа представляю непьющим, некурящим, добрым, смелым, симпатичным, чтобы всегда помогал мне в трудную минуту. Но боюсь, что такого не встречу».

«...Добрый и умный. Словом, настоящим мужчиной».

«Только бы не пил! В остальном я сама воспитаю какого надо для моей семьи».

«Хочу, чтобы мой муж был хорошим, добрым человеком. Чтобы его уважали люди. Чтобы у нас была дружная и спортивная семья. Я мечтаю, чтобы детей он воспитывал сам (с моей помощью), но в семье имело бы вес мужское слово. О таком муже мечтает каждая девчонка, но, говорят, таких нет. Я надеюсь: один из ста или даже тысячи для меня найдется. Я вообще-то везучая».

«...Чтобы был добрый, искренний, честный. Любил детей всех, а не только своих. Чтобы всегда чувствовал себя уверенно, никого не боялся; чтобы был веселый, но не хвастун, чтобы был ласков со мною и детьми и ненавидел спиртное».

«Своего будущего мужа представляю человеком, уважающим других людей и требовательным в первую очередь к себе. Чтобы он умел в каких-то случаях уступить, успокоить, помочь».

«Хотела бы, чтобы он был высокого роста, пусть даже не очень симпатичный. Конечно, не пьющий. Курят сейчас почти все, так что некурящего не найти. Чтобы он чем-то увлекался — спортом, например. Чтобы был аккуратным и детей приучал к аккуратности. А главное, чтобы был добрый. Найду ли я такого — вот вопрос!»

Около двухсот анкет-записок дали повод для этого разговора. Свое мнение о будущем спутнике жизни высказывают учащиеся профессионально-технического училища № 7 города Первоуральска и старшеклассники свердловской школы № 141.

Итак:
Твой идеал спутника жизни?
Какие черты наиболее ценишь — в мужчине, в женщине?
Как представляешь себе семейную жизнь?

...Вы заметили, что одно качество, как ни разнообразны требования, называется неизменно — доброта?.. Из двухсот анкет разве что в двадцати нет впрямую таких слов: «добрый», «добрая», но и авторы анкет-исключений не отрицают это качество. Например, такой предельно краткий, симпатичный ответ: *«Жена должна быть любимой. Всё»*. А если бы стал расшифровывать — наверно, тоже не забыл бы доброту. И уж конечно, она прямо на поверхности в другом, простодушном и насквозь «практическом» ответе: *«Моя будущая жена будет работать в столовой. Может, потом передумаю, а сейчас есть все время хочется...»*.

Доброта — как запах цветов: в руки не возьмешь, на язык не попробуешь, а как чувствуешь! Добрый — это умеющий сопереживать, не способный на жестокость, на обиду, душевно щедрый. Ведь никто же не вспомнил о щедрости денежной, о деньгах... Может, жизнь и внесет определенные корректировки в эти мечты. Но сегодня истинная доброта фигурирует как главное человеческое (дефицитное?..) качество.

«Жизнь просит доброты. Простой доброты — помочь, прийти с фонарем сквозь ночь. Не выругаться, не пнуть. А тем, кому хочется пить воды, — из ковша зачерпнуть. А тем, кому хочется жить, — доброе утро шепнуть...»

Неумирающей оказалась потребность в такой доброте.

«Неправда!.. Не по душе, а по личику выбирают. И на красивых всегда больше обращают внимания! Что бы там ни говорили, а мы, девочки, это знаем».

Ну, вот — как крик... «Красивая и смелая дорогу перешла». Посторонись, все прочие — некрасивые, застенчивые, сдержанные, невеселые, замкнутые, слабые, нечего вам мечтать о счастье!

Это одно мнение. А есть и другое.

«Какую хотел бы жену — я еще не придумал, а за десять минут и не придумаешь. Да и что толку? Любая девочка может показаться красивой, ласковой, отзывчивой, а женишься — и взвоешь... Может, лучше вообще не жениться. Лично я буду думать, какая мне нужна жена, когда отслужу в армии. Научусь разбираться в людях — тогда уж меня не проведешь».

Слыхали, девочки?.. Парни-то тоже не все лыком шиты.

...Две женщины встретились. Бывшие одноклассницы. Одна слыла в школе самой «некрасивой». Двадцать лет прошло... Уж осень стучится в двери, а она — как Веснянка! И косметики на лице ни грамма, и прическа более чем скромна, но глаза — как два ручья под солнцем.

— Светка, ты что же все краше становишься? Секрет есть?

— О-ой... скажешь тоже! Ты бы вчера меня видела, я вчера ломовой лошады была — белья гору перестирала, перегладила, спать легла в два ночи. Хватает хлопот... У меня же четверо — две девочки и мальчик.

— А четвертый-то кто?

— Как кто? Муж!..

— Все двадцать лет так же любишь?

— Слушай, даже в девочках его черты, характер, привычки...

— Вот так! А говорят: быт убивает любовь.

— Заходи, посмотришь, как мы управляемся...

И она ушла, прямая, как струнка, высоко подняв голову и не пряча глаза от прохожих. А зачем их прятать, когда душе тепло и уютно, словно у большого костра. И какая разница — весна на дворе или осень.

...Примерная ученица мучительно подбирает слова. Характеристику Наташи Ростовой по учебнику она не выучила, хотя «Войну и мир» со свойственной ей добросовестностью читала: не без удовольствия — про мир и с усилием, пропуская страницы, — про войну. Но выражать собственные мысли она не приучена, опасается, что они не совпадут с тем, что сказано в учебнике. А потому мучается и, по выражению учительницы, мямлит.

Наконец учительница не выдерживает и раздраженно прерывает:

— Призналась бы сразу, что в учебник не заглядывала. С кого берешь пример?! — Презрительный жест в сторону последней парты. — С этих вертихвосток? Так они замуж выскочат, им литература ни к чему. «Чтоб детей иметь, кому ума не доставало?» А у тебя жизнь впереди!

Класс равнодушно безмолвствует. Никому в голову не приходит возразить, что Наташа Ростова тоже «высочила» замуж и автор отнесся к этому весьма одобрительно. То, что происходит ежедневно, никого не способно удивить, возмутить. Всем ясно, что «жизнь впереди» — это учеба в институте, интересная работа. А семья — удел неспособных и лентяек.

Сегодня в это верится с трудом, но было... Еще два поколения назад никто не писал, каким ему представляется спутник жизни. Тема была запретная. Завила десятиклассница челку — возмездие следовало тут же: «Если нет ничего в голове, остается украсить голову. Или тебе уже все равно — одни глупости в голове? Замуж мечтаешь?»

Сегодня, выслушав такое, пусть не по поводу невинной челки, а по поводу накрашенных ресниц, десятиклассница не бросится рысью в туалет смывать постыдное подозрение. А тогда бегали... Конечно, помнили Пушкина: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Но Пушкин — давно и далеко, а учителя — рядом и сейчас...

На уроках труда девочки усердно изучали токарное и слесарное дело, автодело. Зачастую делали успехи, которыми можно было пристыдить мальчиков. Все были равны, и со всех требовали одинаково. Слабого пола не существовало.

У всякого времени свои законы. Страна переживала первые десятилетия после разрушительной войны. Женщины садились в кабины тракторов, спускались в шахты. Надо было поднимать страну. Семья отступила на второй план. И у всякого времени находились приверженцы, не знающие меры. В учителях тогда были женщины, которых война лишила возможности создать семью. Самим себе, а потом и ученицам своим, они пытались внушить, что семья — отнюдь не существенное в жизни человека.

Добрые папы и мамы, возвратясь с родительских собраний, где их учили, к чему и как готовить дочек, прогоняли их из кухни: «Успеешь еще у плиты настояться, дело нехитрое... Учись, к настоящему делу готовься».

Потом спохватились. Социологи и сатирики забили тревогу: рушится ячейка общества — семья, участились разводы из-за неумения жены вести хозяйство, нежелания заниматься собственными детьми.

Разводились, конечно, не все. Большинство переламывали себя, постигали «нехитрую» науку, которая оказывалась посложнее и похитрее серьезных наук. Только вот беда: иные до сих пор, уже и детей вырастив, и внуков вынянчив, считают себя несчастными людьми: не к такой жизни они себя готовили, вернее, их готовили, а значит, принесли они себя в жертву унылой прозе жизни...

«В прошлом веке женщине-дворянке ничего другого не оставалось, как принести себя в жертву семье. Для нынешней, получившей образование за счет государства, интеллигентной женщины — это преступление!» — такую гневную отповедь произнесла учительница, когда одна из учениц, прочитав повести Гарина-Михайловского «Детство Тёмы» и «Гимназисты», осмелилась предположить вслух, что призвание женщины — растить и воспитывать детей.

Так думали не только в школе. Если женщина вынуждена была неделю просидеть дома с больным ребенком, ей без обиняков говорили, что она человек непорочный, пусть не преступница, но предательница по отношению к коллективу, к делу, к обществу.

Сегодня такое вслух произнести никто не посмеет. Иное время, иные взгляды. Нынче во многих школах с гордостью демонстрируют не только фартуки, но и

праздничные платья, сшитые девочками; и немало домов, где дочери готовят на всю семью. И если вчерашний школьник сегодня требует развода из-за того, что жена не желает готовить — в это еще можно поверить; а вот в то, что не умеет... Это уж значит, что она систематически сбежала с уроков домоводства.

Впрочем, идеализировать пока рано!

Помните песню: «Дочери, дочери, взрослые дочери, холим мы вас, как детей. Только бы жили вы, взрослые дочери, лучше своих матерей». И холят, и оберегают от тарелок, полов, кастрюль, грязных носков... На уроках труда с первого по третий класс работают с картоном, пластилином, природным материалом — развивают творческое начало в ребенке. Наконец в четвертом классе...

Прибегает к соседке девочка с радостным известием:

— Сегодня на уроке труда мы будем учиться готовить бутерброды!

— Что?.. Учиться? А разве ты не умеешь?

— Не-а,— беззаботно отвечает та.

— А если мамы дома нет, а тебе очень хочется есть, кто тебе делает бутерброд?

— Бутерброд долго готовить, а я умею яичницу жарить, а еще суп разогревать, который мама сварила. Но больше я люблю в школе обедать, в столовой. Там уже все готовое и горячее.

Или каждый день яичница, или столовая в лучшем случае — вот на что обречены будущие кандидаты в мужья, если кое-где в постановку трудового воспитания не вмешается сама жизнь.

От докторской колбасы отрезается кусочек, рядом кладутся ломоть черного хлеба, долька от огурца. Минуты не прошло — вот тебе бутерброд. Чему тут учиться?

— Так просто... — удивилась девочка. — А с сыром можно?

— С сыром, с вареньем, с килькой, с творогом... И еще с фантазией. «Сто рецептов закусок из черного хлеба». На, почитай, потом верни.

...Интересно, а манная каша входит в программу уроков труда или это уже высшие университеты?

«Когда люди живут вместе долго и сружно, они становятся похожи друга на друга. Это и есть идеальная семья, о которой стоит мечтать. Если мне попадется добрая и умная жена, то всю работу по дому мы будем делить поровну и вместе проводить свободное время, воспитывать детей и бороться со всякими неурядицами в быту и на работе. Теоретически такая семья возможна, а практически — посмотрим».

«Прежде всего мы с будущей женой должны понимать друг друга с полуслова. Хорошо бы, она была человеком не вспыльчивым — спокойным, добрым, тогда нам не придется ссориться из-за пустяков. В то же время моя будущая жена должна иметь свои личные взгляды, а не быть во всем подвластна мужу».

«Не обязательно, чтобы моя жена была красивой. Главное, чтобы понимала меня — была не только женой, но и другом. Чтобы была любящей матерью. Тогда у нас будут счастливые дети, взаимопонимание и душевная близость между всеми членами семьи».

«Когда у нас ввели этику и психологию семейной жизни, я отнесся к этому как к чему-то несерьезному. Все мужчины в определенном возрасте женятся, и нечего тут раздумывать. Понаравится девушке — и я женюсь. И только на уроках этики мне открылись глаза: какая огромная ответственность ложится на тех, кто создает семью...»

«Идеальный муж — понятие растяжимое. Для каждой жены он идеален, когда подходит ей. Если она хорошая мать — ей нужно будет, чтобы он любил детей так же, как она. Если хорошая хозяйка — и он будет хорошим, когда станет помогать по дому. Если женщина будет прежде всего заниматься собой — ей потребуются муж-джентльмен».

«Людей без недостатков не бывает. Но ради любви

можно человека можно бросить все дурные привычки. Я считаю, что если у моего избранника и будут недостатки, то с моей помощью он от них избавится. А еще хотелось бы, чтобы он интересовался всем в окружающей жизни, то есть жил бы не только для себя и своей семьи».

«Хотела бы видеть его прежде всего защитником. И чтобы он был простым и добрым, без просьб покупал билеты в кино, в театр, возил меня на разные мероприятия и прогулки. По магазинам мы ходили бы вместе и вместе путешествовали по стране. Чтобы каждый день встречал меня с работы и всегда говорил, что ему готовить на обед, завтрак, ужин (поблажка ему)».

«...Подходит ко мне красивый высокий парень. Издалека я на него часто засматривалась, и вот — сбилось... Сам подошел и предложил проводить. А у меня дыхание перехватило — не от радости, нет. От него запах, как из бачка с грязным бельем... Месяц, что ли, в баню не ходил? И сразу он мне стал не нужен. Согласна, что жена должна обихаживать семью. Но что это за мужчина, который сам за собой не способен последить?! Каким он будет мужем? Нет, такого мужа я не желаю».

«Во-первых, жена должна понимать мои проблемы, если они возникнут. Во-вторых, должна быть не выше меня по должности и получать зарплату меньше моей, иначе семьи не получится. Должна уметь готовить, если не умеет — научим. Ну, можно многое желать — и добрую, и женственную... Идеала все равно не встретит. Даже если избранница сначала покажется идеалом, рано или поздно поймешь, что это не так».

...Под звуки свадебного марша вступают на порог новой жизни Он и Она. Сияют глаза невесты — никак не скрыть ей этого огня... Строг и серьезен жених. Он, конечно, тоже счастлив, но понимает, какая ответственность ложится на его мужские плечи — за себя, за нее, за будущее. Отныне им идти по жизни рядом. Учиться жить.

У кого?

У еще не забытых кумиров? Но они в качестве жизненных примеров не годятся. Какой смысл ориентироваться на Пугачеву, когда мы видим ее только в блеске и сиянии славы, не знаем ни ее житейских забот, ни того, какой ценой достается слава... Звезды — они и есть звезды. На них только любоваться можно, а жизнь с них не скопируешь.

Нельзя всю жизнь прожить и только среди книг. Принимаемая во внимание лучшие черты литературных героев, мы должны помнить, что жизнь сложнее, и каждый из нас не похож один на другого, как день на ночь, песчинка на песчинку.

Сколько споров вызывает домашнее хозяйство уже в первый период семейной жизни. Кто, кому и когда должен помогать? Кто, кого и где должен беречь? И должен ли? Как, вероятно, противно жить в долг!.. Кто поведет ребенка в ясли? Кто отправится на родительское собрание в школу? Будет мужчина себе сам стирать носки или их выстирает женщина в день общей стирки?

Домашнее хозяйство городской семьи: две тарелки, две ложки, чайная пара, восемнадцать квадратных метров пола. Что еще? Все, кажется. Ах, да... Кастрюли, которые нужно драить; рубашки, которые нужно гладить; ботинки, которые нужно сушить и чистить; пыль, которую нужно вытирать...

Встречать Он с работы Ее не приходит — Он устал. В кино билеты не достали. Спортивная прогулка отменяется из-за болезни ребенка. Путешествие по стране откладывается. А тут еще у жены продвижение на работе, и она на десятку больше мужа стала получать...

Отзвучат свадебные марши, пройдет крохотный отрезок жизни, а «надежды маленький оркестрик» уже готов распастись на составные инструменты. Претензии звучат прямо в унисон:

— Он мне не помогает...

— Она меня не понимает...

Но разве любовь уходит так быстро? Один-два ма-

леньких компромисса — и играет, играет оркестрик дальше... Только не надо ставить вопрос ребром. Только не надо дирижировать своим «я»...

Да, многие идут по этой дороге. Радуюсь, гневаясь, падая и расшибая в кровь колени. Душу обдирают о колючки, но убирают занозы и вновь идут, на любовь опираясь, как на посох. В жизни так много бывает ошибок. Любовь готовит не только восторги, — и разочарования тоже. А сердце человеческое не защищено панцирем...

Семейное счастье — это очаг, тепло и уют, во многом поддерживаемый руками женщины. «Дом» и «мать» — два слова, два понятия, которые переплелись в сознании человека. Создав свои семьи, покинув родительский кров, взрослые женщины, возвращаясь в родные с детства стены, оговариваются: «Домой приехала».

Для мужчины «дом» там, где его ждут, любят, заботятся о том, чтобы рубашка была отглаженной (как это ни прозаично звучит), а в кармане всегда был чистый носовой платок. Дом его там, где принимают его таким, каков он есть, где ему не надо казаться сильнее, умнее. За все предшествующие годы его ходостой жизни дом создавался для него женщиной, которая была ему матерью. Дом был надежным прикрытием его тылов. Мать бескорыстно отдавала ему свою любовь, ничего не требуя взамен — чтобы сын мог спокойно учиться, работать, творить. Так истари велось. Но вот у сына появился свой дом, и он уже не оговорится, возвращаясь под родительский кров: «Домой приехал». «Проведать приехал», — да и только. А дом у него теперь тот, за который он сам отвечает.

Фундамент — это мужчина, уют — это женщина. Очаг, камин — это муж, огонь в нем — жена, ее доброта, нежность, терпение, мудрость... Мужчином и не снится, сколько всего от «слабого пола» требует семья!

Зато они знают, каким должен быть мужчина. Это знают даже мальчишки... Вон как они требовательны к себе, снисходительны к «слабому полу». Они уже сейчас готовы простить и пересоленный суп, и гору невымытых тарелок, и неправильно отглаженный воротничок рубашки; но ни сейчас, ни тем более потом не захотят прощать лжи, грубости, подлости. Жизнь покажет, насколько им самим хватит терпения и такта. Жизнь покажет, насколько все это зависит и от них самих.

А много ли женщине надо, чтобы быть счастливой? Одна умная женщина сказала:

— На яблоне апельсины не растут! И когда только жены поймут, что не стоит пытаться переделать мужа по образу и подобию своему — он достался уже готовеньким! Сколько скульпторов постарались — семья, школа, среда, чего же зря еще стараться?! Его победы, поражения, взлеты, неудачи — это все-все он несет в дом, это уже наша половина...

Идеализировать можно только в ранней юности. А дальше нужно просто жить, учиться прощать, не предавать забвению хорошее, не впадать в панику от плохого.

«Ты мне весной приснилась...»

Ты мне весной приснилась...»

Но весна проходит, а прекрасный образ все более станвится явью. С годами грустнее и тише играет оркестрик... Только пусть играет! Не раз в жизни, вальсом Мендельсона; если им действительно управляет любовь — он будет играть всю жизнь.

«Знаете, какой-то парадокс выходит: чем нас больше готовят к семейной жизни, тем больше мы себя чувствуем неподготовленными. Когда мы ничего не знали, нам все казалось просто: и бабушки наши, и мамы выходили замуж — невелика наука! А сейчас даже страшно... Оказывается, мы не отличаемся терпимостью, умением выслушать, принять чужую боль как свою, что мы вообще эгоистки...»

«В мужчине главное — деловитость. Не та, что граничит в понятии некоторых людей с ханжничеством, на-

хальством, а деловитость в лучшем смысле этого слова. Кстати, и в женщине это качество не противное. Летом, на практике, я работал электромонтажником. Бригадиром была женщина, а под ее руководством — девять человек. Все разные. А она справлялась. Справедливая, спокойная — мне такие нравятся».

«По-моему, в семье многое должно держаться на мужчине, на его силе, в том числе и силе духа, на его умении заступиться за себя и за других, на честности, правдивости. В каких ситуациях? Ну, вот, например, если сказать больному, что он плохо выглядит — это будет бестактность. Если сказать дураку, что он дурак — он от этого умнее не станет. Но подлеца назвать подлецом, вора — вором может только честный и сильный человек. Остальное, считаю, все приложится».

«Женственность — это, по сути, намного банальнее, чем мы привыкли понимать. Женственность — это и умение вести дом, экономить. Каждой девочке не лишним будет с малолетства научиться шить, стирать, Дом держится на женщине. И если она чувствует себя самостоятельной, многое по дому умеет — он не будет в тягость. Тогда не придет в голову предъявлять претензии мужу...»

— Тоже мне мужчина, гвоздя забить не можешь! — гневно сказала она и ушла на кухню.

— А ты хоть раз в жизни встала раньше меня и приготовила нормальный завтрак? — сказал он и хлопнул дверью.

— Только не думай, что это ты меня покидаешь. Я сама ухожу от тебя! — крикнула она вдогонку.

— Мы не сошлись характерами, и поэтому расходимся! — приостановился он и поставил точку.

Расхождения во взглядах приводят к тому, что люди расходятся. Расходы в таких случаях Он, как правило, берет на себя. Любовь пускается в расход, со всеми еще неизрасходованными резервами.

Возможны другие варианты «катастроф», но расхождения столь незначительны, что их можно всерьез не принимать — как бы то ни было, расходятся два характера, два мировоззрения, две судьбы. Две планеты!..

Расходятся не потому, что ей больше по душе Рахманинов, а ему — «Наутилус», и не потому, что по-разному понимают Дали и Фолкнера. А потому, что Ему (извините за прозаичность) хочется утром покушать, а Ей надоела вешалка, которая уже скоро год, как болтается на одном гвозде.

Поговорим спокойно, по возможности честно, сменив костюмы и лакированные туфли на домашние тапочки и тренировочные штаны.

Нашими собеседниками в разговоре согласились быть Владислав Анатольевич, инженер большого свердловского завода, и Светлана Сергеевна, работница небольшой свердловской столовой. До этой встречи они совсем не знали друг друга, а знакомству с ними обоими мы обязаны Андрею — сыну Светланы Сергеевны, и Алле — дочери Владислава Анатольевича, выпускникам одной свердловской школы.

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ВЛАДИСЛАВА АНАТОЛЬЕВИЧА О ГВОЗДЯХ И ПИРОГАХ:

Был ли я готов к семейной жизни? Пожалуй, был. Дело в том, что мы, мама, мои братья и я, росли без отца. «Гвозди» пришлось забивать рано. Тогда-то и дал себе слово, что когда у меня будет своя семья, она не будет нуждаться ни в чем. Слово это стараюсь держать, хотя и не всегда все получается.

Знаете, есть такая шутка: «Настоящий мужчина тот, который убил мамонта. А настоящая женщина та, которая нашла себе такого мужчину». С годами пришел к выводу: не так важно, каким способом убит этот мамонт — главное, чтобы он был убит. Когда речь заходит о благополучии семьи, то...

Думаю, не в том дело, умеет или нет супруг чинить

телевизоры и уютги, хорошо владеть ножовкой или рубанком, даже забивать гвозди; а в том, чтобы об этих вещах не «болела голова» у жены. Вот совсем недавно входную дверь дерматинном обшил, отдал полсотни шабашникам, хотя мог бы, наверное, сам сделать. Времени жалко, да и сработал бы не так качественно. Однако дело сделано.

На семейном бюджете это почти не отразилось, да и вообще думаю, что разговоры об умелом распределении семейного бюджета можно вести лишь тогда, когда он есть. Бюджет — это дело, прежде всего, мужа. Хоть всю квартиру гвоздями обей, а кто ты такой, если меньше трехсот домой приносишь?

Не осуждаю мужчин, достающих продукты, не всегда имеющиеся в магазине, или одежду, обувь. Гляньте в универмаги — во что там можно одеться? Если уж откровенно, то почему мужик должен разводить руками, если жизнь такая?

Это о «гвоздях».

А о пирогах... Алла, наша дочь, умеет неплохо готовить, шьет. Мать вроде довольна, но я считаю, что такого «приданого» мало.

В музыкальную школу я ее затащил и строго контролировал, чтобы ходила. Все-таки бросила, ну и зря. Сейчас бы уже как играла! Бассейн тоже бросила, но даром ничего не проходит. Без хвастовства скажу: фигура какая-никакая, а есть. Сейчас брейком занялась, пусть.

Раньше кричала о «домострое». Теперь молчит, все больше у зеркала крутится. Может, поняла, что вреда ей никто никогда не желал и не желает.

Замуж готовлю? Да! А что в этом плохого? Всякие нормальные родители рады видеть свою дочь рядом с хорошим, крепким молодым человеком, желающим и умеющим верно построить свой семейный очаг. Возразите-ка?

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ СВЕТЛАНЫ СЕРГЕЕВНЫ О ПИРОГАХ И ГВОЗДЯХ:

Стыдно признаться, я вообще почти ничего не умела делать по хозяйству до замужества, хотя жила на селе. Болела я в детстве сильно, вот отец с мамой и оберегали меня. К белью мать вообще не подпускала, разве что так, на кухню. Ну, и вышивала еще.

Девчонки на пруд идут белье полоскать, а я нет. Обидно до слез было. В школе «цыпой» прозвали — за цыпки на руках; и слово-то обидное, вроде как тихоня, кулёма. Цыпки появились как только в воду сунушь, даже летом. Потом прошло.

Замуж вышла и научилась всему помаленьку. Когда от родителей в Свердловск переехали, очень бедно жили. Тут Андрейка родился. Я с ним сидела, а муж в две смены работал. Потом он хорошо зарабатывать стал, квартиру получили. Сейчас все хорошо, все есть.

У нас на селе говорили: «Кошка да баба всегда в избе, а мужик да собака на дворе». Чего спорить? Конечно, женщина должна в доме хозяйкой быть, все уметь делать. Только учиться этому надо всю жизнь.

Должен ли мужчина уметь забивать гвозди? Конечно! Мой муж — это он с виду такой: в галстук, животик отпустил, — а он, между прочим, избу срубить может, если надо. По хозяйству, что мужскому, что женскому, все умеет. На работе его уважают: ударник, рационализатор. Тихий только, поэтому изобретения свои не сразу внедряет, трудности там всякие... А я горлопанов и не люблю.

Андрей — он в отца. Спокойный, добрый. Только вот по хозяйству не особо. Больше читает. Да и делать-то особо нечего: в магазин сходить, ведра вынести, то-сё... Ничего, научится. Главное, чтоб ответственность была за семью.

Некоторые скажут: ну, что ответственность — слова. Вот дело какое — это конкретно. Но я думаю, если сын или дочь хоть мелочи привыкли делать, хоть посуду перемыть, ведро вытащить, — то это чувство все равно выра-

батывается. И в своей семье он будет выполнять любую работу, даже незнакомую.

Вот говорю я все это и думаю: ох, болтушка — это же должно так быть, а в жизни по-всякому получается...

Наш Андрейка недавно штаны попросил купить, модные такне. Я говорю: давай сошью тебе. Нет, оказывается, покупать надо. Они рублей двести стоят.

Отец купил, хотя я против была: нечего такне дорогие штаны носить, или пусть сам себе деньги зарабатывает. Муж сказал, что они все сейчас одеваются за счет родителей.

А я помню, как муж себе джинсы первые купил. Тогда они еще в диковину были; брюки-дудочки уже отошли, а самые модные были — брюки-клевш, с цепями всякими, клиньями красными, — не всякий наденет. Джинсы тогда рублей пятьдесят стоили. Это уж потом цены совсем бешеные стали... Так он на овощную базу месяц по воскресеньям ходил, вагоны разгружал, а от своей зарплаты ни копейки не взял.

Неправильно, мне кажется, мы с Андреем поступили. С этими штанами меньше в нем стало на шепотку этой ответственности. С другой стороны, не хочется, чтобы наш сын хуже других ребят выглядел, вы тоже поймите меня...

...Давайте сойдемся на том, что одна половина человечества должна уметь держать молоток в руках, а другая — готовить, если уж не пироги, то, кроме глазуньи, еще что-нибудь. Вопрос в том: когда, как и каким образом. Участвий в нашем разговоре еще двое, трое, четверо — взглядов и мнений значительно бы прибавилось.

Вопрос к Владиславу Анатольевичу и Светлане Сергеевне, да простят его нам Андрей и Алла, такой:

— Как бы вы отнеслись к тому, если бы ваши дети решили пожениться? Прямо после выпускного вечера?

— Отрицательно! Знаете, встарь в русских деревнях существовал такой обычай: родители невесты, бывало, отказывались говорить с женихом о предстоящей свадьбе, если он заезжал на двор не в своих санях. Не обижайтесь, Светлана Сергеевна, но, кажется, у Андрея своих саней пока нет. Вообще, в любовь надо верить, но вероятность того, что вся эта любовь полетит вверх тормашками после года семейной жизни моей дочери с молодым человеком, который не способен, извините, заработать себе на штаны, очень и очень велика. Еще раз простите...

— Я не обижаясь. Может быть, вы правы... Мое же мнение такое: я полностью полагаюсь на выбор сына. Если молодые люди любят друг друга, то пусть женятся. Настоящая любовь пройдет все испытания. А если ее нет... Буду до конца честной: я бы тоже не торбила Андрея со свадьбой...

Мы заканчиваем наш разговор снова ответами на анкету.

«Для нашего брата все зависит от того, какая жена попадется».

«Любая сможет быть хорошей женой, если муж хороший...»

Видите, как... Что бы мы тут ни говорили, — проблема все равно остается открытой.

**Заседание клуба вели Белла БАРВИЦ,
Людмила СЕРГЕЕВА и Сергей НОХРИН.**

ЛЫЖНЯ через БЕДУ

Владимир
СМЕНОВ

Рис. Николая Кинева

Таежный Таборинский район — один из самых отдаленных в Свердловской области. Деревни там, по городским понятиям, небольшие, расположены недалеко друг от друга. Жители всех своих знают, если не по имени, то в лицо обязательно. Поэтому, когда я собирался из Таборов поехать в совхоз «Кузнецовский», то в райцентре услышал немало интересного. Об охотнике, столкнувшемся один на один с двумя медведями... О комбайнере, который из года в год намолачивает больше всех в районе, но газетчики из местной «районки» ломают голову, как об этом рассказать, поскольку в самом конце уборки «герой» обычно уходит в недельный запой... О плотнике-умельце и о многих других.

Но у меня там был намечен конкретный человек. В райкоме комсомола сказали о нем: «Хороший парень... Недавно в газете портрет его был. Спортсмен неплохой...»

И все. И это было самое невероятное: ни слова о его беде. Парень заставил окружающих забыть о ней!

...Чапаев мчится на лихом коне. Модная эстрадная певица с микрофоном. Юрий Никулин в «Бриллиантовой руке»... Афиши развешаны по стенам клуба.

После «героического» кино вздыхают мальчишки: «Эх, вот ведь люди показаны — настоящие герои!» Они уверены, что настоящий героизм проявляется только на войне, только где-то там, далеко... Вот ведь ни об одном кузнецовце художественного фильма не сняли.

А о Василии Новожилове можно снять фильм... Было бы в нем все, что обычно завораживает зрителей: динамика действия, яркий образ, непредсказуемость. Только нельзя оставить за кадром главного — длинных ночей, сомнений и разочарований, надежд и обретенный...

В школе он ничем особенным не выделялся. Многие кузнецовцы удивились, узнав, что Вася Новожилов стал победителем на областных лыжных соревнованиях.

— Поступил я тогда в сорок третье Сухоложское училище, — рассказывает он. — Город незнакомый, никого не знаю. Вот со скуки, что ли, и пришел в спортивную сек-

цию, к Геннадию Андреевичу Лескину. А он такой необыкновенный человек... Открыл во мне такие качества, о которых я сам не подозревал: умение работать на лыжне без усталости, перебороть минутную слабость перед открытием «второго дыхания», спортивное честолюбие.

Вместе с дипломом об окончании училища получил Василий значок спортсмена первого разряда. — Оставайся!.. Через год кандидатом в мастера спорта станешь, гарантирую, — уговаривал тренер.

Но очень уж он соскучился по родным таборинским местам. Тянуло домой.

Работал электриком в совхозе «Кузнецовский». Потом были два года армейской службы. И хотя на занятия спортом времени почти не оставалось, но свою «фирменную» победу — с резким увеличением скорости на финише — он одержал. На «десятке» в перенстве Хабаровского гарнизона до увольнения в запас так и остался непобежденным.

За эти два года Василий кое-что придумал на будущую жизнь. Сам понял, что без физической закалки в армии паренку тяжело, и решил он, что будет заниматься с мальчишками.

Сначала работал физруком в школе, потом — в райспорткомитете. Он только-только женился, родилась дочь, забот прибавилось. Но как бы ни было сложно со временем — ни на день не прекращал тренировок. Местные мальчишки потянулись к нему. Василий представлял, как они вместе с Сашей Прохоровым, Сережей и Володи Черновыми и другими образуют совхозную команду, и не будет им равных в районе! Потом подрастут новые ребята — глядишь, слава о кузнецовских лыжниках перерастет район...

...Все в тот апрельский день 1984 года на электрической подстанции произошло в долю мгновения. «Беларусь» неожиданно дернулся вперед, бульдозерной лопатой левый сапог оказался прижат к стене... Увидев, как он сморщился, Василий успел еще подумать: «Будто ноги там вовсе нет...» Потом увидел искаженное страхом и растерянностью лицо тракториста...

Потянулась бесконечная череда дней в больничных палатах. В самый первый момент, когда увидел изу-

родованную ногу — что скрывать — мелькнуло в голове малодушное: «А зачем и жить-то теперь...» Но тут же взял себя в руки — слабак, что ли, какой? Жена Людмила не отходила от него, приносила девятимесячную Настеньку. Василий в эти минуты забывал про все.

Однажды вечером в палату зашел хирург:

— Как мужчина с мужчиной хочу поговорить с тобой.

Василий все понял:

— Не надо. Что я, сам не понимаю? Если нет шансов...

Начиналась гангрена. Выход был один — ампутация ступни.

Вернулся Василий в Кузнецово на костылях. Еще в больнице перебрал он по денечкам всю свою жизнь. Нет, никогда слабину себе не давал, своим делам и словам хозяином был. И сколько у людей моментов потяжелее, чем у него, а себя не теряли.

Кинемеханик в их деревне на пенсию ушел. Василий решил попробовать... Аппараты малознакомые — с утра до вечера возился, пока изучил. Руки заняты костылями — значит, надо учиться обходиться без них. Кое-что модифицировать в технологии, потом довести до автоматизма. В село порой такие пленки присылают: в одной десятиминутной части однажды оказалось сто четыре склейки... Зритель в Кузнецово не избалованный: прежний кинемеханик навеселе любил крутить, так что и вверх ногами фильмы глядели, и без звука, и с двадцатиминутными перерывами.

Зато сегодня обрыв — редкость. Сам Василий скромничает:

— Да просто пленка качественнее стала...

Здесь бы и поставить точку — нашел человек себя, не отступил перед трудностями. Но есть продолжение и в... спортивной биографии Новожилова.

Еще на костылях стал он проводить с местными мальчишками тренировки; векому было больше — сбежал очередной выпускник физкультурного техникума. Умудрялся Василий даже технику лыжного бега демонстрировать. Летом играл на одной ноге в волейбол, и каждая из команд не прочь была заполучить его — удары у Новожилова что надо.

С нетерпением ждал дня, когда можно будет заказать протез. Как только в первый раз надел его, тут же побегал бегом... Но это первое мгновение, а после, перенося страшную боль, заново учился ходить.

Потом вышел на старт районных соревнований. Пробовал собрать команду в Кузнецово. Зашел к одному, другому. В ответ разное слышал: «Времени совсем нет», «Приболел я...», «Да ну, к черту

ваши бега!». Махнул на всех рукой. Лыжи на плечо, на попутку попросился — один поехал.

Пять километров за 24 минуты пробежал — минут на семь медленнее, чем в лучшие времена. Бежал в основном за счет мышц рук и спины. Все терпимо, но в горку мог только шагом забраться, на подъемах время и терял. И хотя на финише от боли едва стоял на ногах, улыбался:

— Смотри-ка, не последний, даже двоих обогнал...

Да, всякое бывало... Ночью стоял от боли, а утром снова бежал на «вкатыванье». А чаще стоял от отчаяния: уж слишком несовершенна, непригодна для спортивных занятий конструкция протеза. Пробовал на протезном заводе в Свердловске заикнуться об этом, там отмахнулись:

— Какие лыжи, какой бег, какой волейбол?! Молодой человек, вам с палочкой ходить не падать...

А он не хочет. В «новогодней лыжке» снова стартовал, и в соревнованиях по биатлону. А в первенстве района по зимнему многоборью стал чемпионом в личном зачете среди двенадцати представителей совхозов района.

Самой большой радостью для Василия было второе место их совхозной команды на закрытии сезона. Ребята доверили бежать четвертый этап эстафеты ему, капитану четверки. Здесь он выступал не сам по себе, а равный среди равных, и победа дорога вдвойне.

...Сидит передо мной худощавый паренек в очках. Не любитель говорить, тем более о себе. Мне с улыбкой рассказывали, как он недавно убежал чуть ли не огородами от свердловского фотокорреспондента. Именно убежал.

— ...Чем в свободное время люблю заниматься? На рыбалку, на охоту хожу, иногда, если далеко, на мотоцикле езжу. По дому?.. Да работы хватает — дрова, картошка, плотничанье. На покосе родителям помогаю.

Ему двадцать восемь. В комсомольской организации по традиции ему дают поручения по спортивной работе. Вдыхает:

— Прямо беда, молодежь какая-то пассивная... Все ждут, когда что-то предложат, куда-то пригласят. Самим же надо!

А мечта у Василия Новожилова одна: вот бы с мастером-умельцем каким списаться — может, помог бы «спортивный» протез сконструировать...

— Знаете, честно... Только по этой причине я согласился с корреспондентом встретиться. Вдруг кто откликнется?..

ОТ РЕДАКЦИИ:

Главный инженер Свердловского производственного протезно-ортопедического объединения Алексей Лукич Гордо сказал так:

— Основная наша задача — поставить человека на ноги, чтобы он мог передвигаться самостоятельно, по возможности трудиться. Объединение само разработками не занимается, даже технологию изготовления протезов мы получаем из Центрального отраслевого научно-исследовательского института в Москве. На сегодняшний день нашего вызова ожидают 819 человек; для иных ожидание длится полгода и больше. Смешно сказать: инженерная служба объединения состоит из трех работников: с приемом бы справиться...

Но главный инженер не исключает возможность, что умельцу, который возьмется за изготовление «спортивного» протеза, объединение поможет материалами.

Василий Новожилов не одинок. В объединении рассказали о пареньке, который каждые полгода менял сломанные протезы, пока не признался, что он тайком от всех занимается штангой. Ему усилили протезы шиной — хоть ненамного, но крепче стали. Или другой пример: создали в НИИ протез, пригодный для плавания. Но в том же Свердловске ни одного заказчика не нашлось — тяжеловат протез, не очень удобен.

Словом, пока никто всерьез не занимается разработкой и конструированием протезов, пригодных для занятия какими-либо видами спорта. У Василия Новожилова остается одна надежда — на умельцев. Хотя сам он тоже не поддается обстоятельствам. В феврале 1988 года вновь вышел на старт районных соревнований по зимнему многоборью ГТО и занял второе место.

Здравствуйте!

Не понимаю, почему столько шума вокруг идеи НФ «журнала в журнале». Не напоминает ли это раздувание из мухи слона? По-моему, эти самые сотни восторженных читателей пали жертвой самообмана, поскольку объем фантастики не увеличится, как вы сами говорите. Так что же мы получим? Только возможность более удобного сивания?

Кстати, сетования из номера в номер на недостаток сотрудников и лимит бумаги становятся уже утомительными. Сами же бумагу не экономите.

Ю. Попов, г. Курган

ОТ РЕДАКЦИИ. Не для оправдания, а объективности ради напомним, что источником «шума» являлась не редакция, а поклонники НФ, которые в сотнях писем требовали обособить средствами оформления и полиграфии раздел фантастики, выдвинув идею журнала в журнале. Редакция с готовностью — в этом мы признаемся! — пошла навстречу пожеланиям читателей. Объем фантастики пусть не столь существенно (мы это специально оговорили, чтобы не породить пустых иллюзий), но все-таки увеличился, в чем наглядно могут убедиться подписчики журнала.

Что касается сетований, то нам представлялось, что читателям небесполезно заглянуть иногда за кулисы редакционной жизни, прежде тщательно скрываемой от «посторонних» глаз. Видимо — со стороны виднее! — мы малость переусердствовали. Критику учтем.

Уважаемый тов. редактор!

Журнал ваш замечательный. Желаю ему дальнейшего процветания! Но, ради бога, избавьте нас, читателей-почитателей вашего журнала, от многочисленной пустой фантастики. Я не отрицаю полностью фантастику. Хорошая научная фантастика нужна. Но в последние годы все журналы забиты этой чепухой. Чему она учит молодежь? А ничему. Отвлекает от действительности. Это явление созвучно с общей отсталостью страны во всех сферах деятельности. Перестройка нужна и в литературе, и в музыке, и в других сферах искусства. Да и не след вам рекламировать рок-музыку. Чем это ведет, вы видите сами (см. «УС» № 8 за 1987 г.).

В. Семенов, ветеран войны и труда,
г. Мадона Латвийской ССР.

Здравствуйте, дорогая редакция!

...Кто-то тянет на фантастику. Мол, в других местах ее много. Где? В «Искателе»? Так это журнал для «избранных мира сего». В других изданиях она редка, не считая «Техники — молодежи», но в «ТМ» она иногда не «ахти», да и иностранной очень много. И я не против. Пусть «ТМ» знакомит с зарубежной, а вы уж, пожалуйста, с нашенской. И качество у вас... В каком периодическом издании за короткое время появлялись бы такие шедевры (пусть кто постесняется в этом месте!), как: «Костры миров» № 10, 11 за 1985 г. и «День свершений» № 2, 3 за 1987 г. (воистину ужасное по своей реальности предисловие), а также «Тополиная рубашка» №№ 6, 7 за 1986 г.

Вместо общих фраз (пусть конкретно хвалят и критикуют) предлагаю идею тест-таблицы. Лично я представляю ее так: раз в году журнал публикует тест-таблицу с графами и соответствующими им цифрами. Читателю достаточно написать название, собственные конкретные данные и серию цифр. Графы типа: понравилось (что именно), не очень, совсем не... и чем именно: тема, идея, изложение, стиль и прочее. И обязательно в каждой графе должна быть свободная строка для мыслей читателей, не вошедших в таблицу. Быстрота, объективность, простота об-

работки данных и массовость. Писатели, если они жаждут читательской реакции, толпами будут атаковать редакцию. Это же не сытый критик высказывается, а живой читатель. Если хотите, я вам представлю такой образец.

А. Бордон,
г. Саранск Мордовской АССР.

ОТ РЕДАКЦИИ. Хотим. Кстати, нам хотелось бы услышать мнение и других читателей. Какие формы, кроме тестирования, вы могли бы предложить, чтобы редакция полнее и оперативнее ощущала читательскую реакцию на публикуемые материалы?

Приходится с сожалением отмечать, что в редакционной почте по-прежнему много писем с взаимоисключающими взглядами на фантастику. Одни, как В. Семенов, по сути, против ее появления на страницах журнала, другие по-прежнему полны решимости превратить «УС» исключительно в рупор фантастики. Никому, разумеется, не возбраняется иметь свою точку зрения, но когда она категорична до ультимативности, да еще при этом пишущий неколлективно убежден, что говорит от имени всех читателей, то такая форма общения при всей ее внешней активности представляется редакции малопродуктивным занятием. Ей более близок призыв читателей к конструктивному обсуждению ведущих рубрик журнала. В заключение еще одно письмо:

Здравствуй, дорогой «Следопыт»!

Хоть ты и уральский, а я из Казахстана, но считаю тебя земляком. Ведь мы земляне и, значит, земляки — учти!

Мне легче день у станка выстоять, две нормы дать, чем писать, тем более в журнал. Поэтому заранее прости, если что не так. Договорились? Ты именуешься «для детей и юношества», а мне уже 50 лет и выписываю я тебя, не соврать бы, с 1960 года и ничего — жив пока.

Сейчас, когда гласность, хочется, чтобы ты больше печатал материалов о революционных делах, о гражданской войне, но не в свете истории, переписанной культурой. Ведь на Урале, как и везде на Руси, наверное, было немало замордованных, оболганных, получивших ярлык «враг народа» и потому уничтоженных. Чем слушать всякие небылицы, сказанные по привычке шепотком и с большими глазами, по-моему, лучше прочесть о Блюхере, Егорове, Тухачевском, о других военачальниках, о людях науки и культуры, вырубленных сталинским культом.

А теперь о твоих проблемах, о бумаге в частности.

Макулатура? Сдали бы мы ее в достаточном количестве, да вот организовать некому. Насколько мне известно, даже в «стольных градах» приемные пункты превратили в частные лавочки, где процветают спекуляция, жульничество и другие, как у нас округло пишут, негативные явления. Книжки через дельцов попадают на черный рынок, где расходятся по баснословным ценам. Черт побери, почему у нас так получается: самое хорошее начинание, сулящее благо всем, вдруг так изгадят, вывернут на три изнанки, что оно в конце концов превращается в уголовщину. Так что с этим вопросом, с макулатурой, пока вряд ли что выйдет.

Может, организовать всесоюзный субботник или воскресник (четверг, пятницу!) читателей «Следопыта»? Все заработанное — в твой фонд. Нет такого фонда? Надо создать! Имейте в виду, я первый внесу свой вклад.

Все это я к тому, что тоже люблю фантастику и все усилия твои пойду навстречу читательским запросам принимаю близко к сердцу. Во всех начинаниях и модах хочу быть тебе полезным. Располагай!

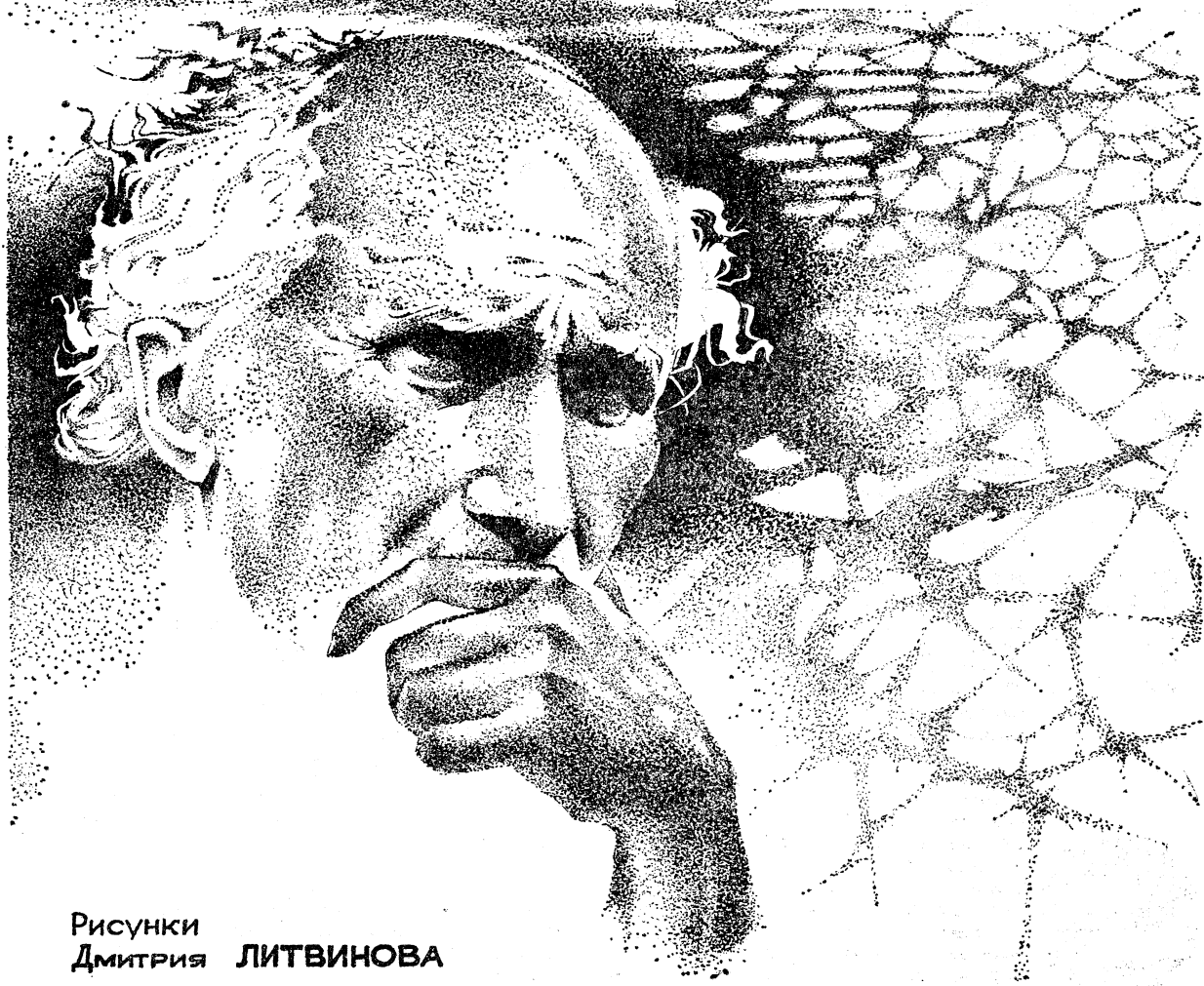
М. Морозов,
г. Кокчетав Казахской ССР.

Георгий
ГУРЕВИЧ

повесть

ОРДЕР НА МОЛОДОСТЬ

Рисунки
ДМИТРИЯ ЛИТВИНОВА

ПРОЛОГ

«Уважаемый Юш Ольгин!

Жители нашего города поздравляют Вас с почетной датой, шестидесятилетием со дня рождения, и благодарят за многие годы полезного совместного труда. Нам было приятно жить и работать рядом с Вами.

Со своей стороны напоминаем Вам, что, по мнению современной медицины, 60-летний возраст наиболее благоприятен для биологического перепрограммирования организма мужчины и перенастройки его на следующую очередную молодость. В этой связи просим Вас посетить ближайший центр омоложения в любое удобное для Вас время, предварительно заполнив прилагаемую анкету.

Приемные часы: (такие-то)

Дата: 13 августа 2... г.

Подпись: Эгвар, консультант I р.».

Вот такое извещение вынул я из комнатного подарника вместе с поздравлениями, горячим завтраком и бюллетенем «Новинки городского склада».

Глянул, руками развел, так и сел на месте. Как? Уже!

Ничего себе подарок!

То есть удивлен я не был, конечно. Отлично помнил, что у меня день рождения и что исполняется шестьдесят. В таком возрасте не забываешь о возрасте, поясница напоминает, там саднит, тут ноет, то и это подлечить пора. И знал я, что шестьдесят лет — самый благоприятный возраст для омоложения мужчины... для женщины тоже, но они загодя начинают торопить, бегают в центр, упрашивают, нельзя ли поскорей, нельзя ли досрочно, нельзя ли вне очереди. Моя жена давно уже омолодилась, перекроила себя так, что и узнать невозможно. Была такая уютная, кругленькая, стала худущей, горбоносой, длиннолицей, смуглой до черноты, с пышной взбитой прической, этакая женщина-вамп из аргентинского фильма. И все носится, дома не посидит минуты, новые компании, новые знакомые, гости мельтешат, как в парке на гулянье. В общем, расстался я с этой беспокойной девицей второй молодости, зажил уравновешенно, как и полагается на шестом десятке, неторопливо, вдумчиво, с длительным отдыхом, еженедельными вылетами на природу — на полянки с черничными кочками, к сонным лесным озерам. Жил себе потихонечку.

И вот на тебе — приглашают молодеть. Пора подошла.

Терпеть не могу переезды... в другой город, на другую квартиру, в другой возраст, в другое тело.

То есть вообще-то я не отказываюсь от мо-

(96) лодости. Быть молодым прекрасно, и операции я не боюсь; если надо, значит, надо, пройдем и через операцию. Но зачем же горячку пороть: сегодня юбилей и сегодня же отбытие. Когда переезжаешь в другой город, сложись аккуратно, с друзьями простись, разберись, чтобы не было претензий, обид. Переезжаешь в другое поколение — с друзьями простись, разберись, сдай работу, поставь последнюю точку. Вот сейчас сдаем мы проект детского городка на Ольхоне — самый солидный из наших заказов. Много там напридумано, много затеяно, надо же довести до кондиции. Ведь омоложенных не любят оставлять на прежней должности, они неудобными становятся. Знания прежние, а апломба, напору гораздо больше. Им уже терпения не хватает улаживать, сглаживать острые углы. Чуть что — конфликт. Опять же насчет прощания с друзьями. Договорились же мы порыбачить в январе на Ладге. Правда, клюет там не ахти как, но зато тишина. Белизна, простор, искристая мгла, ни души на десятки километров, только кое-где сгорбленные фигурки возле лунок. Тишина — такая драгоценность на нашей людной, шумно-молодежной планете с этими толпами возбужденных юношей первой, второй, третьей... пятой молодости. Впрочем, насчет пятой я лишку хватил. В начале века не было же всеобщего омоложения — первые опыты шли.

Итак, тишина. Сидим возле лунок нахохлившись, ждем, чтобы какая-нибудь дурашка польстилась на мотыля. По преданию, некогда подледный лов считался опасным спортом. Трещины, подвижка, уносило льдины в открытое море. Но у нас же крылья за спиной, можно и не отстегивать. Можно и заночевать на льду, можно расстелить саламандрит и костер разжечь, старинный костер с пляшущими огнями. Только на льду и безопасны сейчас костры. Вот и посидим мы у огня, дружная компания седоватых и лысоватых, перегоревших, успокоенных, потолкуем бесстрастно о страстях тридцатилетней давности. И разве будет там уместен непоседливый юркий юноша второй молодости, готовый мчаться куда угодно (на Южный полюс, на Юпитер, на танцы за первой же юбочкой), со снисходительной жалостью взирающий на дремлющих бывших ровесников? Черная ворона на белом снегу! Сорву же я эту рыбалку, все удовольствие друзьям испорчу.

Наша компания долго подбиралась и утрасалась. Это же не просто — найти подходящих соседей по лунке, таких, что рядом просидят полдня и настроения не испортят, покоя не нарушат. У нас каждый в своем роде, каждому есть что порассказать. Есть у нас главный консультант по рыбалке, он все

знает о рыбе — какая в какое время, на какую приманку и на какой глубине клюет. Есть у нас и врач, но он долго скрывал свою специальность. Зато с упоением говорит о марках. Сейчас не все знают, что это такое. Но прежде, во времена повсеместной платности, платили и за письма, при этом наклеивали на конверт такие цветные бумажки, в каждой стране свои. И бумажки те собирали коллекционеры, и есть целая литература — о бумажках с зубчиками и без зубчиков, со штампами и без штампа, с изъянами, редкими дефектами... О зубчиках наш доктор может рассказывать часами. А с жалобой на поясницу не подходит. Буркнет: «Обратитесь к своему участковому врачу. Он все анализы помнит наизусть, ему ваша поясница во сне снится».

О медицине же любит поговорить наш повар, он и работает поваром. Краснолицый, грудь колесом. Все твердит: «Я без всякого омоложения доживу до ста пятидесяти». А верит он в диету. И каждый год у него новая диета: то без соли, то без сахара, то соль с сахаром вместе, то чашка риса по вторникам, а в пятницу — одна вода. И плохо нам приходится, если мы попадаем на его рисовый вторник.

У одной лунки о марках, у другой о диете, о новейших новинках науки, о былых приключениях на дне океана, об ураганах, о курганах... Целая академия на льду!

И академик есть у нас, по металлургии или металловедению, не скажу точно. Мы-то знаем его как любвеобильного дедушку. С таким увлечением повествует нам о первых словах («де-даа» раньше, чем «мама!»), о первых шажках, об освоении мензурочки и горшочка. Внучок такой болтливый, а внученька совсем не говорит, но так выразительно размахивает ручонками: «да, действительно, опростоволосилась, штанишки мокрые, виновата, увлеклась погремушкой, потеряла бдительность».

Что касается меня, то, без скромности сознаю, я — самый необходимый. Я терпеливый выслушиватель. Я позволяю выговориться, причем досыта, не прерываю, не перебиваю, слушаю, правильные реплики вставляю. Меня считают за это добряком, на самом же деле мне просто интересно. Интересно же, когда тебя приглашают в гости в свою душу.

Как же без меня на рыбалке?

Решено! Отложим омоложение на весну. Или на ту осень. 60 или 61 — не принципиальная разница. Человек я здоровый, авось не сломаюсь за год. Переезд — дело хлопотливое и неприятное. Если надо, значит, надо... но к чему пороть горячку? Отложим.

И с тем я заснул. Однако спал плохо. Вообще на седьмом десятке спится неважно.

1971 Все просыпался и думал: «Не хочу я на Юпитер, не хочу на Южный полюс...»

Но, собственно говоря, надо бы. Дальше Луны не летал. А что такое Луна? Не космос, космический пригород.

И за юбкой не хочу, пылать, дрожать, ревновать....

Впрочем, не скверно было: сердце горит, душа полна, жизнь такая насыщенная, каждое слово весомо, каждый взгляд имеет смысл. А сейчас что? Пустая гулкая грудь, словно комната без мебели.

Ворочался я, и кряхтел, и поясницу потирал, и поташнивало меня, воду пил с лимонным соком, невольно думал: «Когда вернут молодость, все это снимется. Недолго терпеть осталось: годик, даже полгода... в будущем феврале, или сразу в конце января, как только вернусь с Ладоги. Пять месяцев перекрыхчу как-нибудь».

А поутру как проснулся, как глянул на голубое небо, на березы, освещенные солнцем, пестрые, бело-черно-розовые, так мне захотелось в молодость вприпрыжку. Подумал я: шут с ним, с детским городком на Ольхоне, доделают без меня, нет у нас незаменимых. И шут с ней, с прощальной рыбалкой на льду; с моими друзьями, седыми и лысыми, с нашими заплесневелыми воспоминаниями; друзья поймут, им самим через год-другой переселяться в молодость. И я хочу в молодость, в молодость поскорее, в молодость срочно! Написано: «Приходите в удобное для вас время». Сегодня удобно мне, сегодня с самого утра! Что еще? Предварительно заполнить анкету? Еще анкету им, бюрократы несчастные! Ну, это минутное дело. Сейчас перед завтраком и настрою. Что там? Целых два столбика: «Каким был?» «Каким хочу стать?» Каким? Молодым, само собой разумеется. Еще что? Графа I. Имя, фамилия. Сами же знают, написали: «Уважаемый Юш Ольгин». Имя — Юш, собственно Юрием был от рождения, но «р» не мог выговорить, представлялся взрослым: «Меня зовут Юша». Так и пошло, так и осталось, так и проекты подписываю — Юш Ольгин. И переименовывать себя не склонен. Что еще? Пол. Был «м» и будет «м»! Возраст? Говорят, все женщины просят 17. Маловато, по-моему. Лучший возраст тридцать, так я считаю. Впрочем, и юность хороша по-своему, стоит ее пережить. Пожалуй, начну по новой с двадцати, зрелость от нас не уйдет. Старше-то я стану естественным порядком. Все?

Нет, еще раздел второй:

«По желанию омолаживаемого операцию юнификации можно сочетать с метаморфизмом — изменением внешности, характера и способностей. Продумайте внимательно, ка-

кие Вы видите в себе недостатки, что хотели бы исправить и в каком направлении».

И целых три страницы заполнения: страничка на внешность, страничка на характер, третья — способность.

К тому примечание:

«В центре омоложения Вы можете посоветоваться с опытными консультантами. Рекомендуем обращаться к ним с четко сформулированными главными проблемами Вашей жизни. Для этого желательно продумать весь жизненный путь, не ограничиваясь недавними годами. Даже полезно изложить основные вехи в письменном виде, это облегчит работу консультанта и Вам самим поможет сделать правильный вывод.

Не забывайте, что Вы выбираете свое Я на десятки лет. Попутные исправления возможны, но трудоемки и не безвредны для организма».

И тут я задумался. В самом деле — кто я есть? Какие у меня черты, какие недостатки? Не сразу сформулируюшь даже. Стал вспоминать жизненные провалы, недавние и давнишние. И застрял. С высоты шестидесяти прожитых лет смотришь на себя иначе, осмысливаешь не факты, а связи. Что откуда взялось? Что — от своей оплошности, а что — от генов? Стало быть, и о родителях надо вспомнить — гены-то от них. Согласился с советом анкеты: чтобы осмыслить себя, надо записать все с самого начала.

И вот что у меня получилось.

ГЛАВА I

Об отце я могу рассказать не так много, я почти не жил с ним даже и в раннем детстве. Всегда он появлялся неожиданно, громадный, широкогрудый, в облегающем серебристом трико космонавта, хватал меня, подкидывал к потолку или на шею сажал и катал, махая руками, словно крыльями, и подражая орлиному клекоту. Не в ту ли пору зародилось во мне пристрастие к полету? Я обожал отца и немножко боялся его, не решался ластиться. Отец был торжественной фигурой в нашем доме, предметом семейной гордости. Потом он исчез... и мать перестала упоминать о нем, наотрез, раз и навсегда. Позже от посторонних я узнал, что отец не захотел жить с нами и мать запретила ему посещать меня, по-видимому, в целях воспитательных. Сужу по тому, что я не раз слышал от нее рассуждения о родителях будничных и родителей праздничных, о том, что несправедливо покупать детскую любовь игрушками, а не повседневными заботами.

Мать же моя, расставшись с отцом, не выш-

ла замуж вторично. Она была однолюбом, вообще человеком твердых взглядов. Считала, что истина однозначна и всегда однозначна; точно известно, что такое хорошо и что такое плохо. Верность — хорошо, измена — плохо, дисциплина — хорошо, разболтанность — плохо, порядок хорош, хаос — плох, ясность хороша, неясность плоха, чистота — хорошо, грязь — плохо. Диалектику она признала только на словах, относительность и неопределенность не поняла бы никогда. Сомнения были чужды ей, она и не сомневалась в своей правоте.

Не без труда я пробиваюсь через детское ощущение: мама — нечто большое, сильное, надежное. На самом деле тогда она была совсем молоденькой, маленькая, крепенькая, очень чистенькая женщина с короткой челкой на лбу, почти всегда в белом, воплощение свежести, здоровья и стерильной гигиены. Позже, уже взрослым, приезжая в гости, я всегда удивлялся, какая же моложавая у меня мама, экий крепыш, словно белый грибочек. Когда мы прогуливались под руку, меня всегда принимали за ее мужа.

Любительница порядка, аккуратненькая и опрятная моя мама и работу выбрала себе опрятную, сестрой-хозяйкой в детском саду. С годами она стала директором детского сада, имела возможность наводить порядок в доме, в саду, в кладовых, на кухне и в столовой, наставлять нянек, поваров, санитарок, детишек... и собственного сына в первую очередь. Все правильно. В детском саду должны быть чистота и порядок. Чистота — залог здоровья.

Но 24 часа в сутки борьбы за порядок — это немножко утомительно. Подозреваю, что мой отец сбежал от этого порядка. Видимо, он был человек мягкий, не сумел переубедить маму, хотя бы добиться от нее поблажки, не смог объяснить, что люди бывают разные и вкусы у них разные. Убедить не смог и сбежал подальше — на Титан или Тритон.

А я даже и не помышлял никогда о побеге. Внешностью-то я похож на мать — тоже невысокий, круглолицый и крепыш, а характером не в нее... но и не в отца, по-видимому. Я склонен подчиняться требованиям, не способен бунтовать.

Но это уже взрослые рассуждения задним числом.

Поскольку мама сама работала в детском саду, она и меня определила в свой детский сад... что не рекомендуется. И боком мне вышло, обернулось трагедией, первой в жизни.

Ведь дети не рассуждают: «надо — не надо, рекомендуется — не рекомендуется». Дети знают «хочу — не хочу». И тянутся к «хочу».

делают то, что хочется, если взрослые не очень запрещают. Ребенок, естественно, хотел быть возле мамы. Мама-директор отсылала, мама любящая разрешала оставаться, «если будешь вести себя хорошо». Я и старался быть хорошим, что означало сидеть тихо или же выполнять мамин поручения: что-то убрать, принести, отнести, вытереть, поднять, самое же главное — посмотреть за маленькими. Я и присматривал: поднимал упавших, утешал ушибленных, одевал, раздевал, нос вытирал, водил за ручку. Все это выполнял старательно и спешил к маме докладывать, напрашиваясь на похвалы. И получал похвалы, и гордился похвалами, потому что мне, как и всякому ребенку, надо было самоутвердиться, не чувствовать себя жалким и беспомощным в сложном мире «больших». Хвалят, значит, я молодец.

А вот в сложном мире маленьких мне не удалось самоутвердиться. Ведь детишки, предоставленные самим себе (а воспитатели не следят же за ними ежесекундно, это даже и не полагается), живут по законам обезьяньего стада, выстраивают иерархию подчинения, причем на верх пирамиды рвутся сильные, старшие, отчаянные и просто смелые, а также и умелые, умеющие лучше всех бегать, прыгать, лазить, плавать. Недаром все детские подвиги начинаются со слова «смотри!»: «Мама, смотри, как я... все смотрите, как я!..» Так вот, оказалось, что мне нечего показывать. Бегал я средне, нырять вообще не научился; не было во мне отчаянности: в воду вниз головой и будь, что будет. Среди ребят почета не заработал, предпочитал держаться возле мамы, там хвалили за послушание. И я спасался к маме. «Мама, я пришел к тебе помогать». Не понимал, что хитрю, но хитринку выработал.

Сейчас мне трудно даже объяснить, где была причина, где следствие? Соревнование ли не интересовало меня, и потому я не имел успеха, или же я не имел успеха и потому избегал соревнования. Возможно, обе причины действовали одновременно. Так или иначе, я бежал к маме при каждом удобном случае. Другие воспитательницы заметили это, настойчиво советовали перевести меня в другой детский сад. Но мама, хотя и директор, все-таки мама. Она соглашалась с коллегами: «Да-да, конечно, переведу в ближайшее время», — но ей очень не хотелось отпускать меня с глаз долой, и всегда находился повод отложить расставание. На месяц, на два, еще на два. Насморк, гланды, желудочек... и зачем переводить в середине года? И зачем травмировать ребенка, вырывая из коллектива? В конце концов дотянула до школы.

Боком вышла мне эта оттяжка, боком! Са-

мое большое горе моего детства связано с ней. Горе?! Не слишком ли сильное слово для тяжких переживаний шестилетнего? Но ведь они и в самом деле тяжкие. Вот я и по сей день не забыл.

Итак, с опозданием на год и даже не первого сентября, а числа пятнадцатого, мама отвела меня в школу. Я шел с охотой. Мне очень нравился мой новенький ранец, и новенький калькулятор, и новенькая фотонаборка... столько раз я вынимал их и укладывал в футляр, старательно вытерев клавиши. Вообще дети любят новизну, любят перемены, узнавание. Надо же им обозреть мир, это так интересно. И гвалт меня не испугал, у нас в детском саду и не так еще орали. И сама школа понравилась, такая разноцветная, вся разрисованная неподвижными картинками — от подвижных детишки глаз не отрывали бы, никаких указаний не услышали бы.

Ребята здесь были чужие для меня, а друг с другом знакомые, сразу они заговорили о своих делах. Я сидел в сторонке, ожидая наставлений; мама увещевала же меня, чтобы я был очень послушным, послушнее, чем при ней. Прибежала учительница, тетя Искра, звонкоголосая, очень молоденькая, сейчас-то я понимаю, что она была совсем девчонкой, прибежала и крикнула: «Да чего же вы ждете, ребята, задание у вас есть, каждый знает свой участок, время не ждет, время не ждет! А ну-ка, кто всех перегонит?»

И класс как ветром сдуло. Все устремились в сад, учительница впереди, ухватив за руки двух хохочущих девчонок. Одна из них даже понравилась мне с первого взгляда, такая глазастенькая и щекастенькая, в белом передничке. Мы и в шесть лет выделяем девчочек. Я было двинулся за всеми, но заколебался. Мне же ничего не сказали, я не получил задания. И я остался, готовый слушаться. А учительница, видимо, забыла про меня или не знала. За окном я видел, как они копаются в земле, каждый украшал свой квадратный метр цветами по собственному вкусу. Сажали моргалки, те, что распускаются от ультрафиолета. И вот уже на учебной клумбе возник пестрый ковер. Щуря глаз, я приглядывался, составляя из цветных пятнышек осмысленную картину — я и посейчас помню тот узор. Из оранжевых пятнышек у меня получался дракон, из голубых — пальма, из лиловых — медвежонок.

Минут двадцать я развлекался, щуря правый и левый глаз, потом и до меня, шестилетнего, стало доходить, что получается что-то неладное. Я жду учительницу, но она в саду. А вот — убежала, и не в здание, а куда-то в дальний конец, к воротам. Может быть, но это я сейчас так думаю, наша Искра прово-

дила урок самостоятельности. Самостоятельность была ее коньком, так же, как у моей мамы — строгий режим. Я было подумал, что, возможно, и мне надо бы спуститься в сад, что-нибудь делать. Но кто мне даст задание, не у ребят же просить задание. Не их слушаться наказывала мама. И тут снова раздался звонкий голос: «Пора-пора, кончайте все сразу, в пары, в пары, все в класс, время не ждет!» Все — в класс... а я уже в классе, я всех опередил. И мне почему-то показалось очень остроумным спрятаться в шкаф, а когда ребята прибегут, выскочить и крикнуть: «А я уже тут!»

Так я и сделал.

Но никого не восхитил. И та самая девочка, щекастая и в белом передничке, уставила на меня палец и закричала:

— Он тут! Мы цветы сажали, а он сидел в шкафу. Лентяй! Лентяй! Плохой мальчик!

И все запрыгали, завизжали, завопили:

— Плохой! Плохой! Лентяй! Самый плохой! Хуже всех!

Маленькие зверятки обрадовались. Кто-то хорошо сажал цветы, кто-то похуже, кто-то совсем плохо, но вот нашелся самый сквер-

ный-прескверный, просидевший урок в шкафу. Всех возвышало мое унижение, все были лучше.

Я пробовал оправдаться, меня не слушали и не хотели слушать. Впрочем, наверное, я и не смог бы объяснить свое поведение. Так получилось... нечаянно.

Учительница прервала вакханалию, но на следующей перемене представление возобновилось. И после уроков опять.

— Нет, я хороший, — твердил я сквозь слезы. А мучители меня убеждали хором:

— Пла-хой, пла-хой! Самый пла-хой, самый-самый! Хуже всех!

И убедили.

Весь вечер я дома был мрачен, все терся возле мамы, тыкался ей в юбку, но маме было некогда по обыкновению, к тому же она старалась приучить меня обходиться без нее. И она отгоняла меня: «Займись чем-нибудь, ты большой уже».

«Большой, но плохой», — думал я горестно.

Я пробовал сказать, что я не хочу в школу, лучше я похожу еще немножко в детский сад... или в другую школу какую-нибудь. Я даже намекал, что болен, наверное, но тер-

моэлемент предательски показал нормальную температуру. Единственно, чего я добился: мама отправила меня спать на полчаса раньше. И остался я в темной комнате наедине со своим великим стыдом. Я лентяй и бездельник, самый плохой мальчик на свете, и завтра, и послезавтра, и всю жизнь мне предстоит стоять у позорного столба.

И я решил утопиться.

Почему утопиться? Кажется, незадолго перед тем смотрел вместе с мамой «Русалку» по видео. Мама объяснила, что вот девушка не захотела жить от несчастной любви. А я не хотел жить самым плохим мальчиком. Единственный выход — утопиться.

Нет, я еще не решил окончательно именно сегодня расстаться с жизнью, но все-таки надо было примериться, попробовать, как это делается. И я вылез из кровати, оделся, на цыпочках прокрался на террасу и припустил через сад к озеру.

Было очень темно и очень жутко. Черные тени лежали поперек аллеи. Волки, ведьмы и колдуны из страшных сказок подстерегали меня под кустами. Я даже забыл, что хочу умереть. Мне было нестерпимо страшно, я мчался, жмуря глаза, и все-таки добежал до озера. Над гладью висела луна, заливала округу мертвенным светом. Вода была холодная, я все-таки попробовал пальцем. Теперь надо было топиться, но как? Плавать я умел, кто же не умеет плавать в шесть лет? Но мне было очень жалко себя, жалко расставаться с любимыми игрушками, и маму жалко тоже, наверное, она плакать будет? А будет ли плакать круглоглазая жестокая девочка, устыдится ли она своей жестокости, когда я буду лежать недвижимый, холодный... А может быть, я превращусь в русалку? Бывают ли мальчишки-русалки? В сказках о них не написано. Должны быть? Или мальчишки-русалки это водяные? Ух, как я напугаю тогда всех этих озорных дразнилок?

И тут мама схватила меня на руки.

Конечно, она заглянула перед сном в мою комнату, увидела пустую кровать, тут же схватилась за радиопеленгатор («пищалкой» называли его в детском садике), побежала по сигналам, ужасаясь и уповая, что ребенок жив еще. В общем, тут она выпытала все, отвела меня за ручку к тете Искре, и та сделала внушение ребятам: «Дети, ну как не стыдно, кто же так встречает новеньких? Юшник наш гость, он еще не знает порядков, объяснить надо, показать, а не нападать всем на одного. Юшник совсем не лентяй, он только хотел пошутить. Ты же не будешь больше прятаться в шкафу, Юш?»

— Я не пря-а-атался!

— И не надо. Не будешь больше?

— Не бу-у-ууду!

Я обещал не отлынивать, ребята обещали не дразнить... и почти не дразнили. Но все равно смотрели свысока, как вежливые хозяева на неловкого гостя, который старинную вазу разбил. Не попрекают, но осуждают.

А мне так хотелось, чтобы меня хвалили. Мама хвалила меня часто, я привык к похвалам.

Почему это, собравшись оценивать всю свою жизнь, я застрял на раннем детстве? Да потому, что хочу разобраться, какие были у меня задатки, что я получил в наследство, что растерял, а что, наоборот, приобрел. Я уже говорил: у маленьких детишек все наружу, все откровенно. Делают, что хочется, а хочется — к чему есть склонности, сначала врожденные, генетические, позже — уже привитые, подправленные взрослыми. Помню, в детском саду нас оставляли в комнате, на полной всевозможными игрушками. Вероятно, отмечали, какие именно мы выбираем. А какие я выбирал? Не помню. Значит, не было явно выраженного предпочтения, а следовательно — и ярко выраженных способностей. Был я ленив? Нет, не скажу. Нормальный здоровый ребенок, всегда чем-то был занят. Равнодушен к игрушкам? Ничуть. Даже и отправляясь топиться, прежде всего подумал о прощании с мамой... и с игрушками. Может быть, не был самолюбив? Еще как! Больше всего на свете ценил одобрение окружающих.

И не вижу в этом плохого. Добиваться одобрения — естественно для человека. Тебя одобряют, значит, ты делаешь то, что нужно. В прошлом, в расчётливых веках, одобрение было просто выгодно. Одобряемого, уважаемого угощали лучше, оплачивали лучше, лучше снабжали, пропускали в первую очередь, считалось, что он самый полезный. Ведь и у нас одобрение — это индикатор общественной полезности. Похвально добиваться похвал. Надо же соотносить свое поведение с оценкой окружающих, не для себя одного живешь, в конце концов. Лично я терпеть не могу упрямо самодовольных, самодовольство — признак ограниченности, так я понимаю. Да, я добивался одобрения в шесть лет, и до шестнадцати, и до шестидесяти. Считаю, что так и следует.

Однако вернусь в детство.

Искра запретила дразнить меня, и дразнить перестали, хотя долго еще сохраняли пренебрежение к «плохому мальчику». Особенно девочки. Женщины, даже и шестилетние, тверды в своих взглядах, мнение составляют быстро, меняют с трудом. А я так хотел, чтобы меня считали хорошим, так старался, так добивался.

101

Элига-88

Не сразу тот малыш (я — но не такой, как я) разобрался, что быть хорошим для школы или же для школьников — не одно и то же. Школа хвалит хорошего ученика, школьник — хорошего товарища. Школа ценит прилежание, память, способности. А что ценит сосед по парте?

Иногда и способности, но какие? Умение стоять на голове, забивать голы, класть на обе лопатки, свистеть в два пальца... У меня не было таких способностей, я уже говорил. Средним я был: кого-то клал на лопатки, кто-то меня клал. И в игровые команды брали меня без особой охоты, не отбояривались, но и не зазывали.

Но ведь «хороший» — это не только хороший спортсмен, еще и хороший товарищ. Но что такое хороший товарищ? Сколько обид претерпел я, прежде чем понял, что есть разница между «всегда хорошим» и «иногда хорошим». И бывает, что иногда — лучше, чем всегда.

Слабому-то нужен «всегда хороший», чтобы в любую минуту бежать к нему за помощью. А вот сильный, представьте себе, «всегда хорошего» не уважает. «Всегда хороший» у него всегда наготове, он сторонник, он поклонник, он на подхвате, и он не в счет. Он — палец руки, о пальце не надо же думать, он при тебе в любую минуту.

Был у меня приятель, в пятом или шестом классе, который очень любил командовать, на своем настаивал во что бы то ни стало. Я не спорил, какая мне разница, идти налево или направо. Потом замечаю: со мной не считаются. Мало того, пренебрегают. А если спорю, друг мой раздражается, возмущен: как это такое, палец не подчиняется? Говорят ему — сгибайся, а он не сгибается. И перестал я бегать за тем мальчишкой, словно игрушечный вездеход на ниточке. Но когда выбирали капитана в зимний поход, я его предложил как парня твердого, волевого и распорядительного. Он сам ко мне подошел, спросил: «Ты и взаправду думаешь, что я волевой?»

Вот какая трудность в этом мире: если хочешь, чтобы к тебе прислушались, не бросай слова на ветер. Если хочешь, чтобы ценили, не мельчись с услугами. Делай услуги, не услужничай.

Другой мой дружок был из авторитетных, мастер светорисунка. Хорошо рисовал... и, конечно, ждал и похвал. И толкались возле него восхищенные мальчики и девочки, ахали: «Ах, как похоже! Ах, как красиво!» Я тоже ахал-ахал, он меня не замечал даже. Отстал я, что же навязываться? Но когда у него был день рождения, я специально пошел на склад, узнал, какие наборы есть, попросил маму заказать самый богатый — на 1200 оттен-

ков спектра (значит, это было еще в младших классах, «ключи» мне еще не выдали тогда). Три года ночевал мой подарок под подушкой у того рисовальщика. Так и назывался: «Юшина палитра».

Угодить не угодничая — вот золотой рецепт поведения.

Хитрость? Нет, маловат я был в ту пору, чтобы хитрить сознательно. Хитрил подсознательно? Возможно. Но они же радость приносили, мои уловки. Помню, как наш художник перебирал те 1200 оттенков. Ведь у него руки дрожали, не знал, за какую частоту схватиться. Ту и эту, и эту, и эту пробовал, чистые цвета, смешанные, полоски клал, крест-накрест светил. Я и сейчас люблю делать подарки, мне нравится, когда у людей глаза загораются от радости. Но не загорятся же от ежедневного, от супа в тарелке, от ломтика хлеба. Вот и стараешься понять человека, догадаться, что его может осчастливить.

Эту мою черту, пожалуй, не стоит вычеркивать из характера. Окружающим она доставляла удовольствие. И хитрым меня никто не называл, наоборот, считали справедливым. Советовались, как поступить. Обращались за разрешением споров. В каком-то классе меня прозвали Правильным. Юш Правильный!

Расхваливаю я себя, что ли? Да нет же, при чем тут похвальба. Я себя взвешиваю и оцениваю: какие черты оставить, какие отметить? Тут нужно к самому себе быть справедливым: без самомнения и самоуничужения.

Итак, хорошим товарищем я стал постепенно. А вот стать хорошим учеником мне лично оказалось труднее.

Если подробнее рассказывать, в первых-то классах я был отличником, а потом незаметно съехал в хорошие, среднехорошие и даже — очень средние. Все годы я оставался старательным и добросовестным, но в старших классах мало было старательности, требовались еще и способности, а мне не все давалось легко.

Обучали нас, как и всюду, от головы к ногам, от крыши к фундаменту, от дельты к истокам. Сначала — привычное окружение, потом — историческое прошлое, сначала машина, потом ее устройство, сначала человек, амебы потом, сначала тела, потом атомы, сначала формы, потом формулы. Впоследствии я вычитал, что порядок этот, антипорядок точнее, установился не сразу, только в середине нашего века и в долгой борьбе со сторонниками естественной последовательности — от простого к сложному, от прошлого к настоящему, от происхождения к итогам. Но дело в том, что для детей-то обратный порядок легче. Они с младенческих лет видят не прошлое, а настоящее, не корни, а го-

товые итоги, им самолет понятнее, чем рычаг второго рода. Вот и у меня это детское восприятие целого, а не частей оказалось особенно упорным. Леса и горы меня волновали; молекулу я не мог представить себе, хоть убейся. Умные машины меня восхищают, а печатные схемы так и остались выше моего понимания. Я не устаю любоваться борьбой линий в завитках ионической капители, а формулу архимедовой спирали не мог запомнить никогда. Очень люблю светоживопись, но мне скучно нажимать желтые и синие кнопки, чтобы получить свежую зелень распускающихся листочков. Предпочитаю дожидаться весны, когда они распустятся на самом деле.

Память у меня была приличная, я мог заучить наизусть и бойко ответить все, что полагается. Но механика у меня держалась механически. Чтобы знать предмет твердо, надо думать о нем, надо пускать знания в дело. Беспольное мозг выталкивает, освобождая место для нужного и интересного. Так что всякий раз, когда мы переходили от действия к устройству, от устройства к истории создания, я сникал и с горечью выслушивал, что Ольгин, конечно, тоже отвечал прилично, но не у всех же одинаковые способности.

Вот я и думаю сейчас: не стоит ли мне подправить способности в направлении абстрактного мышления? Может быть, и стоит. Но надо предварительно справиться, не пойдет ли абстракция в ущерб животрепещущему, жадному моему интересу к самому сложному на свете — к живому человеку?

Лучше или хуже, но в общем учился я, готовился к взрослой жизни, продвигался из класса в класс и, как прилежный ученик, среднехороший, своевременный, не досрочно и без опозданий, получал все дары и все права.

Право на голос в эфире — при переходе в пятый класс. Помню замирание сердца, когда у меня — мальчонки — сняли с левой руки «пищалку», жестко настроенную на частоту мамы или учительницы, взамен надели взрослый браслет с личным номером, сказали: «Ты теперь полноправный владелец эфира, любого человека Земли можешь пригласить на свой экран. Но уважай людей, береги их дорогое время, не отвлекай попусту, не загромождай эфир ничемными разговорами».

Такая обида: и право дано... и не загромождай!

Как все мои товарищи, с тоской я глядел на ручную экранчик, три на четыре. У кого незанятое время? У соседа по парте? Но я уже отвлекал его десять раз. Вспоминал дядей, тетей, маминых знакомых, самых далеких — всего интереснее на Аляске или в Ан-

тарктиде. Который там час сейчас? «Извините, передайте, пожалуйста, вашей Джен или Жене, что мой номер сейчас... Да-да, самостоятельный номер! Да, спасибо, я уже совсем взрослый». И еще хитринка была: наберешь какие попола цифры, смотришь на недоумевающее лицо, розовое, желтое, смуглое, черное, и извиняешься: «Простите, пожалуйста, я обознался». Некоторые догадывались: «Новенький браслет на руке, да? Ну, поздравляю, владелец эфира. Вызывай еще, если дело есть по существу».

Эх, не было дел по существу. Мал! Вырасти бы скорее!

Что-то и сейчас не по существу наговариваю я, пустяками наполняя ленту. Оказалось, что приятно вспоминать. Был некогда на Земле такой любопытствующий, робко-жадный открытоглазый мальчик, нетерпеливо завидующий взрослым. И мальчик тот давнишний почему-то называется «я».

Право на время было у нас следующим даром. (В других школах иногда время дарили раньше). Теперь на другую руку — на правую — надевали часы. Я выбрал со стрелками, мне стрелки казались удобнее, чем цифры. Кинув взор, сразу видишь, далеко ли до конца урока, не надо в уме подсчитывать. Надели часы и снова напомнили: «Ты теперь владелец своего времени, в твоём распоряжении 24 часа в сутки, 1440 минут, распределяй их, не разбрасывай попусту. Столько-то минут у тебя на обязанности, а столько-то твоих, собственных, свободных, на игру, на книгу, на телевидение, на то, чтобы подумать о вчерашнем дне и о завтрашнем».

Другие ребята вскоре забыли об этом совете, а я — старательный — каждый вечер сидел и думал. И составлял планы, распределял минуты, потом ставил плюсы и минусы выполнения, терзался, что минусов многовато. Да, воспитывали у нас дисциплину и самоконтроль, но вижу я, что и сам тянулся к упорядоченности. Вот и сейчас с удовольствием посвятил выходной обдумыванию, составляю отчет о прошлой жизни, планы на следующую. Жалко, что не занимался этим раньше. Надо было каждый год обдумывать, даже каждый месяц.

Перед седьмым классом был самый щедрый из даров — символические ключи от складов, право потребителя, право вызвать любой склад по радио и заказать посылку: хлеб с маслом или шоколадный торт, рубашку белую или цветную, пятнистую, клетчатую, полосатую или с рисунком, книги, пластинки, игрушки, билет на самолет, билет на подводную лодку, номер в гостинице... что в голову придет. Помню, как вручили нам «Каталог потребителя» — толстенная книжица в тя-

желом сером переплете с тиснеными буквами и даже с застежками. Психологические были застежки, как я понимаю, чтобы не तोпились с заказом, помедлили бы еще три-четыре секунды. И опять внушали нам воспитатели: «Помни, владелец ключей, что в каждую вещь вложен труд взрослых, твоих родителей тоже. Береги же их время, не заставляй работать впустую, не заказывай ненужное или не очень нужное, подумай, прежде чем вызывать склад».

Так было при мне. А раньше, мама рассказывала, иной был порядок. Три дня новых владельцев ключей не ограничивали, отдавали им склады на поток и разграбление. Ребята захлебывались от восторга, заваливали комнаты кучей хлама. И пресыщались. Сами убеждались, что излишки мешают жить. Но все-таки у некоторых оставалось сожаление: «Эх, славные были денечки!». По-моему, наши правила лучше. Необязательно на собственном опыте убеждаться, что огонь обжигает, а от обжорства болит живот. Что-то можно узнать и от старших.

Феи в сказках предлагали осуществить три желания. Три и не больше, четвертое — ни в коем случае! Видимо, таков закон общественного поведения. Полная свобода, но в определенных рамках. Феи указывали рамки неразумным предкам, разумный ставит себе рамки сам. Ты хозяин эфира, но не единственный, не загромождай его. Ты хозяин времени, но время ограничено, всего 24 часа в сутки, не растрчивай их. Ты хозяин складов... не разбазаривай их, умеи ценить чужой труд.

Ты хозяин, но не единственный, не толкай, не мешай, не затрудняй, не заслоняй!

Так и дальше, со всеми прочими дарами. Право на дороги в восьмом классе. Вот тебе личные ролики, вот мотороллер, пассажирское кресло, грузовичок с прицепом на лето. Кати, куда хочешь, но в соответствии с правилами уличного движения: держись с правой стороны, стой и жди при красном свете, береги себя, а пуще — береги других, чужие машины, чужие руки-ноги, головы.

В девятом классе давалось право на воду. Вот тебе личные иисуски, ходи по воде, аки посуху, вот тебе мотолодка, вот тебе аква-ланг, носись, ныряй, но по правилам речного движения: держись у правого берега, не залезай на красный буй, помни, что на воде можно утнуть и можно утопить, береги свою и чужие жизни.

И наконец, право на небо!

Ах, небо!

Тебе вручают личные крылья, могучие черно-пестрые крылья, с биопружинными тяжами, заряженными до отказа синтетической АТФ. И небо — твое! Летать-то все мы могли

сразу же, при плавании и в полете движения одинаковые, но потом еще научились парить и планировать и азартно пикировать, пронизывая облака, вниз головой устремляться на набегающую землю и свечкой выходить из пики. Научились еще неподвижно висеть стоймя, усердно работая подкрылками. Это было всего интереснее: можно было разглядывать кроны пальм с юркими обезьянками или старинные соборы со скульптурами, вознесенными под карниз, на которые пешие туристы вынуждены взирать, задрав головы, или же расписные крыши современных городов, или же отвесные горные обрывы с их геологическими изваяниями, ранее открытые только скалолазам.

Новый взгляд на леса, города и горы. Собственно, для того и давали нам крылья, чтобы мы побольше увидели в мире, сознательно выбрали свою профессию. Нам разрешалось и даже рекомендовалось летать над стройками и заводами, куда «посторонних просят не заходить, чтобы не мешать производственному процессу». Летучие экскурсанты производству не мешают, солнце они не заслонят.

Еще любил я летать над волнами, не над припляжной рябью, а над океанскими валами, внушительными жидкими чудовищами, жадно тянущими к тебе свои пенно-слюнявые губы, летать низко-низко, так, чтобы соленые брызги доставали лицо. Победителем ощущал себя. Валы беснуются, ревет стадо жидких слонов, тянется, ухватить хочет, подмять, но я увернулся, я их победил. Я всех быстрее, всех сильнее!

Такое же чувство на вершинах гор. Я выше всех, весь мир попираю ногами.

Но лучше всего было за облаками, не за самыми высокими, конечно. Километра на три поднимался я, чтобы не возиться с кислородной маской. Вот летишь один-одинешенек над этими тугими вздутыми наволочками в ослепительном бело-синем мире, заглядываешь в лиловые дымчатые промоины, любишь их узором. Перед тобой как бы карта, карта вновь открытого лично тобой архипелага, где каждое облако — остров. Вот это назовем Ольгией, а это будет остров Юш, а это пролив нашего Десятого класса. Ты первооткрыватель, твое право давать имена этому зыбкому миру. Ничего, что он уплывет, рассеется, изменит очертания. Завтра в твоём распоряжении будет новый мир.

Было. Ушло от меня. Сейчас я спрашиваю, почему же тому Юшу, моему юному тезке, так нравилось вычерчивать кривые над пухлыми облаками? Тогда я не анализировал: хочется, тянет, почему не слетать? Но, видимо, играло роль возрастное. Устал я жить в зарегулированном школьном мире, где все

определено и так много авторитетных взрослых, поддерживающих ими установленный порядок. Теперь я сам вырос, я устал от послушания. За облаками я жил по-своему. Это был мой мир, где я играл в самостоятельность.

Хорошо это или плохо?
Не знаю.

Молодых тянет за горизонт, на простор. Сейчас у нас поговаривают, что каждому новому поколению надо давать новую планету. Возможно, в следующем веке так и будет.

Право на небо было последним в моем поколении. Следующему выдавали еще право на космос, то есть туристский скафандр с реактивным пистолетом и по желанию — гостиницу в спортивном спутнике. Я сам в космосе побывал позже, конечно, любовался и восхищался, но не было чувства, что упустил что-то важное в юности. Звезды великолепны, и великолепен этот глобус Гаргантюа на звездном фоне. Прекрасная картина, но только одна, со временем она приедается. И хотя космическое пространство неизмеримо обширнее заоблачного, но ведь оно пустое. Над облаками я чувствовал (воображал) себя владельцем неисчислимых островов и островков, над волнами — победителем каждого вала. В космосе я хозяин пустоты и победитель пустоты, неизмеримой, одинаковой и потому безразличной. Ведь движения там не ощущаешь, вех никаких. Что такое пустота? Ничто!

Возможно, другие воспринимают космос иначе. Я анализирую свои чувства. Допускаю, если бы нам в школе давали право на космос, я бы принял и межзвездную пустоту в свое сердце. Но при мне право на небо было последним в школе.

Самое же важное, самое почетное — право на суждение — выдавалось уже взрослому, труженику, отработавшему три тысячи часов. Очень разумный принцип, я считаю. Молочко нужно каждому младенцу, потреблять имеет право каждый, но о дальнейших путях развития, о распределении часов и усилий судит по справедливости тот, кто вложил уже и собственные усилия.

Три тысячи часов — это примерно два года работы, у взрослых они набираются сами собой. Но нам — школьникам — не терпелось стать полноправными гражданами Земли, и мы копили часы, похваливаясь друг перед другом: «А у меня уже десятки, а я на вторую сотню перевалил». Часы начисляли нам на летней практике — в поле или на заводе, начисляли и в школе за уборку, за ремонт, за починку аппаратуры, за дежурство в младших классах. Когда же мы получили профессию (мотористами выпускали нас) — можно было в свободные часы поработать в мастер-

ских или в городе, мотористы нужны повсюду. В общем, за полгода до выпуска я имел возможность нацепить заветный значок с голубой тройкой. Взрослые, те не носят значков, как-то само собой разумеется, что нормальный здоровый человек уже отработал свои три тысячи. Но для школьника это достижение. Я был очень горд, очень, когда получил право на голубую тройку. В нашем классе меня опередили двое, но им дали премию за изобретение, по 500 часов на брата, что-то они там переставили в моторе, я же накопил старательностью, полновесной тратой чистого времени, час за час. И все школьники, все школьницы замечали мою голубую тройку на коричневой куртке.

Она заметила тоже.

ГЛАВА 2

Какие облака были в тот день, не запомнил. Кажется, обыкновенные кумулюсы, пухлые, тугие. Но как только я вынырнул из туманной вуали, сразу же увидел на фоне округлых сугробов красный треугольник. Цветные крылья в мое время выбирали только девушки. Парням полагались скромные — черные, синие или в крайнем случае сорочки: пестрые, черно-белые.

Потом я услышал, что девушка поет. Трепещет крыльями и заливается, как жаворонок. В заоблачной пустоте голосок ее разносился на добрый километр. Даже и слова я различал. О любви пела она, конечно.

И тут я почувствовал, что вовсе не нужно мне абсолютное одиночество в моих заоблачных владениях. Пусть одиночество будет вдвоем. Пусть будет не «мой» собственный мир, а «наш» собственный мир. «Это все наше, — скажу я кому-то. — Все это я дарю тебе: материки, острова и проливы». И пускай кто-то обрадуется: «Спасибо за щедрость, Юш!».

Я устремился к красным крылышкам, на ходу придумывая предлог: «Извините, девушка, вы не знаете, где мы находимся сейчас, море под нами или суша? А до берега далеко?». Устремился «во все тяжи», как говорили тогда. Девушка заметила меня тотчас же. Пение оборвалось. Мало того, она полетела прочь. Не прямо от меня, а наискось, как бы показывая: «Я тебя не боюсь, не удираю, но у меня свои дела». Я устыдился, покраснел даже. Вспомнил наставления воспитателей: «Женщина слабее, женщина деликатнее, и право выбора принадлежит ей. Не навязывай свое общество, не будь назойливым. Если помощь понадобится, тебя позовут». Так чего же я невежливо лезу к незнакомой

девушке? Стыдно, Юш! Откровенное нахальство!

И я тоже отвернул, не правее, а левее. Дескать, извините, краснокрылая, показалось, что мы знакомы, а вообще-то я тоже лечу по своим делам. Разойдемся, над облаками хватит места.

Отвернул. Бросил прощальный взгляд, вздохнул, говоря откровенно, пожалев улетающую мечту. Но тут я заметил... заметил нечто, что позволяло, забыв об этикете, рвануть вдогонку что есть силы... «во все тяжи».

Заметил я, что девушка неровно взмахивает крыльями. Левым загребает сильно, а правое полощет. А это однозначно показывает, что в правом крыле исчерпался заряд АТФ. Я знал, чем это грозит. Испытал однажды: забыл проверить заряд перед вылетом, в результате планировал с трехкилометровой высоты. Планировка же вещь непростая, нужны умение и везенье: и встречный ветер для торможения, и надежный ровный грунт... горы и морские волны крайне нежелательны. И самое главное: заметить надо вовремя опасность, начать спуск прежде, чем начнешь проваливаться.

По-моему, краснокрылая уже проваливалась.

Разумеется, на крыльях обязательно ставят НЗ — аварийную мощность, но едва ли запас этот помогает. Тяжи нормальный человек проверяет перед каждым вылетом, аварийку меняют раз в два года. Кто же знает, не скисла ли она именно сегодня?

Так или иначе, красные крылышки были в опасности, не смертельной, но на грани риска. Тут уж неуместно было деликатничать. Я догнал девушку, глянул ей в лицо, увидел недовольное недоумение и гаркнул, что есть силы:

— У вас тяжи пустые! Давайте вниз!

Недоумение сменилось смущением.

— Ой, в самом деле? То-то я замечая, что лечу медленно. Я такая невнимательная, всегда забываю проверить заряд! Спасибо, сейчас пойду на посадку.

— Я помогу, — вызвался я тут же. Навязался все-таки!

— Не надо, не беспокойтесь, летите по своим делам, я умею планировать. А что там у нас внизу, суша или море?

Однако я был настойчив. Не только ради знакомства.

— Девушка, оставим всякие экивоки. Мы над морем, надо еще до берега тянуть. Вода ледяная, купаться не стоит. Не ломайтесь, хватайте меня за ноги!.. Ну вот, и держитесь крепче.

Так на буксире я и спустил ее. Поработать пришлось крыльями как следует. Не просто

лететь с прицепом, он провисает, аэродинамика нарушается: обтекание хуже, сопротивление больше, сразу проваливаешься метров на десять, втрое больше усилий, чтобы выровняться. Но так или иначе, спустил я девушку сквозь облака и до пляжа дотянул, пустынно-го в эту пору, в начале апреля. Только тут, отдуваясь, разглядел лицо моей певуны.

Очень хороша была: смуглая, скуластая, что-то монгольское было в форме лица, но глазница огромные и длинные-предлинные ресницы, аж тень на щеки ложилась. Тогда в первый раз рассмотрел, а потом столько раз любовался. И сейчас, закрою глаза, припомню. Нарисовать смогу.

А тогда опустила она эти ресницы на щеки и пролепетала тоном провинившейся девочки:

— Мне так стыдно, так неудобно, что я заставила вас свернуть, бросить свои дела.

И губки вытянула горестно. Казалось, сейчас протянет по-детски: «Я больше не буду!».

Нет, удержалась. Подала руку, представилась:

— Сильва.

— Юш, — сказал я в ответ.

Тогда-то она и заметила мою голубую тройку.

— Я оторвала вас от дела? Вы опоздаете из-за меня? Где вы работаете?

— Я учусь, — признался я. — В десятом классе всего лишь.

Она взглянула на меня с интересом. Тройка у школьника производила впечатление.

— А вы поете? — спросил я в свою очередь. — Выступаете?

— Нет, только для себя, — вздохнула она. — Хотела учиться, но говорят, что нет данных, узкий диапазон. Пою для своего удовольствия. Но негде! В школе мешаю, дома мешаю. Старшая сестра все поучает, лезет с замечаниями. За облаками вольно... Но зато пролетающие: «Девушка, что вы делаете одна? Девушка, вам не скучно? Девушка, позвольте представиться! Ах, вы поете? Можно послушать?». Никакого покоя! Вот если бы рядом был кто-то знакомый и самоотверженный, этакое пугало для досужих любопытствующих...

Я немедленно выразил желание быть штатным пугалом. Сейчас-то полагаю, что Сильва на то и намекала. А тогда я с замиранием сердца ждал ответа.

— Но вам же скучно будет?

Я хотел сказать, что не соскучусь никогда, готов слушать моего жаворонка ежедневно, ежечасно, год за годом, всю жизнь, слушать, пока не иссякнет АТФ в тяжах, пока не провалюсь сквозь облака. Но не сказал, посте-

снялся. Решил, что это будет звучать навязчиво, назойливо, нахально. Предложил вместо того:

— А после пения мы можем полетать, посмотреть что-нибудь интересное. Я открыл церковь XVII века, там химеры на карнизе, как в Париже. Еще знаю затопленную колокольню, весь цоколь в воде, без крыльев не подступишься. А соборы во Владимире: на стенах львы с хвостами цветком, с земли не рассмотришь, голову задирая. А башня Вечного Мира—двести этажей для двухсот стран, по этажу на каждую!

— Я видела эту башню только изнутри. Никогда не облетала. Вы мне покажете?— сказала Сильва.

Так начались наши совместные полеты. Я готовился к ним на совесть. Выбирал путеводители, заучивал даты, предварительно облетал сооружения, запоминая все паруса, nervyры, закомары и аркбутаны, сверял натуру с каталогом, обо всем мысленно рассказывал Сильве, заранее смакуя, как буду разглагольствовать, а она—смотреть мне в рот и восхищаться.

Почему-то величайшее наслаждение виделось мне в том, чтобы разглагольствовать перед девушкой.

Интересно, а девушкам нравится, когда ораторствуют для них?

Недавно я вычитал где-то: «Мужчины любят говорить о себе, а женщины—слушать, когда говорят о них». Все-таки «о них», а не «для них».

Итак, я составил обширнейшую программу знакомства с дворцами и соборами, в пределах однодневного полета, и погрузился в чтение путеводителей. Не оттуда ли пошел мой интерес к архитектуре? Очевидно, в моем подсознании навеки связались с любовью всякие йоники, сухарики, гуськи, каблучки, капители, пилястры, канелюры...

Богатый материал я почерпнул из трех томов Саксаниди—«Пятый фасад». Мне, крылатому, особенно дорога была проблема, возникшая в нашем веке,—проблема архитектурного оформления крыши. Ведь в прошлых веках на здания смотрели снизу от цоколя или издалека. А тут появился взгляд сверху—под ноги, при близком пролете или же из-под облаков с дистанции, обзорный плоский ансамбль до горизонта. Все крыши, верхние этажи, макушки зданий понадобилось переделывать, перекрашивать, переосвещивать. Я же со своей стороны получил неисчерпаемую тему для рассуждений: «Смотрите, Сильва, как удачно повернули архитектуру к небу!»—или же: «Смотрите, Сильва, положили заплату, а XX век просвечивает со всеми своими шиферными гримасами!»

Мы совершили немало познавательных экскурсий над пятыми фасадами, хотя и меньше, чем я запланировал. Часто, гораздо чаще, чем мне хотелось бы, Сильва отменяла полет в последнюю минуту, извещала, что она никак, ну никоим образом не может сопровождать меня сегодня, извиняется, очень жалеет, со мной ей было бы куда приятнее, но она вынуждена, так сложились обстоятельства, лететь в очень нужное и неприятное место.

Я принимал извинения, не обижался, про обстоятельства не выспрашивал. «Выбирает женщина!»—таковы правила вежливости нашего века. Мало ли какие могут быть «обстоятельства»? Мужчине пристала сдержанность. Смирюсь, потерплю. Получше подготовлюсь к следующему полету.

Иногда в пути она пела над облаками. Иногда! Сильве не было свойственно педантичное прилежание, она жила порывами. Хотелось запеть, пела; чаще предпочитала болтать—не о пятом фасаде архитектуры, о себе и своих знакомых. Глаз у нее был зоркий, язычок острый, великолепно получались словесные карикатуры на неловких девиц, неуклюже напрашивающихся на ухаживание, и столь же неловких юнцов. Сильва очень натурально в лицах изображала своих поклонников, как они краснеют, пыhtят, переминаются с ноги на ногу, наконец, решаются брякнуть что-то галантное и исподлобья подглядывают, какое произвело впечатление.

Я не ревновал, я даже сочувствовал этим пыhtящим беднягам. Старался не подражать им, запоминал, как не надо себя вести.

Но как надо было?

— Когда-нибудь ты сама полюбишь,—сказал я однажды.—И будешь ждать признания. И обрадуешься признанию... самому-самому неловкому.

— Наверное, я никогда не полюблю,—объявила Сильва.—Я бессердечная. Полюбила бы только особенного, необыкновенного.

— А какой он—особенный?—спросил я тут же.—Какой подвиг должен совершить? Про себя уже решил совершить его—любой: многолетний, пожизненный, невероятный трудный, смертельно опасный.

Сильва посмотрела на меня с некоторой грустью:

— Юшук, ты никогда не будешь особенным. Ты милый, ты добрый, ты очень хороший, в сорок раз лучше меня, но ты обыкновенный. Я знаю, что по всем правилам обязана полюбить тебя, потому что ты спас мне жизнь. Но не принуждай меня и не влюбляйся сам, будь другом, очень прошу, умоляю. Поклонников тучи, а искренних друзей так мало! Будь же мне другом, Юш, не бросай

меня на съедение поклонникам. Если ты бросишь меня, я буду так одинока, я же поддамся кому-нибудь нечаянно. Не бросай, Юш, я даже постараюсь полюбить тебя. Не обещаю, но постараюсь. Только не торопи, ты же терпеливый!

Что означает «постараюсь полюбить»? Я понял в самом благоприятном смысле. У меня выросли крылья... добавочные, потому что и так крылья были распахнуты, разговор шел над облаками. Надежда забрезжила вдали. Велено было терпеть, не торопить. Согласен. Буду ждать сколько угодно, хоть всю жизнь.

Пока подвиги не были названы, и любовь я завоевывал стандартно, подарками. Подарки я любил дарить еще с раннего детства. Надеюсь, что постепенно и научился дарить. Знаю, нельзя дарить, что на глаза попало. Надо угадать затаенные мечты. А какие мечты у Сильвы? Тут уж я был сверхвнимателен к каждому слову, к каждому намеку. Узнал, что Сильва любит цветы, любит сладости, любит красивые старинные безделушки, музыку любит — собирает записи концертов и классических драм. Конечно, она и сама могла заказывать по своему вкусу на складе, но у кого же хватит терпения пересматривать современные бесчисленные каталоги? Так вот, я не жалел времени, выискивал самое замечательное среди новинок, такое, что Сильва еще и пожелать не успела. И на свидание являлся с пышным букетом тропических цветов или же вручал пакет с таинственной надписью: «Подарок».

— Ах, Юш, что там такое? Можно, я сейчас разверну? Ну, Юш, ну что ты возишься? Не дразни меня, дай сюда, дай, я сама! Я же такая нетерпеливая, я умру от любопытства!

Лентозаписи любила она больше всего. И именно я, никто другой, принес ей ленту «Отелло» с Терновым в двух ролях — и мавра он играл, и Яго.

Тернова все тогда считали великим артистом, ахали: «Какой диапазон: и Отелло, и Яго! Такие разные характеры!» Сейчас-то я думаю, не только артистическое, но и спортивное что-то было в Тернове: пел, танцевал, сам себе аккомпанировал, играл две роли, три роли, все роли. Как бы испытывал себя: могу ли, все ли могу? Возможно, такое расползание ширишь связано с неумением овладеть глубиной. И неуверенность в себе, и постоянная жажда опровергнуть новым успехом свое бессилие. Но это моя современная оценка, взгляд с дистанции в сорок лет. А тогда для меня Тернов был только знаменитостью, от которой все в восторге, все поголовно. Голосом восхищались особенно: бархатный баритон, мягкий, задушевный, об-

волакивающий. «Проникновенный голос», — говорили девочки из нашего класса. На лентозаписи Тернова шли миллионные заказы из всех 437 республик Всемирной федерации. Он еще репетировал, а заказы шли и шли. Нетерпеливые любители пробивались на репетиции со своими видеофонами. Вот у одного из таких энтузиастов я и списал «Отелло».

Сильва просмотрела драму три раза подряд, восхитилась и приказала мне достать полное собрание лент Тернова. Я совершил этот подвиг, проник в Театральный архив, провел там неделю, проявил бездну трудолюбия за счет подготовки к экзаменам и переписал все постановки с участием Тернова, начиная со студенческих этюдов.

Сильва поцеловала меня. Поцеловала!!!

Первый поцелуй девушки! Увы, не влюбленный, благодарный! Но помню его. Всю душу мне перевернул. Вот сейчас закрою глаза и почувствую прикосновение губ, не теплых, горячих, на правой щеке, чуть пониже скулы...

Архитектура была забыта. Теперь за облаками шел разговор только о театре, только об искусстве артиста, артиста Тернова персонально. О его творческой манере, его проникновении в образ, трактовке образа, за сердце хватающем баритоне, модуляциях голоса, модуляциях мимики, — о Тернове, Тернове и все о Тернове.

— Вот за такого человека я пошла бы замуж хоть завтра, — проронила Сильва однажды.

Я как-то не обратил внимания, не принял всерьез это заявление. Мысленно не мог преодолеть несообразной дистанции: всемирная знаменитость — и хорошенькая школьница.

Но неделю спустя, посмотрев Тернова в «Меджнуне», Сильва вернулась к теме новому:

— За таким человеком я пошла бы на край света. Пальцем поманил бы — и пошла бы с закрытыми глазами.

— С закрытыми?

— Пошла бы! Ничего не прося, ничего не спрашивая, никаких условий не ставя.

Очень странный голос был у нее. Помню, я даже обернулся, хотел в глаза заглянуть, но в полете это не получается. Летим-то рядом, профиль вижу. Очень напряженное лицо: шея вытянута, взгляд вперед устремлен. Впрочем, в полете это естественно: крыльями машем, напрягаемся и вытягиваемся для обтекаемости.

— Сильва, объясни, что означает «никаких условий не ставя»?

Не ответила. Но объяснение пришло скоро, в следующем полете или через один.

— Юш,— сказала она,— ты мой друг, самый верный из друзей. У меня есть тайна, такая, что нельзя сказать подругам, сестре, даже маме. Но мне необходимо поделиться. Я люблю, Юш. Я полюбила Тернова. Всерьез, по-настоящему, и другой любви у меня не будет. И я решила признаться. Прямо позвоню и скажу.

Я помертвел. В груди оборвалось, руки опустили крылья. Провалился, дух не мог перевести. Когда опомнился, догонять пришлось. Уж и не помню, что лепетал.

— Ничего не выйдет. Ты и не дозвонишься. Его номер в справочной не дадут. К таким звонят через ноль, автомату диктуют, кто и по какому поводу. Будешь объясняться в любви автомату?

— Я уже все разузнала,— возразила Сильва.— У Тернова есть номер для родных. Сестра моей подруги замужем за племянником Тернова. У него для родных час свободного экрана— в понедельник, четверг и в воскресенье с одиннадцати утра. Вот в четверг я и позвоню. Скажу все, а там будь, что будет.

Что-то я еще бормотал невразумительное, отговорить пытался. Твердил: «Сильва, опомнись, ты себя губишь!» Плел нелепое, неуместное, повторял: «губишь, губишь!» Хотя почему— губишь? Тогда не мог объяснить и сейчас не могу. Традиционные слова из классической литературы прошлого тысячелетия.

Впрочем, все это не имеет значения. Сильву я не отговорил. Но решился спасти ее. Как? Обратиться к Тернову. Он взрослый и, конечно, хороший человек. В наше время злодеи остались только в книгах. Так пусть же вразумит взбалмошную дурочку!

И я сам позвонил Тернову в понедельник, за три дня до рокового четверга. Специально пошел в переговорную, не стал приглашать великого артиста на крошечный экранчик своего запястья. Эта миниатюрка всегда искажает: и голова крошечная, и голосок писклявый. Не бархатный баритон несравненного Тернова.

Я извинился, попросил прощения за вторжение на его домашний экран, сказал, что понимаю, как драгоценны его минуты, как невежливо и бессовестно с моей стороны... и всякое такое прочее. Поперхнулся, еще раз извинился, пояснил, что волнуюсь...

— Ну, кончайте извиняться,— сказал он в конце концов.— К делу! Что вы хотите от меня!

— Дело идет о судьбе одного человека...

— Вашей? Мечтаете о сцене?..

— Нет, не обо мне, о другом человеке...

— Он мечтает о сцене?

— Совсем другое. Мечта тоже присутствует, но это как-то трудно объяснить сразу.

(109) Поверьте, это вопрос всей жизни, и вы, именно вы можете все исправить.

— Я могу?

— Только вы, и никто другой. Поверьте, тут вопрос жизни одного человека.

Он улыбнулся:

— Юноша, это похвально, что вы так заботитесь об «одном человеке». Но мне сейчас некогда. Я жду важный вызов и не смогу вас дослушать. Где вы живете? Недалеко? Тогда прилетайте ко мне в четверг в 10.45. Пятнадцать минут хватит нам? Но настойчиво прошу: приготовьте связный рассказ. Запишите, можете даже читать мне, чтобы не спотыкаться. Если не уложитесь в пятнадцать минут, пеняйте на себя. Не вам будет плохо, «одному человеку».

И три дня спустя, в 10.45 ровнехонько, сидел я в кабинете великого Валерия Тернова.

А кто его помнит сейчас! Только театроведы-историки. Увы, коротка сценическая слава. Приходит новая техника записи, новая режиссура, новая манера игры. Мыжимаем плечами: «И это великий артист? Сплошные ходули!»

Впрочем, я отвлекся.

И тогда, при всем моем волнении, я тоже отвлекался. С любопытством озирался, разглядывая кабинет знаменитости. Неудобный был кабинет, загроможденный. Венки, статуи, картины, вазы какие-то. Все призы и подарки, подарки и призы, память о победах, успехах, восторгах, благодарностях. Музей благодарностей! Сам же Тернов разочаровал меня. Плохо он выглядел, куда хуже, чем на сцене, хуже, чем на экране даже: несвежая кожа, синеватая от частого бритья и грима, тяжелые мешки под глазами, залысины, седина на висках. Признаюсь, непрезентабельный вид этот подбодрил меня. Не будет Сильва любить этого старика. Всмотрится и излечится. Пройдет ее временная блажь.

«Старик» между тем и сам всматривался в себя, сидя перед зеркалом, разглаживал пальцем кожу на лице и при этом напевал сначала про себя, а потом и в голос: «A! O! O-o! A-a!».

— Чисто звучит?— спросил он озабоченно.— Нет хриповатости?— И пояснил:— Голос— главный инструмент в нашем деле. Охрипну... и конец Валерию Тернову.

Я приободрился окончательно. Человеческое увидел в недостижимом великом артисте.

— Так в чем же дело?— спросил он наконец, оторвавшись от зеркала.

— Один мой товарищ любит девушку,— такое примитивное начало я придумал.

— Понял,— сказал он.— Этот товарищ— вы. Дальше!

— Девушка хорошая, способная, краси-

вая, — продолжал я, не тратя время на отнекивание, — но неровная, непредсказуемая. И вот она посмотрела ваши видео, и ей взбрело в голову... ей показалось, лучше сказать, что она влюблена в вас, не влюблена, любит на всю жизнь. И если вы ее пальцем поманите, она побежит за вами на край света, так она сказала. Но вы же понимаете, это минутное увлечение, это... Но где-то она разузнала ваш номер и собирается позвонить.

— Все понял, юноша, — опять прервал он. — Когда ваша девушка позвонит, я прочту ей отеческое наставление. Как это у Пушкина: «В благом пылу нравоученья читал когда-то наставленья». Так и скажу: «Когда бы жизнь домашним кругом я ограничить захотел...». Читал наставления, приходилось. Сумею повторить, и с надлежащим выражением. Не раз повторял. Есть, видите ли, юноша, профессиональная вредность в нашей сценической профессии. У химиков вредные газы, дышат ими волей-неволей, в космосе — отсутствие всякой атмосферы, а у нас — насыщенная атмосфера страстей, дух любви-любовилуви. И зрителям, зрителям в особенности, представляется, что мы, так умело изображающие любовь, в подлинной жизни любим в сто раз сильнее и красивее, необыкновенно, божественно любим. Вот и летят на огонь любви, как бабочки. Крылья опаляют, конечно.

Он замолчал, задумавшись, свое вспоминал что-то.

— Вам надо выступить на эту тему, — сказал я. — Еще лучше написать и издать, чтобы все могли прочесть и в будущих поколениях.

Он посмотрел на меня с сомнением:

— Надо, юноша?

— Обязательно!

— А вот я не уверен, что надо. Ведь им, бабочкам, на огонь летящим, необыкновенно хочется небывалой любви. Разве их утешит трезвое сообщение, что небывалой не бывает, необыкновенная — редкость, а обычно встречается обыкновенная? Что мы и сами — артисты, герои-любовники — люди обыкновенные? Нет, не утешит. Вот они и бегут, летят к нам, машут крылышками, просят, умоляют: «Будь добр, притворись необыкновенным, ты же умеешь притворяться!» Иногда идешь навстречу.

— Но это же чистый обман, — возмутился я.

— Дорогой мой нескгибаемый пуританин, а разве обман никому не нужен? Ты же садишься перед экраном видео, чтобы тебя обманули! Строишь на сцену, заведомо зная, что это не на самом деле. Перед тобой артисты, изображающие трагедию, придуманную драматургом о людях, которых никогда не было, может быть. Но ты умиляешься, выти-

раешь слезы или мужественно сдерживаешь их и шумно аплодируешь тем, кто умело обманул тебя. Даже не постесняешься ворчать и возмущаться и поносить тех, кто обмануть не сумел. Так и женщины. Они придумывают тебя, хотят, чтобы ты был героем, и не раз уверяй их, пожалуйста, притворяйся, что есть силы. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»...

Я оторопело слушал этот неожиданный пагегирик обману. В школе нам внушалось только противоположное. Где же истина? Или на свете много истин?

Разобраться я не успел. Нас прервал колокольчик видео. Над домашним экраном. Полотно осветилось, на нем появилась курносая девочка лет пятнадцати со светлыми косами вокруг круглой головы и выпученными круглыми глазами.

— Эта? — спросил меня Тернов шепотом. Я замотал головой. — Тогда извини, пришел мой час экрана. Сядь в сторонку, туда — за занавеску, чтобы не смущать. Потом договорим.

Между тем круглоглазая тараторила, объясняя, что вот она приехала в гости к тете Лиз и узнала, что тетя Лиз собирается звонить удивительному, замечательному, несравненному, и она попросила разрешения оторвать минутку, чтобы выразить свое удивление, восхищение, восторг и самозабвение. Она уже смотрела «Отелло» пять раз и «Меджнуна» восемь раз, и девять раз «Коварство и любовь», и «Первую любовь» по Тургеневу, и «Первую любовь» Росара из Росарио, и «Первую любовь» Нурмухамедова, и «Первую любовь» Людмилы Гай, и все это ей ужасно-ужасно-ужасно понравилось, и она посмотрит все первые любви с участием Валерия Тернова, и она желает ему тысячу раз сыграть про первую любовь... Все это произносилось скороговоркой без пауз и знаков препинания. Видно было, что девочка старательно выучила речь и очень торопится уложиться в подаренные ей минуты.

Тернов терпеливо выслушал все до конца.

— Спасибо, девочка, — сказал он. — Мне было очень приятно услышать твое одобрение. Как тебя зовут? Нина? Хорошо, Ниночка, спасибо. Но давай договоримся, Нина, никому-никому из подруг ты не выдашь мой номер. Пусть это будет наш с тобой секрет. Ты же понимаешь, мне нужно очень-очень много работать, чтобы угодить таким, как ты, взыскательным знатокам сцены. Договорились? А теперь позови тетю Лиз.

Мы уже подготовили один из читательских отзывов о новом выпуске уральского ежегодника «Поиск», когда о нем же прислал нам развернутое мнение Север Феликсович Гансовский... Поразмыслив, мы решили поместить оба отклика. Тем самым и у вас появится возможность точку зрения молодого читателя, вчерашнего десятиклассника, сопоставить с оценкой писателя-профессионала.

Алексей
ИВАНОВ

ПРАВО НА РАЗУМ

В Пермском книжном издательстве вышел в свет новый сборник уральской фантастики и приключений — «Поиск-87». Этот сборник — заметное, на мой взгляд, явление и в уральской, и в общесоюзной фантастике.

НФ в нем представлена исключительно пермскими авторами. В Соколовский выносит на суд читателей рассказ «Мерцающий мир» — историю странного приключения кинемеханика, полавшего в собственный фильм. Тонким лиризмом, вниманием к человеку проникнуты рассказы В. Запольских «Здравствуйте, хозяйка!» и «Зеленый одеколон». Повесть М. Шаламова «Земляне» состоит из четырех новелл, одна из которых — «Эстафета» — действительно потрясающее произведение по своей сути: ради спасения друга человек отдает все, даже свое тело, перебарывая матрицу с собственным разумом из одного животного в другое и таким жутким способом преодолевая расстояние от погибающего звездолета до базы. Жаль, что автору не удалось довести до высшей точки каленя всю муку этого самоотречения; да и инопланетные джунгли не кажутся такими уж непроходимыми, как их аттестует автор. Стоит отметить в сборнике и «доисторическую» повесть В. Букура «Чужая орда» из раздела приключений. Мне еще не встречались произведения, которые с такой убедительностью раскрывали бы предметно-конкретно-колдовской мир первобытного охотника, его, если хотите, мировоззрение. Ведь даже классическую «Борьбу за огонь» Рони-старшего в этом плане можно свести к заурядно-условному: «...узкоплечий стал другом Нао»...

Но, безусловно, центральным произведением в книге является повесть Е. Филенко «Эпицентр»,

Первая ее часть — произведение лирическое. Бывшего драйвера (космического разведчика), бывшего плоддера (добровольного изгнанника) Константина Кратова переводят в состав посольства Земли при Галактическом Братстве. На искусственной планете Сфазис воссоздан кусочек Земли, где среди садов в легких коттеджах живут несколько ксенологов во главе с ворчливым стариком Энграфом. И эколог Рута... Я понимаю состояние Кратова. Человек — единственная святыня и опора драйвера в глубоком космосе — здесь, в райской колонии Парадиз, сведен до положения комнатного казачка. Эколог Рута — сама доброта, сама ласка — просто выбивается из сил, пытается приучить солидных и капризных ксенологов к нормальной жизни без ночных бдений, без сканальных обедов и всего прочего в духе аскетизма и презрения к нежностям. Кратову приходится буквально ткнуть ксенологов носом в простейшую истину, что Рута — тоже человек, что, наводя контакт с самими немислимыми мирами и существами, нельзя терять контакта с людьми. Поистине — «ища другие цивилизации, на всякий случай сохраняя свою» (Ф. Кривин).

Вторая и третья части «Эпицентра» — уже пафос, уже раздумья о Разуме — основе человеческой (да и любой) цивилизации.

Неведомая цивилизация проводит на планете Церус-1 чудовищный опыт. Нет, не ждите страстей в стиле фильма ужасов. Все гораздо проще — Рациоген. На поверхности планеты в пещере установлен прибор, который наделяет высшим даром природы — разумом — любой биологический вид в зоне своего излучения, будь то исполинские жабы, ящерицы или вообще неизвестно кто — хотя бы черти, живущие в стволах деревьев. И все пять разумных рас Церуса начинают войну за место под солнцем. В центр этой дикой, бессмысленной, беспощадной бойни на уровне каменного века попадает все тот же Кратов. Можно понять, что он пережил, если из-за одной только Руты разругался на Сфазисе с самим Галактическим Консулом. Ведь здесь, на Церусе, единственная от природы разумная раса — нечто вроде эдаких отарков, человеко-медведей — на грани смерти, ибо не может противостоять ни земноводным, ни чертям с их безумной скоростью движений, ни морским ящерам-гипнотизерам. Кратов бьет тревогу, и по поводу Церуса собирается совет Пангалактической культуры: быть или не быть рациогену? Вот здесь перед нами и встают во весь рост проблемы рациогена, а вместе с ним — Разума.

Кто обладает правом на разум? «Заплатив биллионами жизней, человек купил право жизни на Земле, и

это право принадлежит ему вопреки всем пришельцам. Оно осталось бы за ним, будь марсиане даже в десять раз более могущественны». Узнали? Это «Война миров» Уэллса... Разум дается лишь тем, кто прошел до конца мучительный путь эволюции. Мы знаем, что бывает, когда разум возникает «рациогенно»: беспощадные завоеватели выходят на простор Галактики...

Для чего существует разум? Когда разум себя оправдывает? Ответ на эти вопросы заключен в самом существовании Пангалактической культуры. Разум существует, чтобы жить, чтобы творить — и только тогда он оправдывает себя, а не когда вождь Большая Дубина пользуется им как большой дубиной, чтобы добыть побольше мяса — и плевать ему, что это плоть других разумных существ!

Кто несет ответственность за разум? Та неведомая цивилизация, как кукушка, подбросила яйцо в чужое гнездо — и взятки гладки. За разум Галактики, за разум планеты, за свой собственный разум в конце концов несет ответственность каждый. Не дожидаясь решения Совета, Кратов уходит к рациогену, словно это он — бог, дарующий разум. Впрочем, нет: «Я не бог. Я не равнодушен».

Новый пласт: соотношение физического всемогущества человечества (и Пангалактической культуры) и нравственных ценностей. Что гуманнее — прекратить бойню, лишив четыре расы разума, или не лишать разума, оставив бойню? Кратов на свой страх и риск взрывает рациоген. И его оправдание сделано потрясающе просто. Биоробот, «человек-2» с индейским именем Сидящий Бык и с поистине индейским спокойствием, но с удивительной «не-роботской», «не-сигомской», «не-андройдской» человечностью, отпускает Кратова на разгром рациогена. Поверим ему — рациогенному человеку. Ему лучше знать, что такое рациоген.

— Но что же тогда? — воскликните вы. — Нам нужны разумные машины! Мы не можем обходиться без них!

Филенко дает альтернативу — биотехн. Существо-звездолет, наделенное зачатками разума и преданное хозяину, как собака. Друг, цель существования которого — только хозяин. Без хозяина он себя не мыслит. Хотя, конечно, и это не идеал...

Я не стану настаивать на абсолютной непогрешимости своего мнения. Я — один из тех читателей, что держали в руках «Поиск-87», не более. Сумейте найти его и противопоставьте мне свое суждение. Право же, умная, с изящным юмором динамичная повесть Филенко стоит того дня, что вы на нее потратите.

г. Пермь

ДОСКОК

На днях я смотрел по телевизору соревнования по гимнастике из Голландии. Комментатор говорил: главное — доскок, который съедает десятые доли балла. Идеал — это когда спортсмен, заканчивая упражнение, стоит не шелохнувшись. Если же ему, чтобы удержать равновесие, приходится делать дополнительный шагок, который и называется доскоком, судьи обязательно снижают оценки.

Я никак не мог взять в толк, почему комментатор так много говорит об этом злосчастном доскоке. И тогда он, словно почувствовав в далеком Роттердаме мой вопрос, пояснил: я так часто останавливаюсь на доскоке, потому что большинство гимнастов имеют великолепные, тщательно отработанные и тысячекратно проверенные программы. И часто судьям приходится определять балл именно по тому, как спортсмен заканчивает свое выступление.

Мне подумалось, что в словах спортивного комментатора был и более широкий смысл, применимый и к литературе вообще, и к жанрам фантастики и приключений в особенности. Кто из молодых начинающих писателей не уверен, что знает все тайны выбранного жанра? Голова полна парсеками и дактилоскопическими отпечатками пальцев, фотонными ракетами и дедуктивными методами изощренных криминалистов, временными пробами и камерами предварительного заключения.

И они правы. Перед каждым огромным арсеналом тысячекратно обкатанных приемов и ходов: пиши — не хочу. Но вот доскок...

Доскок. Та грань, которая отделяет настоящего мастера от новичка. В приключенческой и фантастической литературе он имеет, этот доскок, особое значение. Когда присутствуешь на заседании какого-нибудь клуба любителей фантастики, порой кажется, что спорят футурологи, социологи, физики, биологи, кто угодно, но только не любители литературы. Они обсуждают проблемы, но не говорят о литературе. И это делает их знатоками и дает им право выносить безапелляционные приговоры. По-своему они правы. Все они специалисты в области временных пробоев и обратного хода времени, поскольку все это никакого отношения ни к науке, ни тем более к литературе не имеет. Бедняги не

знают, что такое доскок. Они не знают, что литература может быть только о человеческой душе. О фотонной ракете и временном пробое может быть только научно-популярная брошюрка. А о человеческой душе пишут уже тысячи лет, от Гомера до Достоевского, и пока что кризиса жанра не предвидится.

Впрочем, наивных молодых любителей фантастики можно понять: до недавнего времени фантастика переживала период экстенсивного развития. Важно было придумать «идею»: пересадить, например, кому-то голову, завязать в узел стрелу времени или что-нибудь еще в том же духе. И можно было писать. Герои всегда были наготове: один-два профессора, гениальный самоучка, пришелец о двух-трех головах и так далее.

Ныне дело обстоит труднее. Все уже было. И профессора, и пришельцы. Надо идти вглубь. Легкой целины больше уже нет. Нужно отправляться в путешествие в глубь человеческой души. Душу эту можно всячески закамуфлировать, средства передвижения могут быть самыми невероятными, но цель одна, хотя можно помещать ее и в четвертое измерение. В конце концов, это все-таки фантастика, а не бытописательство.

И вот выясняется, что легче опустить пятое измерение, чем эту скользкую человеческую душу. И по моему глубокому убеждению, умение познакомиться с ней читателя и есть тот самый доскок, что отделяет хорошую фантастику от фантастики, которая, строго говоря, не имеет права называться художественной литературой.

Вот почему каждый раз, когда я беру в руки книги не знакомых мне авторов, работающих в жанре приключенческой и фантастической литературы, я испытываю страх: неуверенно опять нечто жалкое и неформившееся, как недоношенный эмбрион?

С этими чувствами я начал читать «Поиск-87». И первая же повесть — «Другая орда» В. Букура — развеяла мои опасения. Это литература. Это писатели. Пусть, продолжая гимнастическое сравнение, не все одинаково чисто выполняют свои упражнения, пусть не все после окончания их застывают не шевелясь, — они стоят на ногах.

В. Букур пишет о наших далеких косматых предках, жизнь которых, само собой разумеется, не слишком похожа на нашу цивилизованную жизнь. Но эта повесть о нас. Ибо новая мысль, мысль непривычная, идущая против традиций, рождается сегодня так же тяжело, как и у героя Букура.

«Другая орда» помещена в сборнике в раздел «Приключения», но я увидел это только в конце книги,

в оглавлении. Читал я повесть как фантастику, как хорошую фантастику, принадлежащую к тому ее виду, который может и должен вывести этот жанр из гетто, где столько лет пребывает наша фантастика, в русло одной общей настоящей литературы. И это хорошо. Наверное, так же как в науке, и в литературе можно ждать особенно интересных результатов на стыке разных направлений.

Е. Филенко щедро заполняет свою повесть «Эпицентр» большим джентльменским набором фантастики. Тут есть и «поливариантность ксенологического интерфейсинга», плазмоиды, гравитационные тоннели и многое, многое другое. Потом, к счастью, убеждаешься, что автор не очень серьезен, и испускаешь вздох облегчения. Тем более что за всеми этими лингварами постепенно появляется симпатичный герой и симпатичная мысль о невозможности, точнее преступности искусственного подстегивания разума. Не одного, разумеется, а в больших масштабах.

К сожалению, «Эпицентр» — как раз наглядный пример необходимости большего «человеческого фактора» в фантастике. Можно представить себе, насколько выиграла бы повесть, безусловно интересная, если бы автор не так увлекся лингварями и ксенологами, а сумел по-настоящему передать и напряжение мысли героев, и их душевное напряжение, потребное для преодоления страха перед страшными опасностями, поджидавшими исследователей. И опасности эти он смог бы сделать действительно опасными, и тогда исчезла бы некая опереточность происходящего, и герои, в первую очередь Кратов, стали бы ближе нам, симпатичнее, и мы бы сочувствовали ему, боялись за него, радовались вместе с ним. А если он господь бог и ничего-то ему не угрожает, то мы, извините, остаемся равнодушными. Сами мы отнюдь не боги, с богами не общаемся, мы привыкли к миру, где есть и страх, и трюсы, где нужно преодолевать и то, и другое, где есть эмоции. Только эмоциональное поле создает художественную литературу. Интеллектуальное — научную.

Хотя повесть Михаила Шаламова «Земляне» относится к такому же, как и Филенко, галактическому жанру, она, пожалуй, почеловечнее, пусть и ему еще далеко до приземления без доскока. Повесть написана в форме новелл — форме коварной. С одной стороны, разбивка дистанции на отдельные короткие стометровки делает ее как будто бы легче — кто не пробежит стометровку, — но зато каждый раз нужно брать новый старт, новое нужно ускорение и новый финиш. Не все стометровки у Шаламова пройдены в мастерском темпе. Но есть и безусловные удачи, например, «Эстафета,

ЭТО ДЕЛО КОЛЛЕКТИВНОЕ...

год 2102». Герой новеллы вживляет себе «трансфер-матрицу». Эта матрица несет в себе сознание Стаса, ее уничтожить невозможно. Придуманно интересно. Но самое главное — читатель получает возможность совершить вместе со Стасом опасное путешествие, попереживать за него, порадоваться с ним. Как только человеческий фактор оплодотворяет прием, выдумку, автор отлично выполняет свое упражнение.

Два рассказа Вячеслава Запольских — «Здравствуйте, хозяйка!» и «Зеленый одеколон» — тоже относятся к космическому разделу фантастики, тоже под завязку насыщены терминологическими погрешностями. Но все-таки сквозь их шум прорываются человеческие мелодии, и тогда мы с удовольствием слышим голос незадачливой владелицы Меркурия и знакомимся с неотразимой Анастасией.

Рассказ В. Соколовского «Мерцающий мир» невелик, всего десять страничек, но мне он представляется эталонным. Это не значит, разумеется, что все должны писать именно так, но хотелось бы, чтобы все работники фантастического цеха обладали таким же метким глазом, таким же тонким чувством стиля, умением найти неожиданную и яркую деталь, умели так же соединять настоящую литературу с фантастическим элементом. Рассказ невелик, но сельский кинемеханик Санька по кличке Кокоть удивительным образом оживает перед нами во плоти. И даже необычные события, которые случаются с ним, тоже освещены его абсолютной правдоподобностью, а это в фантастике случается нечасто.

Криминальный жанр представлен повестью А. Ефремова «Алгоритм». Автору, может быть, чуточку не хватает умения поддерживать напряжение. Но это, скорее, дело техники. Зато ему удается создать нечто более трудное — атмосферу. В данном случае атмосфера студенческая, и она освещает всю повесть каким-то молодым светом, наполняет оптимизмом и интеллигентностью. Думается, что в любом сорезновании детективов «Алгоритм» может смело рассчитывать на достойное место.

Пермское книжное издательство выпустило хорошую книгу, но удручает мизерный тираж — 15 тысяч. Если он лимитирован бумагой — что ж, остается лишь посотевать на наше неразумное и нехозяйское расходование бумаги, такое, которое не оставляет ее для книг, пользующихся спросом. Я уверен, что сборник был бы мгновенно раскуплен и при десятикратном тираже. Если же это редакторская перестраховка, она по меньшей мере неуместна: «Поиск-87» делает честь издательству.

То, что библиография фантастики интересует многих, думаю, не требует доказательств. Но, к сожалению, у нас она развита еще не так сильно, как хотелось бы.

Возьмем «Уральский следопыт». Это единственное издание, помещающее библиографические обзоры фантастических книг, вышедших за последние год-два. Последний такой обзор (в прошлогоднем № 8) посвящен новинкам 1985—1986 годов. А 1987 год? Начало 1988-го? По ним информации пока нет и, думаю, появится она не скоро. А может, не стоит «Уральскому следопыту» затыкать с этими публикациями? Напротив, сделать их более оперативными? Скажем, раз в три месяца давать информацию о вышедших за это время новинках. И не только книжных, но и о публикациях в периодике. Это позволит любителям НФ лучше и, главное, своевременно ориентироваться в том, что выходит.

Второе. У нас до сих пор нет полной библиографии фантастики, издававшейся в СССР. Попытки предпринимались. Делались как общесоюзные библиографии (в сборниках «Фантастика», «Собеседники»), так и региональные (в сборниках «Зеленый поезд», «Страна Гонгури»). Но всем им, даже лучшим из них, присущ один недостаток: ни одна из них не является исчерпывающей.

Объяснить это легко. Сидит, скажем, человек в Москве и составляет очередную библиографию для сборника «Фантастика». В первую очередь он включит в нее московские и ленинградские публикации, затем — произведения тех региональных авторов, которых он знает... А если автор неизвестен составителю: только-только выпустил свою первую книгу, в которой один фантастический рассказ просто теряется среди десятка нефантастических? Тогда как?

Или — странички КЛФ в газетах? Думаю, что составитель пройдет мимо них. Но это несправедливо по отношению к авторам напечатанного: должен быть отражен и их труд, и их вклад в фантастику.

Говорю обо всем этом только для того, чтобы показать: в одиночку такую библиографию не потянуть никому! Пропуски неизбежны, даже самый компетентный составитель не может, не способен охватить все. Это дело коллективное.

Поэтому через «Уральский следопыт» я обращаюсь ко всем КЛФ

и просто любителям фантастики страны со следующим предложением: давайте займемся составлением полной библиографии фантастики, вышедшей в СССР.

Как я себе это представляю? Каждый КЛФ делает библиографию по своему городу, области, региону. Она должна включать все публикации: книжные, журнальные, газетные. Тут каждому КЛФ и карты в руки — кто же лучше хозяев знает, что выходило у них дома! А потом все это сводится под единую крышу, в данном случае — заочного КЛФ при журнале «Уральский следопыт». Когда такая библиография будет составлена, можно будет поднимать вопрос о ее издании.

Чтобы слово не расходилось с делом, мы вдвоем с товарищем составили «Библиографию фантастики, вышедшей в Ленинграде в 1955—1987 годах». Экземпляр этой библиографии передан в редакцию «Уральского следопыта».

Хотелось бы узнать мнение членов заочного КЛФ о моем предложении.

Юрий ФЛЕЙШМАН,
КЛФ «МИФ—ХХ»,
г. Ленинград

ОТ РЕДАКЦИИ.

Чужой и собственный опыт давно уж убедил нас: полный библиографический свод всей фантастики, опубликованный в нашей стране, это и впрямь — задача для большого коллектива. Именно поэтому мы уже не однажды предлагали клубам заняться этим делом. Но в прежние времена наш призыв, увы, не имел успеха... Возможно, ситуация изменилась? Во всяком случае, сами мы — всецело за предложение Ю. Флейшмана.

К слову сказать, работа ленинградцев (38 страниц машинописи через полтора интервала!) — далеко не первый вклад читателей в нашу копилку библиографической информации. Стихийно и потому без какой-либо системы, но и прежде присылались, привозились и приносились в отдел фантастики крайне подчас интересные, а то и просто бесценные библиографические опыты. Из тех, что не утратили значения и сегодня, назовем хотя бы тематические обзоры «Польская НФ на русском языке» (34 машинописных страницы) и «Чешская и словацкая фантастика в русских переводах» (13 стр.). Не имеет печатных аналогов работа Х. Алымова «В океане газетных страниц»

(65 стр.). Значительно перекрывает списки, помещенные в названных Ю. Флейшманом сборниках региональной НФ, «Библиография сибирской фантастики» Г. Кузнецова, напечатанная в пяти номерах машинописного журнала, выпускаемого ново-сибирским КЛФ «Амалтея» и с самого первого выпуска любезно пересылаемого в нашу редакцию. Из работ, посвященных творчеству отдельных авторов, отметим материалы к библиографии И. А. Ефремова, подготовленные в свое время свердловчанином А. Багаевым (71 стр.), белаявская библиография, неутомимо пополняемую Н. Никитиной (Краснокамск Пермской области), ряд библиографических обзоров творчества А. и Б. Стругацких, списки русских переводов произведений Р. Брэдли, Р. Шекли...

Все эти — и некоторые другие — работы хранятся у нас на отдельной полке. Опубликовать их мы, к сожалению, не можем — и в силу специфичности этих работ, и по причине солидного их объема. Перепечатывать и высылать желающим — в обозримом будущем не сможем тоже: некому у нас пока заниматься этим...

Чем же все-таки хоть отчасти компенсировать неизбежные затраты времени (да и только ли времени!) тем клубам и отдельным нашим читателям, что откликнутся на призыв ленинградцев? Чаше-то, скорее всего, именно читателям-одиночкам: ведь и в мощных КЛФ информационно-просветительскую деятельность вершат, как правило, все те же энтузиасты-подвижники!

Предложить мы можем пока, увы, очень немного.

Гарантируем любому гостю беспрепятственный доступ к любой из присланных нам библиографий.

Оказавшись в Свердловске, имея интерес и располагая свободным временем, не стесняйтесь — звоните и заходите: наши сокровища — к вашим услугам! Творцы этих сокровищ, понимая нынешнюю невозможность печатного воспроизводства их работ, не будут, полагаем, возражать против этой — пусть самой первоначальной — популяризации их достижений.

А за год-то гостей из самых разных регионов воистину необъятной нашей страны бывает у нас, в редакции, немало — особенно, разумеется, в дни апрельских наших праздников...

Что же до абсолютно конкретного предложения сделать оперативнее библиографическую информацию в нашем журнале, мы непременно попытаемся его реализовать — после того, как подготовим и опубликуем список новинок НФ прошлого года.

В марте в Киеве состоялось первое всесоюзное совещание клуба любителей фантастики, организованное ЦК ВЛКСМ.

Вообще-то, участники его предполагали другое название: «конференция», «съезд» — с должным определением «учредительный»; к тому и готовились. Но оказалось, что рано думать об организационном оформлении всесоюзного объединения КЛФ, надо дожидаться выхода в свет положения о добровольных обществах, органах общественной самодеятельности и самодеятельных общественных объединениях. Из-за того же не было утверждено «Примерное положение о КЛФ», разработанное еще в январе. В нем содержится немало полезных рекомендаций, чем могли бы заниматься клубы любителей фантастики (проект «Положения» был опубликован в еженедельнике «Книжное обозрение» № 7 за 12 февраля 1988 г.). Эта заминка, уверен, не скажется на работе клубов, тем более что полезную информацию они из «Книжного обозрения» все равно уже получили. Можно продолжить обсуждение проекта, присылайте свои замечания. А «поставить печать»... Подождем, год-полгода — не срок для тех, кто ждет двадцать лет, скромно наблюдая, как масса солидных организаций нянчится с крикливыми, разноцветными «неформалами»...

Солідные организации наконец проявили интерес и к движению любителей фантастики, да не ради любопытства, а обещали свое содействие. Перечислю предполагаемых спонсоров будущего объединения КЛФ: Центральный комитет ВЛКСМ, Центральное правление Всесоюзного общества книголюбов, совет по приключенческой и фантастической литературе при правлении Союза писателей СССР, Госкомиздат СССР, Министерство культуры СССР, ВЦСПС и Федерация космонавтики СССР. На совещании подчеркивалось, что КЛФ не собираются сестя на шею своим семи «нянькам», выпрашивая и получая дотации и нотации; наоборот, клубы рады открывающейся официальной возможности оказывать практическую помощь этим организациям на местах. Пока наибольшую заинтересованность в сотрудничестве с любителями фантастики проявили Госкомиздат, общество книголюбов и — как прежде — писатели.

Заведующий отделом пропаганды Центрального правления ВОК А. М. Симонян пригласил создавать КЛФ при первичных организациях книголюбов, сообщил о решении Центрального правления помочь клубам в обеспечении НФ литературой. Заместитель главного редактора редакции художественной литературы Госкомиздата СССР Л. В. Ханбеков рассказал о коренной перестройке в лучшую сторону издательского отношения к фантастике, призвал клубы активнее влиять на планирование НФ литературы в местных изданиях, помогать Госкомиздату в разработке всесоюзных НФ серий, библиотек. Писатели Е. И. Парнов, Н. М. Россоховатский, А. Н. Стругацкий, В. Д. Михайлов, С. Ф. Гансовский, П. Р. Амнуэль в своих выступлениях приветствовали развитие движения КЛФ, дали конкретные советы

МЫ ВМЕСТЕ!

по разнообразию деятельности клубов, сетовали на то, что СССР по-прежнему остается единственной в мире цивилизованной страной, не имеющей специального периодического издания по фантастике (в Китае, например, уже НФ журнал и две газеты). Будет у нас наконец журнал фантастики?! — вопрос был поставлен, что называется, в лоб ЦК ВЛКСМ. Нет ответа.

На совещании был избран Всесоюзный координационно-методический (подчеркну: не приказывающий, а рекомендующий) совет КЛФ. Избран, правда, с оговоркой, что его еще придется утверждать в организациях-шефах (во всех семи?). Поскольку выборы проводились всерьез и самым демократичным образом (из большого числа кандидатур), рискну назвать избранных (чтобы на местах знали, к кому обращаться). Это — 20 представителей КЛФ: Роман Арбитман (Саратов), Анна Белошистая (Мурманск), Гедиминас Береснявичус (Вильнюс), Владимир Борисов (Абакан), Ираклий Вахтангшвили (Тбилиси), Борис Завгородний (Волгоград), Марат Исангазин (Омск), Леонид Куриц (Николаев), Александр Ливенцев (Краснодар), Александр Лукашин (Пермь), Владимир Орлов (Москва), Игорь Сидоренко (Ставрополь), Александр Сидорович (Ленинград), Борис Сидюк (Киев), Леонид Ткачук (Одесса), Лев Хаес (Кемерово), Игорь Халымбаджа (Свердловск), Виктор Черник (Горловка), Юрий Шмаков (Хабаровск), Михаил Якубовский (Ростов-на-Дону); 4 представителя творческой общественности: писатели Аркадий Стругацкий и Владимир Михайлов, критики Виталий Бугров и Владимир Гопман; 7 мест в совете займут представители семи названных организаций. На первом заседании совет решил предложить почетную должность председателя летчику-космонавту СССР, дважды Герою Советского Союза, известному ведущему телепередачи «Этот фантастический мир» Георгию Михайловичу Гречко.

Главным же и лучшим результатом этого совещания стала, по-моему, яркая демонстрация единства принципов и позиций КЛФ со всех концов страны. Это выразилось во всех выступлениях, и еще больше — в кулуарах. (Справедливости ради отмечу: единственным диссонансом прозвучало выступление киевлянина А. Дмитрука, он предостерегал КЛФ от множества придуманных грехов; немножечко, знаете ли, повеяло старорежимным — когда пытались запретить КЛФ на основании подобных недоказуемых, неподтверждающихся обвинений. Показательно, что это выступление даже не стали обсуждать: ведь собрались для серьезного же дела!).

Серьезное дело случилось. Оно придаст мощный импульс движению. Как сказал Аркадий Стругацкий, «положение сейчас хорошее. Я чрезвычайно доволен тем, что слышал, что видел на ваших лицах».

С. КАЗАНЦЕВ

Дмитрий КОЛОСОВ

ФИКУС

Фикус на длинной ножке выставил, как ладошки,
Листья мясистые.
Он не грустит о воле, жизнью своей доволен
Теплой да чистой.
Здесь, в городской квартире, в этом
квадратном мире,
Он создает уют.
Знает, его за это выставят ближе к свету,
Вымоют и польют.

Думаешь, я попался, если с тобой остался —
В быт с головою влез?
Что же ты скажешь, если прямо на этом кресле
Я укачу в свой лес?
Видишь — февраль осыпал свежей морозной сыпью
Синие стекла рам...
Чуешь — на запаха леса кони несут, как бесы,
Ветер гудит — пора!
Только что это, что же?! Фикус мой стал похожим
Вдруг на цепного пса.
Бью я его, калечу, — не отстает, как свечи,
Люто горят глаза...
...Знаю, что только чудом вырвался я оттуда,
Вот я в моем лесу.
Там, где растет свободно все, что душе угодно,
Нету лишь фикусов.

ПРОЩАНИЕ С ПТИЦАМИ

На подходе октябрь. И давно уже собраны вишни,
И пропах уже воздух дымками сожженной листвы.
Скоро иней деревья своими иголками вышьет
И закрутят метели остатки поникшей травы.
Но еще не зима, ведь на лужах ледок быстро тает,
Ярко тлеет рассвет и по-прежнему полдень горяч,
Только птицы спешат да сбиваются в длинные стаи,
Затянув на прощанье высокий пронзительный плач.
Я бы с ними летел, поднимаясь все выше и выше,
До тех пор, пока звезды коснутся моей головы...
...Но подходит октябрь. И давно уже собраны вишни.
И пропах уже воздух дымками сожженной листвы.

Андрей МАГДИЧ

* * *

Я шел, голодный и усталый,
Издаലെка в свой город милый,
И мне так часто не хватало
Ума, терпения и силы.
Едва увидела — о, боже! —
Запричитала торопливо:
«Ты самый сильный, мой хороший,
Ты самый умный и красивый!»
Отмывшись от дорожной пыли,
Сижу, внимаю сладким гимнам.
Ах, если б мы такими были,
Какими кажемся любимым...

ТВОИМ ПРОСТОРАМ В ГОРИЗОНТАХ ТЕСНО

Антонина
ЧЕРКАШИНА

Север — главная тема камчатских художников Федора Дьякова и Виктора Тришкина, которая сопряжена с осмыслением и созданием изменчивого образа этого сурового малодоступного края. Конечно, о малодоступности сейчас приходится говорить гораздо реже. Быстрокрылые лайнеры буквально за несколько часов могут доставить вас на Камчатку, Сахалин, Курилы, и все пристальнее к дальневосточным пределам становится внимание туристов, геологов, ученых, писателей, художников.

Но лишь немногие, лишь люди широкой души и решительных действий навсегда связывают свою судьбу с этой удивительной землей. А разве можно забыть первую встречу с Камчаткой? Как созвучны ей строки из стихотворения камчатского поэта В. Мельникова «Камчатка»:

*Не свысока, а просто с высоты
Гляжу в иллюминатор вертолета.
И очень строго открываешь ты
Свои монументальные полотна.*

Федор Дьяков и Виктор Тришкин, обращаясь к пейзажу и натюрморту, по-своему, своеобразно и емко, сумели выразить личное отношение к северной природе и осмыслить ее характерные стороны. Ведь Север не допускает повторов виденных ранее цветовых сочетаний. Каждая новая встреча с ним — новое открытие и поиск, Север для них — живительный источник, питающий живопись чувствами чистыми и естественными, как сама природа.

Творчеству обоих художников присуща соприкасаемость жанров. Их судьбы порой сближаются, но всегда образуют независимое течение. А еще их связывает многолетняя дружба.

Живопись Федора Дьякова пленяет богатством сложной и цельной гаммы серебристого колорита, несколько романтической интонацией, внутренним напряжением. Палитра же Виктора Тришкина отличается яркой насыщенностью цвета, мажорным звучанием, что придает его работам какое-то особое, жизнерадостное, оптимистическое восприятие мира.

Два автора, две судьбы и одна истина. Истина в постоянном практическом постижении мира и переложений своих мироощущений на холст. И как здесь не вспомнить слова замечательного русского пейзажиста А. Саврасова: «Манер живописи много, дело не в манере, а в умении видеть красоту... пейзаж не

имеет цели, если он только красив. В нем должна быть история души. Он должен быть звуком, отвечающим сердечным чувствам».

Федор Григорьевич Дьяков родился в хуторе Атаманском на Дону. После окончания ростовского художественного училища им. М. Грекова приехал в Петропавловск-Камчатский, где развернул большую организационную работу по созданию творческого объединения художников.

Виктор Михайлович Тришкин — волжанин. Армейские годы художника прошли на Камчатке, с тех пор его судьба связана с Севером. Работал директором городской детской художественной школы, а в 70-х годах активно включился в творческую жизнь молодого Камчатского отделения Союза художников РСФСР.

Сегодня имена Ф. Дьякова и В. Тришкина знают далеко за пределами Камчатки.

Свежие впечатления, которые они получают в многочисленных поездках и творческих командировках, упорная работа в мастерской, вечное подвижничество, которому неизменно следуют художники. Они исходили и изъездили тысячи километров. А богатство зрительных впечатлений помогает рождению все новых и новых образов.

«Впервые,— вспоминает Федор Григорьевич,— я попал на север Камчатки с агитбригадой. Побывал в Пахацах, Тиличихах, Вывенке, бухте Лавровой, бухте Южно-Глубокой, Алуке. Поразил необычный рельеф, вулканы с нависшими над ними армадами облаков, гряды сопок, причудливые формы снежников в горных ложбинах, высокогорная тундра и цветущие рододендроны. Тогда же впервые встретился с оленеводами, геологами, вулканологами, рыбаками — людьми открытыми и мужественными».

Так началось знакомство с Севером. Потом было много других поездок в знаменитую Долину гейзеров, на Курилы и Командорские острова, к шумным птичьим базарам, лежбищам сивучей и морских котиков. Но особое предпочтение художник отдает карякскому поселку Вывенка и вулканам.

«Вулканы для меня — особая тема. Сколько таинственного хранят эти мощные исполины. Порой я люблю наблюдать не столько их заоблачные вершины и фейерверки извержений, сколько созданное извержением: застывшие лавовые потоки, безмолвные каменные долины... Какая там стоит звенящая тишина... Земля там дышит, парит».

Смотришь на работы Ф. Дьякова — и встает перед глазами мир удивительный. Вот грозно развернул жерло Мутновский вулкан («Кратер»), вот остановилась в нем оцепенении «Голубая лава», причудливо раскинул зубчатые вершины «Хребет Кумроч».

Большой интерес вызвала выставка работ Ф. Дьякова под названием «У подножия вулкана», состоявшаяся в единственном в нашей стране Институте вулканологии в Петропавловске-Камчатском.

И еще одна особенность творчества художника: постижение природы неразрывно с деятельностью человека. Это ощущение не пропадает даже в натюрмортах: «Натюрморт с корюшкой», «Рыбацкий натюрморт», во многих других. Федор Дьяков частый гость в рыбацких поселках, на пограничных заставах, у моряков-тихоокеанцев. Наряду с пейзажами появляются жанровые композиции и портрет. Но и то и другое увидено глазами художника-пейзажиста. Пейзаж играет роль гораздо большую, чем только фон, как,

например, в портрете «Хранитель Долины гейзеров В. Николаенко».

Виктор Тришкин предан пейзажу и натюрморту. «Изначально натюрморт был моим первым увлечением, и лишь затем появилась тяга к пейзажу. Я связываю это с преподавательской работой. Постепенно (сначала интуитивно, подсознательно) стал чувствовать постановку. Впоследствии это способствовало развитию композиционного чутья, постижению сути вещей, их гармонии, глубины, пластики».

Удивительно бережно подходит художник к национальным традициям местных жителей — коряков, ительменов, эвенов, чукчей. Но уходят в прошлое древние обычаи. Все очевиднее приметы современности. Наверное, поэтому часто ездит художник в «глубинку» — в отдаленные поселки Ачай-Ваям, Тымлат, Карагу. Изучает фольклор, тщательно выписывает плетенные из трав и бересты туеса, расшитые бисером кухлянки и малахаи. Художник познает мир самобытный и бесхитростный. Человечностью, рукотворными чудесами подкупают исполненные трепета и очарования натюрморты «Нымыланская кухня», повествующая о жизни береговых северных жителей Камчатки — нымылан, «Корякский натюрморт», «Эвенский натюрморт».

В конце 70-х В. Тришкин все чаще обращается к пейзажу. Конечно, погода Камчатки не балует изобилием погожих дней. Но бывают дни необыкновенно ясные, и тогда во всей красе открывается суровая, эпически монументальная панорама. Однажды художник сказал себе, что будет писать не серое ненастье и мглистые облака, а пойдет в своем решении через чистоту и насыщенность цвета. Так появилось эпическое полотно «Бухта Русская», в котором весь мир полон хрустальной тишины, пронизан чувством торжества и покоя. Искрящаяся гладь бухты, обрамленная горными хребтами, напоминает волшебную чашу с маленькими белыми пароходами.

Много работ художник посвящает осени и весне. Его привлекает и прощально-шальное полыхание красок («Вулкан Вычкажец. Осень»), и робкие приметы преобразующейся природы («Майский день»). Кроме того, Виктор Тришкин разрабатывает городские и индустриальные пейзажи («Весеннее утро в Петропавловске-Камчатском», «Паужетская геотермальная станция»). Часто на пленере художник пишет морены («Командоры. Прилив»). Монументальную трактовку получила его композиция «Крабы и море», экспонировавшаяся на всесоюзной выставке «Голубые просторы Родины».

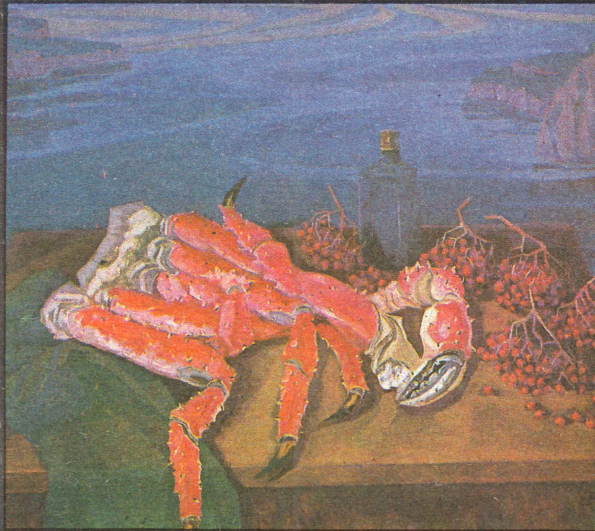
И если художники сумели донести свои мысли и чувства людям, если их работы заставляют задуматься, вызывают чувство сопричастности и не оставляют равнодушными, — значит, они на истинном пути. Много создано. Но все же, как и каждый художник, они верят, что их главная картина еще впереди...

*Нетронутость заснеженных хребтов.
Теней прозрачность. Переливы света.
И поражают краски чистотой,
Как на картинах Рокуэлла Кента.*

*Не отвести замороженный взгляд.
Твоим просторам в горизонтах тесно.
И с уважением путники молчат:
Слова пустых восторгов неуместны...*

МОРЕ И КРАБЫ. х., м., 1986. В. Тришкин.

КАМЧАТСКАЯ ВЕСНА. х., м., 1983. В. Тришкин.

Цветные снимки на вкладке выполнены фотокором газеты «Камчатский комсомолец» Виктором Гуменюком

БУХТА РУССКАЯ. х., м., 1985. В. Тришкин.

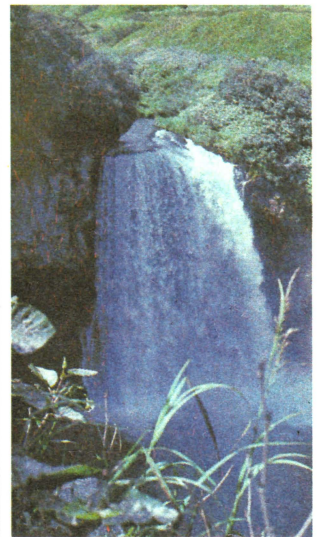
ХРЕБЕТ КУМРОЧ. холст, масло, 1985. Ф. Дьяков.

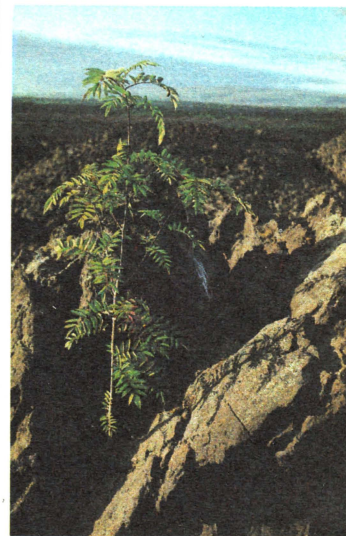

ВУЛКАН ВЫЧКАЖЕЦ.
х., м., 1986. В. Тришкин.

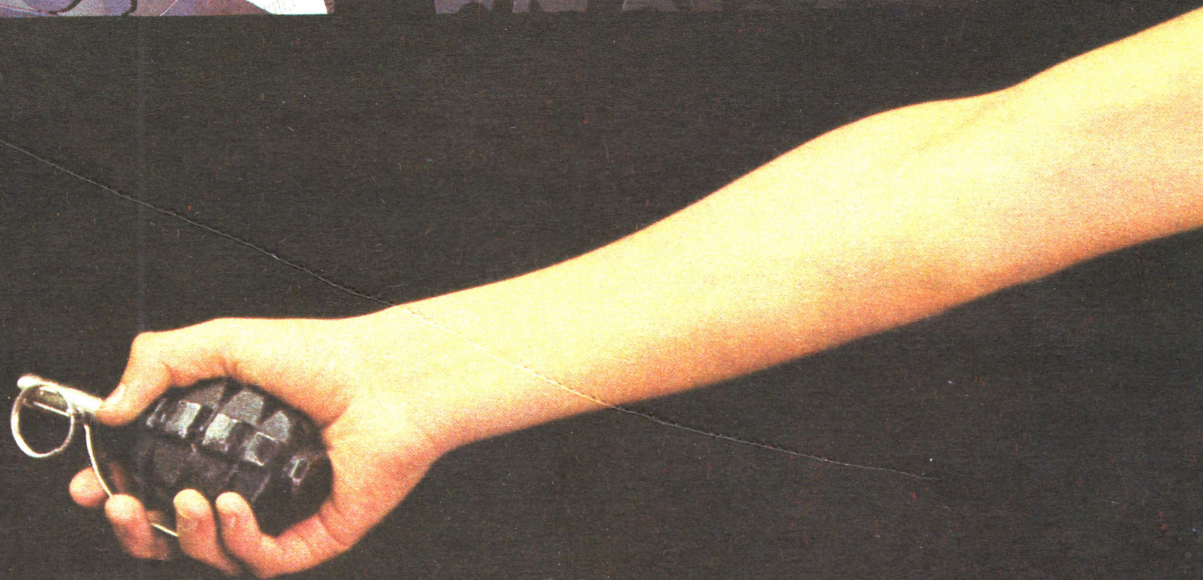

КОМАНДОРЫ. НА ОСТРОВЕ МЕДНОМ. х., м., 1975.
Ф. Дьяков.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ. х., м., 1979. В. Тришкин.

КОМАНДОРЫ. ПРИЛИВ. х., м., 1974. В. Тришкин.

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ОСТРОВА И КАПИТАНЫ

РОМАН В ТРЕХ КНИГАХ

Линия обороны

Гай натянул прохладную чистую рубашку — вазильковую с латунными пуговками. Со дна чемодана вытащил новенькие, ни разу не надетые шорты «военно-полевое» цвета. Закинул под кровать пыльные растоптанные кеды и застегнул блестящие пряжки скрипучих лаковых сандалий. С удовольствием потоптался.

— Расчеши космы, — предложил Толик, — и будешь совсем лондонским денди на брегах Тавриды.

Гай, сопя от науги, расчесал.

— Я буду дома от четырех до шести, — сказал Толик. — Постарайся возникнуть в этом промежутке. Возможно, поступит информация от Шурика...

— Есть, товарищ главный конструктор Атлантиды! — Сгинь...

Ася ждала Гая у калитки. Тоже принаряженная, в белом платье с якорями и синей лентой на волосах. Помахивала голубой пластмассовой сумкой — на ней тоже якорь. Поглядели они друг на друга и почему-то смутились.

— Ну? Топаем? — спросил Гай.

— Пошли... — Ася нерешительно посмотрела на его сандалии. — Ноги не натрешь ремешками? Дорога будет длинная.

— Все нормально... — Гай упруго попрыгал.

По улице генерала Петрова они бодро дошагали до гостиницы «Севастополь» и сели на троллейбус.

— Поедем на Корабельную, — сказала Ася. — Начинать надо с Первого бастиона, по порядку. А потом все ближе и ближе к дому, до Седьмого. К дому идти — всегда легче...

Но сразу к Первому бастиону они не попали. Вышли на улице Розы Люксембург, и Ася потащила Гая на горку у железнодорожной насыпи. Горка была, как игрушечный городок, с белыми домиками, лестницами, закоулками и двориками на крутых склонах. Похоже на Артиллерийскую слободку, только все уменьшено и словно собрано в горсть. Как на сцене для приключенческой сказки.

Ася сказала, что это знаменитая Аполлоновка. Аполлоновка была горячей от солнца.

Ася и Гай через заросли дрека спустились к старым каменным аркам.

— Это бывший водопровод, — объяснила Ася. — Его еще адмирал Ушаков строил...

Под аркой они прошли на берег Аполлоновой бухты. На громадных бетонных блоках, в беспорядке сваленных на берегу, загорали мальчишки. И прыгали с этих кубических глыб в очень синюю воду. Гай им позавидовал, и Ася тут же сказала:

— Давай искупаемся. А то нам шагать и шагать, а моря на пути уже не будет.

Окончание. Начало см. в № 4.

Они нашли на теплом бетоне свободное местечко. Мальчишка лет десяти — конопатый и с ободранным подбородком — сказал:

— Чего пришли? Это наших, аполлоновских пацанов камни...

Гаю стало неудобно. Он знал ревнивую непримиримость мальчишечьих компаний к чужакам. Но Ася ответила, не повышая голоса:

— Сиди, аполлоновский. А то и на носу цапаины будут.

И никто больше не придирался...

Они ныряли и плавали минут пятнадцать. Потом Ася сбежала куда-то, чтобы выжать купальник, вернулась уже одетая и сказала между прочим:

— А вон в том домике родился Папанин. Помнишь, который на Северном полюсе?

Гай, конечно, помнил. Недавно читал в «Пионере» о высадке папанинской четверки на полюс — как раз отмечалось тридцатилетие этой экспедиции. Но он не знал, что Папанин родился в Севастополе. Гаю казалось, что полярный исследователь должен быть уроженцем каких-то северных мест.

...После купания жизнь стала еще лучезарнее, хотя дорога была совсем не ровная. Спустились по откосу широкого, заросшего, как сад, оврага и поднялись по другому склону. Гай часто дышал. Ася сказала, что они пересекли Ушакову балку.

Через несколько минут они оказались на обрыве — над небольшой, полной кораблей и катеров бухтой.

— Это Килен-бухта. А вот памятник.

Над обрывом Гай увидел гранитную открытую беседу и серый, грубо отесанный камень с надписью:

1-й бастионъ

— Вот отсюда и начиналась линия Первой обороны, — объяснила Ася. — Когда французы и англичане подошли, бастионов и батарей почти не было, адмирал Корнилов весь город поднял на строительство. Даже арестантов освободил... Ну, пошли.

Гаю эта дорога запомнилась, как солнечная круговерть улиц с белыми домами, спусков, тропок и заваленных ползучими кустами каменных изгородей. И заросших высокой жесткой травой балок-оврагов. В этой траве прятались сложенные из пористого камня стенки с нагретыми солнцем чугунными плитами. На плитах — выпуклые буквы с названиями и номерами батарей.

Было жарко и хотелось пить. Гай и Ася пили у водонапорных колонок, дурачась и осыпая брызгами друг друга.

Они постояли у глыбы-памятника Второму бастиону и зашагали к Малахову кургану.

На перекрестке Второй Бастионной и какого-то переулка, на заросшей колючками и сурепкой пло-

ГРАНАТА

(Остров капитана Гая)

Книга вторая

Рис. Евгении Стерлиговой

шадке гоняла красно-синий мяч ребячья компания. Мальчишка лет семи стоял в стороне, плаксиво вытирал подолом полосатой майки нос и косился на игроков. Потом глянул серыми глазами на Асю и Гая.

— Ты чего? — спросила Ася.

— А чего они... — буркнул мальчишка.

— Не берут играть?

Он засопел.

— Пошли. — Ася взяла его за руку. Гай — что делать — двинулся следом. Сунул руки в карманы и постарался придать лицу решительное выражение.

Игра остановилась. Ася сказала длинному голубоглазому мальчишке, который был, кажется, главным:

— Вы чего маленького не берете?

Тихо сказала, спокойно.

Мальчишка удивленно возвел выгоревшие брови:

— Тебе-то что?

— Мне-то ничего. А ему плохо.

Подошли другие ребята. Крепыш с бинтами на обеих коленках объяснил:

— Он пишит и под ногами путается.

— Вы поставьте его на край и пасуйте иногда, вот и не будет путаться, — разъяснила Ася. — А если прогонять, он когда играть научится?

Длинный поглядел на Асю, на Гая, сказал пацаненку:

— Иди на тот край. И пинай, когда мячик подадут, а сам не лезь.

Малыш ускакал.

Ребята, оглядываясь на Асю, снова начали игру.

— Ну, ты даешь... — с тихим восхищением сказал Гай.

— Что?

— Ну... ты просто как хозяйка. Везде. Хозяйка Севастополя.

— Смеешься, да?

— Я правду говорю. Все тебя слушаются. Такая решительная.

— Вовсе я не решительная, а трусиха... Я тебе признаться хочу...

— В чем? — встревожился и смутился Гай.

— Ох... не обижайся, ладно? Я тебя нарочно одного к бабе Ксане отправила. Потому что я боюсь слушать, как она рассказывает. Просто сжимается что-то, и реветь хочется.

— Это я понимаю, — сказал Гай.

На Малаховом кургане Гай уже бывал. Но сейчас они поднялись не по главной лестнице, а боковой тропинкой. И вышли прямо к оборонительной башне, где над черной чашей факела металось пламя вечного огня — оранжевое, яркое, несмотря на солнце.

Вокруг площади перед башней толпились зрители, а на открытом пространстве выстроились артековцы. Гай и Ася ввинтились между взрослыми и просочились вперед.

Перед пионерским строем стоял и говорил что-то седой моряк в белом кителе со множеством сияющих медалей. Когда Гай и Ася оказались близко, он уже кончил речь. Девочка в синей пилотке и громадных, как аэростаты, бантах повязала моряку пионерский галстук. Уверенно и красиво застучали барабаны, мелодично запела фанфара (сразу ясно, что трубак знает свое дело — не какой-нибудь неумелый школьный дударь, выбранный в горнисты за хорошие от-

метки). Счастливики-артековцы вскинули в салюте руки. И Гай пожалел, что не надел пионерский галстук — тогда бы он тоже имел право салютовать барабанщикам, знамени, что адело на правом фланге строя, и этому моряку, который наверняка воевал в здешних местах (может быть, рядом с дедушкой?).

Артековцы четким строем ушли с площади по главной аллее. А Гай и Ася мимо развалин памятника адмиралу Корнилову, который разбили немцы, мимо старинных пушек батарей Жерве спустились по склону Докового оврага.

И опять — кружение солнца на белых улочках, сухой шелест акаций, блеск твердых кремнистых тропинок, тишина, которую разгоняют иногда мальчишки на звонких велосипедах...

Неужели здесь когда-то гремели взрывы?

— Вон там недавно саперы два снаряда выкопали, — сказала Ася. — Невзорвавшиеся. Прямо из-под дома. Хорошо, что успели. Бывает, что не успевают...

От солнца и усталости у Гая немного кружилась голова. К тому же Ася оказалась права: ремешок сандалии натирал ногу — левую, когда-то уколотую дракончиком... И все же Гай был рад, что идет вот так с Асей. В глубине души жила догадка: стертая нога заживет, усталость улетучится, а этот солнечный день останется в памяти навсегда. Может быть, потом, через годы, среди синих зимних сумерек вспомнится все: и теплые камни бастионов, и блестки в белой пыли, и седой моряк перед артековцами, и спокойная девочка с якорями на платье...

Когда от обелиска на месте Третьего бастиона они запутанными переулками спускались к Лабораторной балке, Ася сказала:

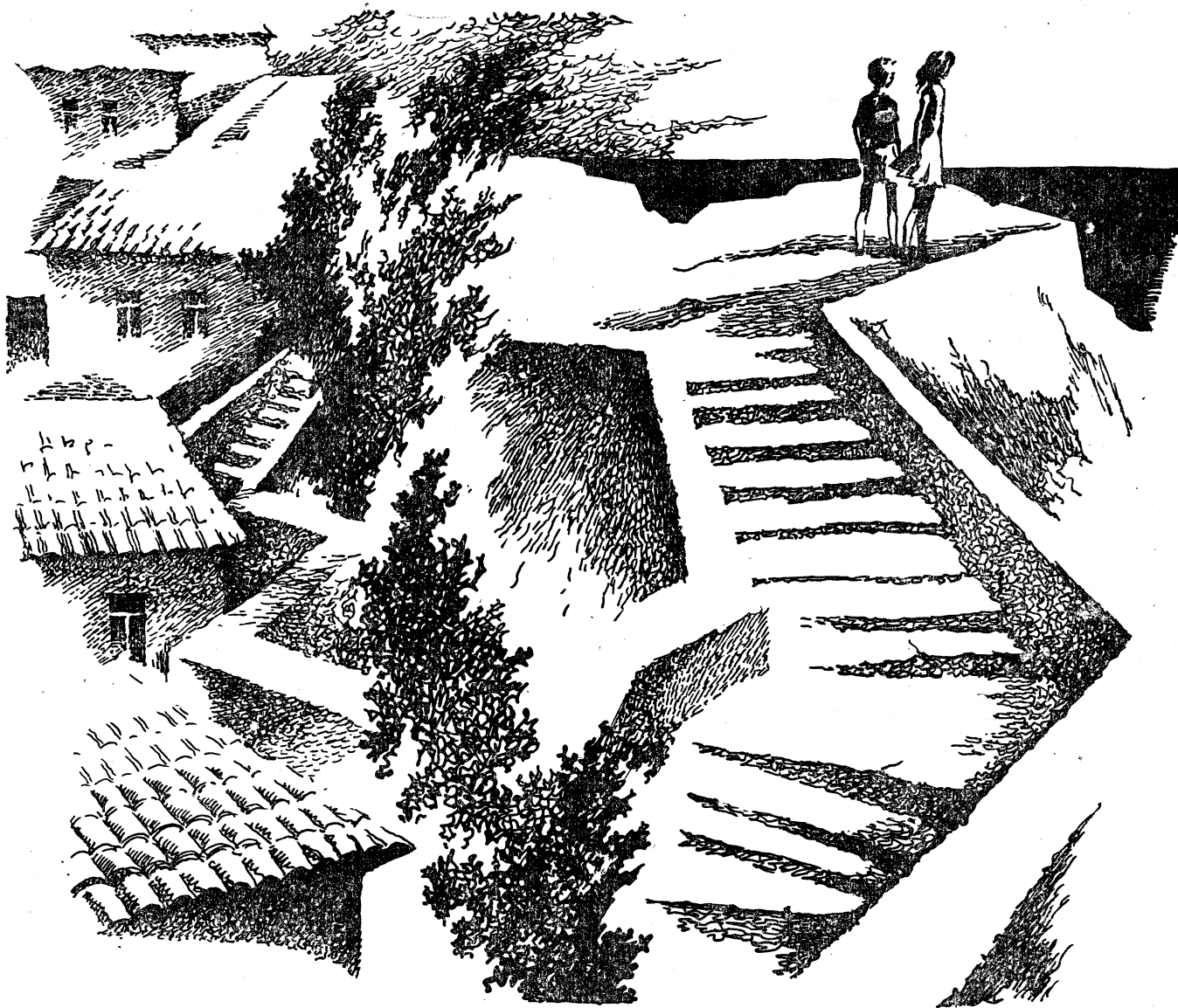
— Вот это все и есть Корабельная сторона. Здесь самые отчаянные бои были в Первую оборону...

— А во Вторую?

— Тоже, — вздохнула Ася.

Гай понимал, что между Первой и Второй оборонами лежал почти век. Но все равно эти времена в голове смешивались и казалось, что Севастополь сражался непрерывно много-много лет подряд. Что рядом с нахимовскими матросами дрались на Малаховом кургане морские пехотинцы, пришедшие сюда с эсминцев и крейсеров, и вместе с усатыми солдатами старинных полков — Якутского и Тобольского, Минского и Модлинского, Одесского и Тарутинского и многих-многих других — бросались в атаки на врага красноармейцы и командиры в белых от солнца и пота гимнастерках и пилотках — бойцы Приморской армии, в которой воевал и политрук Нечаев...

Гай уже не раз — с Толиком и один — побывал в Музее флота, на Сапун-горе, в Панораме, слышал много рассказов о боях и подвигах севастопольцев. Да и раньше читал об этом — «Севастопольского мальчика» Станюковича, «Морскую душу» Соболева и даже «Севастопольские рассказы» Толстого (у дедушки была такая большая плоская книга с похожими на фотоснимки иллюстрациями). Но никогда Гай не мог (да, по правде говоря, и не пытался) разобраться в том, что по-научному называется «обилием информации». Имена адмиралов и командиров, названия люнетов и редутов, подвиг Тридцатой батареи в сорок втором году и Балаклавское сражение в прошлом веке вспоминались вперемешку. Наверное,

так все бывает перемешано в дыму, грохоте и сумятице большого боя...

Когда Ася предложила пойти по линии Первой обороны, Гай подумал, что теперь в его знаниях появится хоть какой-то порядок. И правда, номера бастионов, наименования батарей, названия бухт и балок нанизывались, словно бусины, на одну нитку...

На улицах по-прежнему лежала солнечная тишина, и все сражения казались бесконечно давними и далекими. Так, наверно, и должно быть. Затем и защищают в боях люди свои города, чтобы потом был вот такой тихий, безоблачный и неколебимый мир. Чтобы мальчик и девочка могли беззаботно идти по старым бастионам, а на заросшем сурепкой перекрестке мальчишки весело гоняли красно-синий мяч...

— Ася... А ведь где-то в этих местах был снежный бастион, да? Ну, в котором погиб Алабышев.

— Да. Скорее всего, вон там.— Ася махнула легкой пластмассовой сумкой с якорем.— Где ребята в мячик играли.

— Я про них и подумал... И вспомнил...

Но, подумав о снежном бастионе, о мальчишках в нем, Гай, конечно, вспомнил и гранату, которую закрыл собой Алабышев. И другую гранату... И других мальчишек — в Херсонесе, к которым так и не собрался в эти дни. И опять покатила у него внутри черная дробинка.

— Ах ты черт...— в сердцах сказал Гай.

— Что? Трет ногу?— встревожилась Ася. (Они уже останавливались из-за этого, и Ася положила Гаю в носок прохладный мягкий листик).

— Да нет... Просто вспомнил. Надо в конце концов съездить в Херсонес, того пацана разыскать. Который был пулеметчик с гранатой...

Они спустились по каменному трапу среди заросших двориков на склоне Лабораторной балки. Ася удивленно остановилась.

— Сержика разыскать?

— Ну да...

— А зачем в Херсонес-то ехать?

— Ребят спросить, я же его не знаю... Ой, а ты знаешь?!

Ася помолчала, что-то соображая. Тихонько зашепталась:

— Ты бы сразу меня спросил. Это же внук бабы Ксаны. То есть правнук, сын ее внука, дяди Алеши.

— Вот это да... — выдохнул Гай.

— Разве ты не знаешь?.. Ну да, ты не спрашивал, я не говорила... А разве ты его у бабы Ксаны не встретил?

— Не... Она сказала, что какой-то Сергийко уехал в Феодосию. Только к школе вернется.

— Он и есть.

— Здесь просто чудеса какие-то, в этом городе. Сплошные совпадения...

— Да какие совпадения? Просто он в тот день за мной в Херсонес увязался. А там я к бабушке пошла, а он с вами остался играть, вот и все...

Сперва Гай обрадовался. Но тут же расстроился:

— Значит, я его не увижу. Я двадцать восьмого домой улечу.

— Жалко... — вздохнула Ася. Непонятно было, что «жалко». Что улетит или что не увидится с Сержи-ком?

— Еще бы, — сказал Гай. Тоже непонятно.

— А какое у тебя к нему дело? Может, я помогу?

— Помоги... Помнишь, он тогда гранату потерял? Я знаю, где она... Ну, потом сообразил. Завалилась она там в одно место. Я достану, а ты ему отдашь.

— Еще чего. Я ее тут же в море выкину.

— С ума сошла?

— Это вы, мальчишки, все с ума посходили. Наши себе игрушки...

— Она же ненастоящая!

— Баба Ксана от этой «ненастоящей» себе нервы извела... А знаешь, сколько было случаев? Сперва — ненастоящая, а потом и настоящую откопают...

— Ася...

— Выкину, — сказала она. И Гай подумал, что даже с самыми хорошими девочками можно разговаривать не о всех делах.

— Получается что? — озабоченно сказал Гай. — Он не знает, где она лежит, а я знаю. Выходит, я будто ее стащил...

Ася быстро глянула на него, и Гай почувствовал, что краснеет. Хорошо, что под загаром не видать...

— Не ты же ее туда спрятал, — сказала Ася.

— Все равно... Эх, жалко, что его нет, — Гаю теперь хотелось увести разговор от гранаты. — Мне еще и поговорить с ним надо. Про бюст... Ты вот не знаешь, что это за герой, а он, наверно, знает... А вдруг это капитан-лейтенант Алабышев, а?

Такая догадка лишь сейчас мелькнула у Гая и в первую секунду показалась невероятной. Но ведь в этом городе, где столько удивительных совпадений и встреч, все возможно.

— Наверно, и дядя Алеша знает, — рассудила Ася. — Ох, я забыла: он же в рейсе... Гай...

— Что?

— Гай... — тихо сказала Ася и махнула сумкой по головкам чертополоха. — А может, тебе не улетать двадцать восьмого?

— А... как?

— Ну, поживи здесь еще... Сержика дождешься. И вообще... У нас в сентябре знаешь как хорошо.

— А школа? — озадаченно спросил Гай.

— Поучился бы в нашей... Кто отдыхает здесь осенью с ребятами, часто устраивают их в здешние

школы... Я могу с нашей Мариной Викторовной поговорить, она знаешь какая хорошая...

— Ха! А Толик? С ним кто поговорит? Он со мной тут и так замаялся, — самокритично высказался Гай. — И билет на самолет уже давно взят. Билет в кассе менять — думаешь, это легко? Там не потолкнешься...

— А зато... — начала Ася и замолчала.

— Что?

— Ну... когда еще потом приедешь-то...

«Это верно», — подумал Гай. И тоскливое предчувствие скорого расставания с морем, с Севастополем, со всей этой полной удивительных событий жизнью уже не первый раз толкнуло его.

Домой, конечно, хотелось (особенно, когда о маме думал; и Юрка вот, мама пишет, все спрашивает: когда Гай придет?). Но он все равно скоро придет! И будет дома всегда. На долгие годы. А здесь — словно что-то не закончено. Словно все еще не случилось главного события. Словно ступил на неведомый остров, успел полюбить его, а узнать до конца не успел...

Если бы еще десяток дней такой жизни, а? Неожиданный подарок, прибавление к той короткой неделе каникул, которая здесь осталась Гаю! Он бы со всеми ребятами еще раз встретился, облазил бы напоследок все полюбвишиеся места, искупался на всех пляжах, обошел берега над всеми бухтами... И с Пулеметчиком бы решил дело как надо. И... вот и Ася хочет, чтобы он остался...

Конечно, потом все равно придет день расставания, но будет уже легче. Потому что он, Гай, все успеет.

Гай понимал, что в чем-то он обманывает себя. Проще и легче, наверно, не будет. Но, по крайней мере, печаль прощания отодвинулась бы еще на какие-то дни. И дни эти были бы, наверно, тоже радостные и разноцветные...

— Толик не разрешит, — грустно сказал Гай.

— Попроси изо всех сил.

— А школа... У меня и формы-то нет. Только лыжный костюм на всякий случай, если холодно...

— А это чем не форма? — Ася прошлась по Гаю глазами. — У нас многие мальчишки так всю первую четверть ходят, до самых холодов.

— Ну да? — Сентябрь в понятии Гая был прочно увязан с плотным серым сукном школьной униформы, без которой и не думая явиться на уроки, пусть хоть какая жара на улице.

— Здесь же юг, — сказала Ася.

— А учебники? Где я возьму?

— Что, нам моих не хватит?

«Ася! А зачем тебе надо, чтобы я задержался?» — подумал Гай. Но понял, что спросить это не решится ни за что в жизни.

— Ох... я попробую с Толиком поговорить, — сказал Гай.

— Конечно. Попробуй...

— А Пулеметчик... Сержик этот в твоей школе учится?

— Да. Он в пятый перешел.

— Ну? Я думал он меньше. На вид такой... октябренок.

Они пересекли Лабораторную балку, и Ася объяснила, что от линии Обороны отклонились. Зато поднимутся на Зеленую гору, с которой виден весь город.

И они стали подниматься. Ноги у Гая ныли и гу-

дели, и он думал, что Ася — просто железный человек. Иногда хотелось плюнуть на гордость и сказать: «Слушай, давай посидим, а?»

Зато с горы Гай увидел Севастополь во всем его праздничном сверкании. А за ним — громадное пространство моря. Там уверенно двигались корабли.

Радостно и беспокойно толкнулось сердце: не хочу уезжать!

Если бы Гаю предложили остаться здесь навсегда, он бы не согласился. Даже если бы вместе со всеми здесь жить — с мамой и отцом, с Галкой, бабушкой и бабушкой — все равно не захотел бы. Он любил Среднекамск и свой дом. Там была — вся его жизнь. А здесь — праздник, хотя и не лишенный печалей.

Нельзя, чтобы вся жизнь была праздником... Но так хочется, чтобы его было больше...

Сошли по тропинке к зеленому Т-34 на каменном постаменте — памятнику героям-танкистам. Постояли у него. Потом по извилистой лестнице, сквозь рощу дубов и акаций, мимо белой школы спустились к вокзалу. Ася предупредила:

— Скоро последний подъем... Я тебя замучила?

— Ты не девочка, а какой-то... землепроходец, — сказал Гай. Но он уже не чувствовал прежней усталости. Ноги, правда, гудели, как и раньше, но пришло пружинистое веселье. Немного нервное, с примесью тревоги: «А что скажет Толик?»

Поднимались опять среди старых, увитых виноградом дворики, где орала петухи и ходили деловитые кошки. Одна такая улочка-тропинка-лесенка называлась Лагерный переулок. Интересно, когда и какой лагерь здесь был? На этом месте, где только и гляди, чтобы не зареветь под откос...

Поднялись к Четвертому бастиону с его черными пушками и брустверами из корзин и мешков (мешки и корзины были отлиты из бетона, но очень походили на настоящие). Потом прошли мимо Панорамы. У нее толпились экскурсион, к дверям тянулась бесконечная очередь. Гай посмотрел на нее снисходительно: ему не надо стоять, он был здесь дважды.

В парке у Панорамы стояла парашютная вышка, вверху колыхался шелковый купол.

— Прыгнешь? — спросила Ася.

— А пустят?.. У нас в Среднекамске тоже есть такая, там ребят не пускают... Но у нас там инструктор знакомый, он пацанов, которых знает, пускал, я четыре раза прыгал... Первый раз жуть такая, второй раз еще страшнее, а потом ничего... — Гай говорил весело и беззаботно, потому что все было полной правдой. — А здесь ребят пускают?

— Нет, — вздохнула Ася. — Я хотела, сказали: маленькая...

Они пообедали в полупустом кафе на Историческом бульваре. Взяли по полтарелке теплой окрошки и по блинчику с мясом. Пока шли, Гаю казалось, что он голодный, но сейчас аппетит вдруг пропал. Наверно, от растущего беспокойства: «Что же все-таки скажет Толик?»

Теплый ветер колыхал парусиновый навес, по пластмассовым столам прыгали воробьи. Ноги у Гаю отдохнули, даже натертая пятка не болела. Но росло тревожное нетерпение.

Когда они мимо памятника Тотлебену спустились

с бульвара на площадь Ушакова, куранты на башне Матросского клуба пробили три часа. Торжественные колокола сыграли «Легендарный Севастополь». Гай сказал:

— Ася, на Пятом бастионе я уже был. Это ведь на кладбище Коммунаров, где могила лейтенанта Шмидта, да?.. А мимо Шестого и Седьмого и так каждый день ходим...

— Устал? — спросила она спокойно и ничуть не обидно.

— Нет... Не в этом дело. Скоро Толик придет домой. Я хочу, чтобы уж сразу разговор...

Четырех еще не было, но Толик оказался дома. Гладили белые брюки: брызгал на них, раздувая щеки, и лихо водил шипучим утюгом. Весело глянул на Гаю.

Гай сел у стола, положил подбородок на локти.

— Толик...

— А?.. Пфу... Что, дитя мое?

— Толик... Хочешь увидеть необыкновенное? Самое-самое...

— Что... пфу... именно?

— Самого образцового на свете пятиклассника... то есть шестиклассника. Самого-самого послушного, дисциплинированного и всякого-всякого... Хочешь, я таким сделаюсь?

— В обмен на что? — пронизательно спросил Толик.

— Ох... — тихонько простонал Гай.

— Что «ох»? Какая идея возникла в твоей кудлатой голове?.. — Толик выключил утюг, пальчиками поднял брюки и полюбовался. — Ну? Слушай вас, сударь...

— Ага, «слушаю»... А потом скажешь «нет».

— Скорее всего.

— Ты только не говори сразу «нет», а? Ты сперва послушай, потом... ну, потом отругай меня. И скажи «ладно»... А?

— Выкладывай... — Толик уже слегка встревовался.

— Ох... — опять сказал Гай. Зажмурился и выпалил: — Не отправляй меня двадцать восьмого! Можно, я еще немножко здесь поживу?

Толик молчал. Гай приоткрыл один глаз. Толик смотрел, словно говорил: «Лю-бо-пытн... Что еще придумаешь?»

— Ну, вот... — уныло произнес Гай. Открыл второй глаз и стал безнадежно смотреть на Толика. Тот в самом деле сказал:

— Лю-бо-пытн... Давно придумал?

— Сегодня, — скорбно отозвался Гай. И вдруг в молчании Толика ощутил нерешительность. И капелка надежды сверкнула, как дождинка на солнышке... — Толик... Я тебе, конечно, надоел, я понимаю. Но вот если бы ты согласился... не надолго ведь, еще денюшек на десять, а? Я бы тогда...

— Школу прогуливать? — хмыкнул Толик.

— Нет! — Гай подскочил. — Ни за что на свете! Ася договорится со своей классной! Толик... я бы один пятерки здесь...

Надежда уже не искоркой сверкала, а горела ярким фонариком. Гай даже позволил себе слегка дурашливый тон:

— Я бы стал образцом успеваемости... и этой... кротости.

— Неужели не соскучился по дому?
— Ох, соскучился. Иногда даже... хоть пешком беги. Но все равно! Толик, мне здесь надо еще! У меня причины...

— Кое о каких догадываюсь...

— Ты думаешь, я из-за Аси? — в упор спросил Гай. — Ну и... Но не только. Много всего... Одного мальчишку надо встретить, внука бабы Ксаны. Он лишь к первому сентября придет.

— А он-то тебе зачем?

— Наверно, он про бюст знает... Ну, кто там изображен.

— Но ведь ясно же, что не Головачев.

— А может... вдруг Алабышев?

— Ну и фантазия у ребенка, — сказал в пространство Толик.

— А что! Бывают же всякие совпадения, сам говорил. Ты вот, например, здесь своего Шурика встретил. Разве не чудо?

Толик усмехнулся и медленно проговорил:

— Да, встретил... Шурика и благодари.

— За что?! — подскочил Гай.

— У них, видите ли, выход в море на съемку задерживается до начала сентября... «Ах, как мы без Гая? Ах, уже со сценаристом согласовали этот эпизод! Не губите гениальный финал фильма...» Даже билет сам переоформить обещает...

Встав на голову, Гай зацепил ногами стол и сшиб утюг.

— Это и есть образец кротости, — печально сказал Толик. И огрел Гая глаженными брюками.

К Асе Гай прибежал только около семи часов.

— Ты где пропадал?

— С Толиком на почтамп ходили, Среднекамск по срочному тарифу вызывали... Ох, Аська, досталось нам от мамы!

— Значит, остаешься? — расцвела она.

— Ты думаешь, это легко было?.. А мама потом даже всхлипывать начала по телефону. Я уж совсем решил, что, ладно, поеду домой. А потом вспомнил: фильм-то...

— А что — фильм?

Гай поведал про удачу с задержкой киносъемки.

— Теперь, даже если в школу не возьмут, все равно придется остаться.

— Возьмут, не радуясь...

Марина Викторовна жила в двухэтажном доме на углу Бакинской, Ася и Гай нашли ее во дворе. Асина «классная» развешивала выстиранное белье. Была она молодая, коротко стриженная и в своем спортивном костюме походила на учительницу физкультуры, а не истории. Асе она обрадовалась, а заодно и Гаю. Они помогли ей развесить на веревке тяжелую клетчатую скатерть.

Насчет занятий в школе Марина Викторовна сказала, что пусть старший брат Миши Гаймуратова напишет заявление. А когда Миша будет уезжать, ему заверят дневник с оценками, вот и все. И улыбнулась:

— Надеюсь, оценки будут приличные.

Гай сказал, что он тоже надеется. И спросил:

— А правда, что можно без формы, вот так?

— Ну, совсем «так», наверное, не стоит. Галстук

надо бы надеть. Пионер ведь? Вот... И конечно подстричься. У нашего директора отношение к прическам строгое.

— Ой, а стрижься как раз нельзя, — встревожился Гай. — Режиссер не велел. Я им там с волосами нужен.

— Да? Ну, решим как-нибудь и этот вопрос... Пойдемте ко мне ужинать, а? Я сегодня одна, муж на репетиции в оркестре, Витька у мамы... Блинчиков с медом хотите? Вижу, что хотите, пошли, пошли. Только жарить будем вместе.

Толик предупредил Гая, что вернется поздно и что «пустить впечатлительный ребенок не изводится, а спокойно дрыхнет».

— На здоровье, — согласился счастливый Гай. — Гуляй хоть до утра. Только не связывайся больше с хулиганами.

— Это пусть они со мной не связываются...

— Привет АLINE Михеевне, — сказал Гай и слегка покривил душой: — Она мне очень понравилась.

На самом деле он не знал, понравилась ли ему невеста Толика. Что тут скажешь, если и разглядеть-то не сумел как следует? Впрочем, Толику виднее...

Вечером Гай не тревожился, но и не спал. Дождался, когда Толик вернулся.

— Что не спишь?

— Думаю, — сказал Гай.

— О чем, не секрет?

— Так, обо всем... Толик, а почему ты считаешь, что это не может быть бюст Алабышева?

— А почему — его? Во-первых, в Севастополе были тысячи героев...

— Ну, а вдруг все-таки?

— ...А во-вторых, Алабышев, скорее всего, вымышленный герой. Курганов его просто придумал.

— Значит, ничего не было? — огорчился Гай.

— Чего «не было»?

— Ну... как он ребят спас...

Толик сел на край скрипучей раскладушки Гая.

— Такое-то как раз было. И люди вроде Алабышева были. На гранаты кидались, ребяташек прикрывали и товарищей своих... Я когда в первом классе учился, в соседней школе был случай. На уроке военного дела граната оказалась не учебная, а боевая. И военрук, фронтовик-инвалид, тоже грудью на нее. Ребята кругом были...

Гаю стало зябко, и он сказал с непонятной виноватостью:

— Это, наверное, не всякий может. Только герой...

— Наверно, — сказал Толик...

— Даже представить нельзя, что человек думает, когда вот так... последние секунды...

— Этого никто не знает, — сумрачно сказал Толик. — С кем такое случается, тот потом не расскажет... И вообще, спал бы ты. Что за мысли на ночь...

— Это потому, что мы сегодня с Асей были, где снежный бастион стоял...

— Нагулялся за день-то? Небось ноги отваливаются?

— Ага... Даже пятку натер. Вот... — Гай выставил из-под простыни ногу.

— Ну-ка покажи. Может, пластырем залепить? Дай, гляну...

— Ай! — Гай спрятал ногу. — Щекотно же будет!

— Какая зануда, — сказал Толик.

Ветер

Ася дала Гаю потрепанный, но прочный портфель. А про учебники снова сказала: «Хватит нам с тобой моих». Гай купил в «Детском мире» у рынка десяток тетрадей и дневник. Погладил старенький пионерский галстук (он его прихватил в поездку на всякий случай). На этом и кончилась подготовка к школе.

В классе Гая встретили без особого любопытства, но по-хорошему. Председатель совета отряда Костик Блинов сказал:

— Жалко, что ты к нам ненадолго. В классе у женской половины перевес, нас затюкали совсем...

Девчонки с радостными воплями погнались за Костиком по партам и слегка поколотили в углу. Двое мальчишек выхватили из сумок пистолеты-брызгалки и атаковали девчонок с тыла.

— И в этом сумасшедшем доме я староста,— сказала Гаю Ася.— Ну-ка, тихо вы...

Ощущение веселья не покидало Гая с первого школьного часа. Во всем было такое беззаботно-праздничное настроение, что школа даже казалась ненастоящей. Мельтешило солнце, врываясь в распахнутые окна сквозь листву каштанов; задиристо трезвонил колокольчик, вызывая всех на перемену; уроки казались короткими, а перемены с беготней во дворе, с переброской мячами, с лазаньем по каштанам — длиннее уроков. Радостная пестрота была в смехе и перекличке, в топоте по аллеям и коридорным половикам, в мелькании разноцветных рубашек... Кое-кто из мальчишек пришел и в форме, но форма эта оказалась совсем не похожей на суконные серые костюмы, к которым привык в Среднекамске Гай. Она лишь добавила зеленовато-голубые блики в красочную круговерть первого школьного дня...

В этой круговерти Гай не сразу вспомнил о Пулеметчике. И лишь после четвертого урока прошелся у дверей пятого «Б». Потом заглянул в класс.

Он увидел и узнал Сержика, но не сразу. Пятиклассник Снежко мало походил на Пулеметчика в Херсонесе. И не в этом дело, что оказался Сержик аккуратно подстрижен и не было на нем пыли и ржавчины. Главное, что не было кинжальной ошестинности, которая больше всего запомнилась Гаю.

Но смелость в этом мальчишке ощущалась по-прежнему. Этакая веселая независимость. Он стоял в кругу ребят и что-то рассказывал им и молодой учительнице (волосы ее сияли в потоке солнца). Сине-зеленый форменный пиджак был надет на Сержике, как гусарский ментик: левый рукав — на руке, правое плечо — внакидку. Правой ладонью Сержик чертил в воздухе какие-то знаки. И смеялся. И ребята смеялись, и учительница.

На миг Сержик встретился глазами с Гаем. Не узнал, конечно. А Гай почему-то испугался. Будто его поймали на подглядывании. Быстро шагнул от порога. Но издали он успел заметить в открытую дверь, как все вдруг расхохотались, а учительница — высокая, гибкая — взъерошила Сержику волосы, схватила его под мышки и сильно закружила по воздуху. Сержик тоже хохотал, стриг воздух похожими на коричневые карандаши ногами, а сорванный с плеча пиджачок летел за ним, как флаг...

Было понятно, что Сержика Снежко здесь любят за ясность характера, за веселость и смелость, хотя ростом он, кажется, меньше всех в классе — щуплый,

тонко-угловатый, похожий на третьеклассника... И Гай не решился подойти. Показалось, что пятиклассники глянют ревниво и недовольно: «Что тебе надо от нашего Сержика?»

Можно было, конечно, забежать после школы к Сержику домой. Но тогда могло случиться, что Ася захотела бы пойти с Гаем. А ему надо было поговорить с Пулеметчиком один на один...

«Успеется,— успокоил себя Гай.— Не последний же день». Он хитрил с собой. Во-первых, не хотелось терять оставшуюся капелюшку надежды, что бюст как-то связан с повестью Курганова (а то, что надежда рассыплется при разговоре, Гай отчетливо понимал). Во-вторых, будущий разговор о гранате тоже беспоконил. Казалось бы, чего тревожиться? Сержик обрадуется, еще спасибо скажет... Но когда Гай думал об этом, опять начинала кататься в душе черная дробинка.

«Ладно, завтра»,— сказал себе Гай.

Но завтра оказалось, что у шестиклассников пять уроков, а у пятого «Б» всего три, и Сержик Снежко ушел из школы рано.

А третьего числа было воскресенье. И Гай — с Толиком, Алиной и Ревским — поехал в Ялту. На «Комете» с подводными крыльями.

Поездка Гаю не понравилась. «Комета» ехала по морю, как автобус, это быстро надоело. Ялта с курортной суетой и переполненными пляжами оказалась утомительной и скучной. Стоило ли уезжать из прекрасного Севастополя ради бесцельного болтанья по забитым людьми улицам, кафе и магазинам?

Хотели сходить в дом Чехова, но он оказался закрыт.

Толик, Алина и Ревский болтали о своих делах, вспоминали детство, а Гай томился. Нет, он не вредничал и не ворчал, но в нем нарастало раздражение...

В Севастополь Гай вернулся будто домой из дальней поездки. По-родному светились окна Артиллерийской слободки. Радостно трещали цикады...

При прощании Ревский сказал:

— Приношу свои извинения за беспокойство, князь, но завтра вам надлежит быть на судне. Долг зовет вас под флаги «Фелицаты». В два часа жду вас на причале...

И опять не оказалось времени на встречу с Сержиком.

На «Крузенштерне» Гая встретили шумными приветствиями, хлопаньем по плечу и упреками, что «забыл своих коллег по пиратскому ремеслу». Гай весело отбивался: я, мол, не только пират, но и ученик, сейчас даже для джентельменов удача обязательное восьмилетнее образование...

Прикинули, на каких вантах и на какой высоте будет, стоять Гай во время съемки. Карбенеv решил, что оператора придется «вынести» за борт — на специальной стреле. Игорь Васильевич сказал, что для финальных кадров драная полосатая фуфайка Гая не годится. Финал — праздничный: «Фелицата» подходит к заветному острову, поэтому вся команда принаряжена. Значит, и юнге оставаться оборванцем негоже. Костюмерша Настя сняла с Гая мерку и уже через час прикинула на него сметанную блузу из алого атласа. Широкою, легкую, с летучим квадратным воротником, похожим на белый с голубыми полосками флаг.

— Но стрисься — ни-ни, — сказал Игорь Васильевич. — Волосы твои должны живописно разлетаться на ветру.

— Пускай разлетаются, — вздохнул Гай. — Хотя сегодня дежурные уже два раза придирались.

— Терпи, — сказал Ревский. — Не так уж долго тебе осталось подрывать основы педагогики. Съемка через четыре дня...

— Ура! — подскокил Гай.

— Если не испортится погода, — вставил «пират» Витя Храпченко. — Чегой-то задувает, братцы. А?

И правда, с моря дул не ветерок — ветер. Когда шли на «Крузенштерн», портовый катер ошутимо болтало, и он не сразу ошвартовался у трапа. А на обратном пути встречная волна «дала прикурить», как выразился Витя Храпченко. Катер то зарывался по палубу, то взлетал носом на гребни. Брызги летели над палубой и рубкой от форштевня до кормы. Все укрылись внизу, но Гай то и дело высывался из маленького люка впереди рубки то по пояс, а то и по колени. Несмотря на ветер, небо оставалось ясным и

крылья взлетающей пены были просвечены янтарными и оранжевыми вспышками...

Чем ближе к городу, тем сильнее делались волны. Оглядываясь, Гай видел вверху, за мокрыми стеклами рубки, молодое скуластое лицо капитана. Скулы были напряжены. Но Гай не ощущал никакой тревоги. Только восторг.

Наконец качнуло так, что он не удержался и загремел вниз, ободрав ногу на окованной ступеньке трапа.

— Сударь, вы доигрались, — сказал Ревский.

— Пфе... — ответил Гай и опять рванулся наверх.

— Куда ты! И так мокрый насквозь! — Ревский схватил его за щиколотку. Гай заорал, испугавшись щекотки. Ревский с перепугу отпустил его. Гай высунулся, подставил под брызги руки, мокрой ладонью стер с ноги кровь и вцепился в комингс люка — навстречу летел такой пенный гребень! Хлестко ударило в лицо, солью наполнило рот. Гай отплеивался и хохотал.

Его стянули вниз, капитан спохватился и велел

задрать люк. Гай смеялся и отлеплял от живота мокрую рубашку.

— Передай Толику, что я просил его применить к тебе педагогические санкции,— сказал Ревский.— Искренне сочувствую дядюшке такого племянника. Гай весело сопел...

Утром ветер продувал город насквозь и устраивал на улицах веселую кутерьму. Летели с платанов и акаций листья. Сыпались на головы прохожих и лопались спелые каштаны. Словно узкие марсели клиперов, надвались натянутые поперек улиц лозунги: «Севастопольцы! Городу нужны ваши руки, ваши сердца, ваши улыбки!», «Город и флот! Пятидесятилетию Октября — наш ударный труд!» Лозунги были написаны голубыми буквами на серой, как суровая парусина, материи.

На улице и площадке перед школой кружилась разноцветная метель. Это носилась по асфальту пестрая октябрятская малышня в трепещущих рубашках, летели с голов белые, голубые и алые испанки, реяли галстуки. У кого-то вырвалась и, как перепуганная курица, умчалась по воздуху тетрадь... И все это вперемешку с летящими листьями и проблесками солнца. Солнце среди рваных и очень быстрых облаков — серых и белых — словно махало желтыми крыльями...

Было похоже, что ветер растрепал и школьный распорядок. По крайней мере, Гай и Ася услышали от дежурной учительницы, что сегодня и завтра шестиклассники будут учиться со второй смены. «Из-за сложностей с расписанием».

— Ну и ладно,— обрадовалась Ася.— У нас с мамой дел всяких по хозяйству... Надо комнату белить. Сейчас и займемся.

— Может, мне вам помочь? — нерешительно предложил Гай.

— Ну да! Тебя там и не хватало...

— Тогда скажи Толику, что я погуляю до школы. В Музей флота еще раз схожу...

— Только не суйся к воде.

— Я что, из ума выжил?

Даже вот здесь, у школы, был слышен штормовой прибор.

...Но все же он сунулся к воде. Обошел Артиллерийскую бухту и через Хрустальный мыс, по слоистым уступам песчаника, мимо строящегося наверху похожего на корабль здания спустился к наветренным скалам.

Ух, что тут делалось! Гай, наверно, два часа смотрел, как вздымается море у желтых обвалившихся глыб, как встают многоэтажные стены из пены и брызг. Когда стены падали, видно было зеленоватосизое пространство, по которому шли от горизонта неторопливые валы с белыми гребнями, и Константиновский мыс, где прибор штормовал старинную крепость. А потом опять вырастали пенные взрывы... Редкие травинки прижимались к камням.

Гай наконец продрог от ветра и брызг. Но пока он шагал к Музею флота, взмахи солнечных крыльев согрели его, а ветер высушил рубашку и волосы.

«Ну и пусть шторм! — весело думал Гай.— Ну и пусть задержится съемка! Куда спешить-то?»

Потом он долго и неторопливо ходил по прохладным залам музея с моделями фрегат и крейсеров, с портретами адмиралов и картинами сражений. На-

конец он в витрине с оружием последней войны, среди касок, автоматов с круглыми магазинами и пулеметных лент увидел несколько гранат-лимонок.

И тревожно насупился.

И со злостью на себя подумал, что хватит уже тянуть резину и себе самому портить настроение. Все так хорошо в жизни, и лишь чертова граната — как болячка на душе.

«А сегодня Сержика опять не встречу,— с досадой понял Гай.— Из-за этой дурацкой второй смены...»

Когда Гай вернулся к школе, уже тренькал колокольчик. Дежурная учительница — худая, остроноса и, видимо, всем недовольная, кричала с порога, чтобы торопились, а не плелись.

Заторопился и Гай. Но учительница ухватила его за рукав:

— А для тебя школьные порядки не существуют?

— А... чего? — растерялся Гай.

— А «того». Космы твои! Не знаешь распоряжения?

— Да я же с киносъемки! Спросите хоть кого! Я...

— А мне хоть из-за границы! Здесь школа, а не кино!

— Но как же сниматься-то? Да все уже в школе знают...

— А я не знаю! Фамилия? Класс?

— Пожалуйста! Гаймуратов, шестой «А»... Ну, я же...

— Он еще и «пожалуйста»! Марш в парикмахерскую, а потом пойдешь к директору! Вместе с родителями.

— Да где я их возьму вам, родителей? — не выдержал Гай.

— Ты мне еще погруби! — Она уже не слушала, держала за воротник какого-то несчастного второклассника.

Гай вытянул шею, надеясь разглядеть в вестибюле знакомых ребят или Марину Викторовну.

— Ты еще здесь?

— Ну и на здоровье! — сказал Гай. Ушел и сел на скамейку против школьного крыльца. По темени стукнул его колючий каштан. Это рассмешило Гая, и он подумал, что злиться не стоит.

Все равно все было хорошо: и город, и «Круженштерн», и школа. И не станет белый свет хуже оттого, что встретилась одна... такая вот... Ей же потом Марина Викторовна нахлобучку даст за бестолковость, когда узнает про этот случай...

Гай решил дожидаться перемены. Может быть, тогда он сумеет проскочить в школу или через ребят передаст Марине Викторовне «СОС». Он сидел, потирая вчерашнюю «штормовую» ссадину и шурясь на проблески солнца. Школьная дверь скрипуче запела, приоткрылась, выпустила на ступени стайку мальчишек. И среди них был Сержик.

Гай заволновался, будто должно было случиться что-то тревожное.

А что? Ну, пойдет сейчас пятиклассник Снежко с приятелями от школы, ребята один за другим начнут отставать, сворачивать к своим улицам, подъездам и калиткам. Наконец Сержик окажется один, и Гай окликнет его...

Сержик остался один даже раньше, чем рассчиты-

вал Гай. Мальчишки дошли вместе до угла и весело разбежались кто куда. Сержик зашагал сам по себе. Но не домой. Он свернул к Артиллерийской бухте и двинулся по набережной.

Даже здесь, в бухте, защищенной от моря высоким Хрустальным мысом, волны разгулялись вовсю. Пена и брызги летели на ракушечные плиты. Сержик то подходил к самому краю, то отскакивал, увидев крупный гребень. И, кажется, смеялся. Его расстегнутый пиджачок трепыхался на ветру, а волосы вставали торчком.

Гай шел шагах в двадцати.

Теперь никто не мешал окликнуть Сержика, но Гай ощущал боязливую неуверенность. Робость перед щуплым независимым мальчишкой. И злился на себя.

Бухта кончилась, мыс перестал прикрывать набережную от идущих с моря волн. Пришлось подняться на бульвар. Там прошагали они еще минут пять. Потом, пройдя мимо театра, Сержик остановился у каменной баллюстрады, рядом с лестницей. Лестница вела на площадку, что лежала между высокой на-

бережной и морем. Даже не площадку, а площадь — широкую, выложенную плитами.

По плитам скакала мокрая веселая малышня. Пятеро мальчишек — по виду первоклассники. Они побросали у гранитного отвеса набережной ранцы и обувь и дразнили штормовой приборой. В секунды затихья подбирались к самому краю площадки и ждали, когда с гулким ударом встанут над плитами многометровые водяные взрывы. И приборой вставал. Великанские гребни замирали на секунду и рушились на площадку могучей тяжестью зеленой воды, сокрушительным градом брызг. Мальчишки радостно верещали и удирали из-под водопадов. А вода, грянувшись на плиты, бурлила и устремлялась назад к морю. Заливала бесшабашным пацаньям ноги по колени, старалась утянуть мальчишек с собой...

«А ведь и утянет!» — вдруг понял Гай. Потому что увидел, как один из ребят еще устоял в бурлящем потоке, а второй сел на корточки, цепляясь за щель между плитами — вода накрыла его по плечи. Пойти да разогнать, что ли?

Сержик в этот миг что-то звонко, но неразборчиво

крикнул. Его не услышали. Трое мальчишек вели вымокшего приятеля подальше от волн, к стене. Он вздрагивал и что-то весело говорил... Сержик вдруг метнулся вниз по лестнице! Потом по плитам. Куда? И Гай увидел, что пятый мальчишка в беде.

На площадке был желоб водостока. Сперва почти незаметный, он ближе к морю углублялся, а у самого края нырнул под плиту. За эту плиту сейчас и цеплялся светлоголовый пацаненок. Шумная вода утянула его под каменный козырек почти по грудь. И затягивала дальше. Мальчишка беспомощно дергался. Застрял.

Новый удар прибоя потрянул берег, и опять обрушились каскады, бурлящая вода накрыла мальчишку до ушей. Но, кажется, он засел в желобе прочно, и это на сей раз спасло его.

А в следующую секунду его спас Сержик Снежко. Пулеметчик.

Он рванул мальчишку за плечи, оттащил вверх по желобу, рывком поставил на ноги. Прибой снова обрушился и раскатился по площадке. Сержик прижал мальчишку к себе. Вода закрутила у их ног шумные водовороты и сошла. Сержик оторвал от себя перепуганного малыша, дал ему подзатыльник и отвесил пинка — такого, что от мокрых штанов разлетелись брызги.

...И все это случилось быстро. И все это Гай видел, когда отчаянно мчался сперва вдоль балюстрады, потом по ступеням. А когда прыгнул на плиты, помощь его была не нужна.

Сержик посмотрел на Гая, улыбнулся и сказал виновато:

— Я его не сильно. Просто, чтоб в себя пришел...

— Это что вы здесь делаете, а? Кто разрешил?! — Грозный голос донесся с лестницы, и Гай увидел молодого милиционера. Тот скачками спускался по ступеням. Его белая рубашка была обтянута ветром, ремешок фуражки охватывал подбородок.

— Что за игра?! Жить надоело?!

Мальчишки подхватили свои ранцы, носки и сандалетки и дунули вдоль гранитного отвеса к другой лестнице.

— А ну, стойте!

Ага, такие дурни они, что ли? Спасенный из водостока пацаненок улепетывал впереди остальных.

Старшина милиции подступил к Сержику и Гаю:

— Ну, они-то несмышлениши! А вы? Мозги имеются? Или баловство дороже головы?

Вода шипучим языком издали подползла к их ногам. Милиционер переступил начищенными ботинками. Сделал вдох, чтобы продолжить воспитательную речь. Гай сказал, кивнув на Сержика:

— Он человека спас, а вы кричите.

— Разговорчики... Кто кого спас?

— Вот он... Вон отсюда вытащил маленького. Его чуть в море не стащило...

— Сперва лезте черту в зубы, а потом спасаете, — буркнул милиционер. — Кто вас сюда звал?

— Он, по-вашему, тоже баловался? — обиженно сказал Гай. Подбородком показал на промокшие вельветовые полуботинки Сержика. — Кто же обутий нарочно по воде бегает?

Старшина недоверчиво глянул на Сержика и растегнул сумку. Достал блокнот.

— А тех оборотов как зовут? Вот сообщим родителям, чтобы взрели...

— Я откуда знаю? — усмехнулся Сержик,

— Понятно. Сам помирай, а товарища не выдавай... А если товарищи голову сложат по своей дурасти?

Сержик бесстрашно пожал плечами.

— Уже не сложат, удрали... Если бы я знал, я, конечно, все равно не сказал бы. Но я, правда, не знаю.

— Какой герой! Отведу в отделение, там все скажешь.

— Что, по-вашему, мы должны всех мальчишек в городе знать? — огрызнулся Гай. Он хотел часть милиционерского гнева отвести на себя.

Но гнева уже не было. Старшина проворчал:

— Вам игрушка, а другие за вас отвечай потом.

— А зачем вам за нас отвечать? — спросил Сержик.

— А затем, что я на посту.

Сержик поднял глаза — насмешливые и дерзкие:

— Правда? А почему вы тогда не здесь, а все около нашей школы ходите? Особенно, когда учительница физкультуры во дворе урок ведет? Все ребята заметили...

Старшина помигал и спросил казенным голосом:

— Фамилия?

— Учительницы?

— Тво-я.

— Снежко Сергей, пятый «Б», сорок четвертая школа.

— Гаймуратов Михаил, — сказал Гай с веселым страхом. — Шестой «А».

Старшина записал. Сержик объяснил ему:

— За то, что мы какого-то первоклассника из водослива вытащили, нам двойки за поведение не поставят.

— Это он вытащил, — сказал Гай.

— То, что вытащил, дело особое. А вот то, что грубишь старшему, который к тому же при исполнении, доложу вашему директору.

— А как я грубил, тоже доложите? — поинтересовался Сержик.

Старшина спрятал блокнот и вздохнул:

— Не буду я докладывать. Я тебе просто уши изкручу.

— А вот это нельзя, — серьезно сказал Сержик. — Вам от начальства попадет. За нарушение закона. «При исполнении»...

— Начальство не поверит. Я у него на хорошем счету.

— А я свидетель, — сказал Гай.

— А ты помолчи, лохматый. А то накручу обоим. Будет два пострадавших и ни одного свидетеля. Тогда доказывайте.

Сержик отпрыгнул, как кузнечик. Засмеялся:

— Двоих еще поймать надо.

— Катитесь отсюда, — печально сказал милиционер.

Сержик и Гай пошли вверх по лестнице.

— Стойте! — окликнул милиционер. Они оглянулись. Старшина деловито спросил: — В порядке уточнения. У той учительницы физкультуры как имя-отчество?

— Нина Андреевна, — вежливо разъяснил Сержик. — Очень хорошая... учительница. Но она замужем, товарищ старшина.

Милиционер поправил фуражку и быстрыми шагами двинулся к лестнице. Сержик подхватил у балюстрады свой портфель, и они с Гаем помчались по аллее. Оглядываясь и хохоча...

«Пусть лежит...»

Бежали, пока не запыхались. Потом сели на скамейку позади длинного пластмассового киоска. Киоск заслонил их от ветра, в окруженном кустами закутке было тепло и тихо.

Гай спросил (просто так, чтобы затеять разговор):

— А этот старшина правда пасется у школы?

— Я его три раза видел. И ребята говорят...— Сержик сбросил раскисшие башмаки и, кряхтя, стягивал тугие мокрые гольфы. Словно кожу сдирал: гольфы были одного цвета с загорелыми ногами Пулеметчика.

— А что, если он накапает на нас в школе? — сказал Гай и сразу испугался: вдруг Сержик решит, что он боится?

— Не накапает...— выдохнул Сержик, выкручивая гольфы.— Что он, совсем глупый? Ему же и попадет, что не был на посту.

Гай торопливо объяснил:

— Мне-то все равно, я скоро уеду. А вот тебе...

Сержик удивленно глянул на Гая. Видно, подумал: что за странный мальчик? Зачем увязался следом? Чего хочет?

Гай опустил глаза.

— Ты меня, наверно, забыл. Мы один раз вместе играли. Когда ты был пулеметчик...

Сержик мигнул... Улыбнулся... Вспомнил:

— А, ты на пулемет с гранатами лез! А потом пропал куда-то. А тут эти с арканом... Я тогда так разозлился!

«Я помню»,— подумал Гай.

— Так обидно стало,— выдохнул Пулеметчик.— Если бы гранатами закидали, тогда еще понятно. А то веревка... Хорошо, что у меня была граната.— Он с веселым недоумением взглянул на Гая.— Куда она потом подевалась? Пропала, будто по правде взорвалась — на мелкие пылинки...

Гай тихо сказал:

— Если бы по правде, тогда никого бы из нас не было.

— Ну да...— Сержик понимающе кивнул.— Знаешь, я как-то даже испугался. На одну секунду...

— Чего... испугался? — осторожно спросил Гай.

— Ну...— Сержик смотрел доверчиво. Может, видел в Гае товарища по суровой игре, который его поймет. Может, вообще был у Сержика Снежка такой вот открытый характер.— Я так разозлился, что взяла хитростью... Показалось, будто в самом деле на войне. Как-то дерну кольцо... А потом уж смотрю — это же наши ребята кругом.

«Значит, если бы не ребята, а враги, ты бы и правда дернул? Настоящую?» — едва не спросил Гай. Но не решился.

Да и чего было спрашивать? Он вспомнил тот кинжальный взгляд Пулеметчика. А сегодня! Риск там, у водостока, был, может, и не смертельный, но и не шуточный...

Сержик тоже вспомнил спасенного малыша и его приятелей.

— До чего бестолковые... Сушись теперь из-за них. Если с мокрыми ногами приду, бабка сразу в оборот возьмет...

— За что? Ты же человека спас!.. Ты объясни!

— Ага, будет она слушать! Сразу за шиворот и получи-чай, милый внучек...— Сержик хлопнул мокрыми гольфами по скамейке и засмеялся: — Знаешь, какая решительная бабушка...

— Баба Ксана? Я думал, она прабабушка.

Сержик очень удивился:

— Ты ее знаешь?

— Я...— смешался Гай.— Случайно. То есть не случайно, но... В общем, я когда с ней познакомился, я не знал, что ты ее внук... или правнук. Мне уж потом Ася Новицкая сказала.

Сержик молчал и смотрел вопросительно. Гай объяснил:

— Про бабу Ксану мне тоже Ася сказала. Потому что мы про бюст заговорили. Ну, про тот деревянный портрет офицера, что у нее стоит. Знаешь?

— Знаю, конечно...— Сержик по-прежнему смотрел недоуменно. И, кажется, слегка насторожился. Может, решил, как и баба Ксана, что речь пойдет о музее? — А чего он тебе, этот бюст?..

— Да он как раз не «этот»,— вздохнул Гай.— Я думал, что он с «Надежды», которой Крузенштерн командовал... Это давняя история, про одного лейтенанта и его бюст... Я подумал: а вдруг это тот самый? А баба Ксана говорит, что нет. Что это какой-то Севастопольский герой... И что его друг ее сына вырезал...

— Ну да,— сказал Сержик, словно спрашивал: «Что здесь удивительного?»

— А кто этот офицер? Не знаешь?

— Знаю, конечно. Лев Толстой.

Гай изумленно заморгал. Сержик засмеялся:

— Это не тогда Лев Толстой, когда он с бородой, старый, а раньше. Когда он здесь на бастионах воевал. Ты, что ли, не слышал про это?

Гай, конечно, слышал и читал. И памятник Толстому видел на Четвертом бастионе — черный камень с белым барельефом. И сейчас понял, что барельеф и бюст похожи. И еще вспомнил портрет молодого Толстого в книге «Севастопольские рассказы». Возможно было бы сразу догадаться...

«Или что? Ты все-таки надеялся, что это по правде Алабышев?» — с хмурым ехидством спросил себя Гай.

Сержик сказал, словно извиняясь:

— Вообще-то сходство там, наверно, не очень хорошее. Не художник ведь делал.

— Нет, хорошее. Теперь я понял,— вздохнул Гай.— Просто до этого я о другом думал... А баба Ксана почему не знает, что это Лев Толстой?

— Ей говорили, да она не помнит. Старая ведь уже... А потом и говорить не стали. Пусть думает, что Гриша...

«Конечно, пусть...» — мысленно согласился Гай. И сказал:

— А она мне совсем не показалась злой... баба Ксана... Наоборот...

Сержик тихо улыбнулся:

— А она и есть наоборот. Просто она притворяется сердитой. Чтобы судьбу обмануть.

— Зачем?

Сержик опять глянул доверчиво.

— Ну, понимаешь, она же суеверная. Потому что возраст... Ей кажется, будто за ней кто-то невидимый следит, навредить хочет. И если она кого-то сильно полюбит, этот невидимка может тому человеку зло сделать... Или совсем погубить, как Гришу.

— Кто? Бог, что ли? — смущенно спросил Гай.

— Да нет. Она говорит, что бог-то как раз добрый... Пока церковь на Большой Морской работала, она туда каждую неделю ходила. А сейчас в другую ходит, на кладбище... Но она говорит, что бог не может каждого от злой судьбы защитить, людей-то вон сколько... Вот она и притворяется, чтобы горе отвести. Чуть что — сразу меня венником или рушником: «Ах ты злодий, я ж тебя зараз!» — Сержик засмеялся, но сразу замолчал и вдруг сказал полупрошептом: — А если думает, что сплю, сядет рядом и волосы мой трогает. Шепчет что-то... Мне тогда ее жалко...

Гай робко кивнул: «Понимаю...»

Сержик негромко проговорил:

— Что прабабушка, что бабушка, не все ли равно? Отец ее мамой зовет, хотя на самом деле внук. Она его вырастила...

— Ага, она говорила...

Разговор угас на печальной ноте, и Сержик, видимо, ощутил неловкость. Встряхнулся, сказал вселю:

— А иногда она и в самом деле так рассердится, что ой-ей! Тогда из-за гранаты на меня вон как напустилась: «Чтоб тебя с этой страхилатиной поганой дома не было!» Я и пошел куда глаза глядят... Аську встретил — и с ней в Херсонес: она к деду, а я так... А там Руслан, мы с ним раньше вместе учились...

— Рыжий такой?

— Да... Говорит: «Играть с нами будешь? Иди в засаду». Граната сперва в сумке у Аськи была, потом я ее с собой в укрытие взял, незаметно... А потом она — фью! — бабе Ксане на радость... И куда провалилась? — Сержик забавно развел руками.

Вот и настал наконец этот момент. Гай коротко вздохнул и сказал решительно:

— Я знаю, где твоя граната.

Сержик удивился. Так же, как в тот раз, когда услышал о «прабабушке». Смешно замигал, рот округлился.

— Ее не там искали, — сказал Гай. — Она попала под большой камень, там такая яма, вроде норы... Выше по склону...

— А сейчас она где?

— Наверно, и сейчас там. Куда она денется? — хмуро сказал Гай. — Там незаметно...

— А почему ты не достал?

— Ну, а куда я с ней?.. Я ее не сразу нашел, ребята уже не было... А больше я туда не ездил, закрылся...

Сержик рассеянно кивнул.

Гай виновато проговорил:

— Я тебя потом искал, чтобы сказать. А ты уехал.

Сержик ничего не ответил. В его молчании Гаю почудилось недоверие. Гай предложил торопливо:

— Давай съездим, я покажу, где она... Или сам привезу, если хочешь.

Сержик с сопеньем натягивал подсохшие гольфы. И вдруг сказал:

— Да ну ее... Пусть лежит.

— Как? — удивился и не поверил Гай.

— Да ну ее... Это сперва с ней интересно, а потом не знаешь, что делать.

— Как что... Играть, — неуверенно сказал Гай.

Сержик мотнул головой.

— С ней трудно играет. Она почти настоящая. У всех оружие деревянное, а она такая... все только на нее и смотрят. Получается, будто ты сильнее всех, если такая граната...

Он сказал то, что Гай чувствовал еще в Херсонесе. Но Гай тогда и подумать не мог, что у Пулеметчика такие же мысли.

Сержик нехотя объяснил:

— Если настоящая война, там все настоящее. А если игра, все должно быть игрушечное, а то нечестно...

— Значит, тебе ее совсем не надо? — недоверчиво спросил Гай.

— Пусть лежит... Бабе Ксане спокойнее... А если хочешь, бери ее себе!

— Нет! — быстро сказал Гай.

Сержик не удивился.

— Ну, нет так нет. — И повторил: — Пусть лежит...

— Но ты же говорил, что это подарок, — напомнил Гай.

— Ну и что? Это такой подарок... просто довесок. Андрей мне вообще-то самострел подарил с резиной, а про нее сказал: «Ладно, забирай и ее заодно, если надо...»

Сержик обулся, встал, весело потопал.

— Сырые еще. Ладно, сойдет...

«Вот и все», — сказал себе Гай. Глупая история с гранатой кончилась.

Но облегчения Гай не почувствовал. Черная дробица по-прежнему шевелилась в нем. И Гай знал, почему.

Этому городу, морю, «Крузенштерну» — всему, что было вокруг — нужен был другой Гай. Острову капитана Гаю нужен был другой Гай. И самому Гаю нужен был другой Гай. Честный до конца.

А если есть в душе хоть капля обмана, так и будешь смотреть на всех с тайной опаской, со скрытой виноватостью. И остров будет исчезать или тонуть за горизонтом раньше, чем к нему подплывешь.

«Но не все ли теперь равно? Ведь главное-то я сказал!» — огрызнулся на себя Гай.

— Ты где живешь? — спросил Сержик.

— Рядом с Асей...

— Я и не знал. Тогда пошли? Нам по пути.

— Мне в школу надо...

Гай скромно рассказал о стычке с учительницей, а заодно и почему нельзя стричься, и откуда он приехал; и что сейчас надо попасть в школу, потому что Ася, наверно, беспокоится: куда он девался? И два ее учебника у него в портфеле...

— Вот это да... — выдохнул Сержик. — Значит, мы тебя в кино увидим?

— Ну... наверно. Если получится.

— Жалко, — вдруг сказал он.

— Что жалко? — испуганно спросил Гай.

— Да я не про кино. Жалко, что скоро уедешь. — Сержик посмотрел на Гаю ясно и улыбочиво.

И тогда, словно шагая с высокого берега, Гай сказал:

— Сержик, ты меня прости...

Глаза у Сержика сделались большими от изумления.

— Я наврал, что случайно нашел гранату, — выдал Гай, глядя в землю и глотая стыд, как горячий кисель. — Я сразу видел, куда она упала... Я ду-

мал: никто не знает, ну и я... в общем, думал: возьму себе потом...

Гай понимал, какой он сейчас жалкий, растрепанный, красный, несмотря на загар. Чувствовал себя пришибленным и маленьким перед пятиклассником Сержиком, который ему чуть выше плеча, но у которого бесстрашная и чистая душа.

Ох как тошно... И все-таки вместе с этой мукой он испытывал облегчение. Словно разбил стекло в душевной комнате.

Гай заставил себя поднять глаза. Сержик смотрел растерянно. Так, словно это он, а не Гай виноват. И сказал скомканно:

— Да чего... Да хоть это с кем бывает. Я один раз тоже, когда моторчик у Андрея увидел... А после...— Он тряхнул головой, сделался спокойнее и строже, утешил Гая: — Не надо про нее... Ты же не взял.

Щеки у Гая все еще горели. Но вздохнул он так, словно вынырнул из глубины. Прошептал:

— Не взял, конечно... Это я сперва...

Сержик вдруг обрадованно взметнул ресницы:

— Послушай! Но раз тебе ее надо, то возьми! Все равно она там без дела валяется.

— Да нет же! Я тогда... ну, просто дурак был. Не надо мне ее сейчас.

Сейчас ему надо было другое: чтобы Сержик не застал обиды.

Однако Сержик теперь смотрел непонятно. И сказал нехотя:

— Не надо так не надо... Я пойду тогда... А ты тоже иди, второй урок уже, наверно, кончается.

Отчуждение прошло между ними, как тень пасмурного облака.

— Ага... Пока...— потерянно отозвался Гай.

И они разошлись.

Гай медленно шел к школе и нес в себе ощущение потери, нес свою печаль. И все-таки он ни о чем не жалел. Он знал, что похожая на крошечную гранату дробина больше не станет его тревожить.

И еще одно грело Гая. Легонько грело, как солнечный зайчик. Воспоминание, как он мчался на помощь Сержику к водостоку. Гай не успел, но это не его вина. Он ни одного мига не сдерживал себя, рвался изо всех сил. И если бы смыло Сержика или того пацаненка, он, Гай, ни секунды не думая, ринулся бы в прибой. Он знал это тогда и помнил теперь. И шаги его понемногу делались крепче...

...— Эй!

Гай не оглянулся. Мало ли кого окликают на улице.

Сзади нарастал частый топот.

— Подожди! Миша!.. Гаймуратов!

Сержик догонял его, трепеща своим летучим пиджачком.

Откуда он знает имя? Ах, да! Из разговора с милиционером...

Сержик остановился, часто дыша.

— Я... забыл спросить... У тебя сколько уроков?

— Да кто их знает! — поспешно сказал Гай.— Такое bestоловое расписание...

— А ты... может, придешь к нам вечером, а?

— Я? Ладно!.. Если надо... Если хочешь...

Ветер все шумел, гнал по стенам, по асфальту летучие солнечные лоскутья. Веселый такой ветер. Просто смеяться хотелось.

Сержик пнул подкатившийся под ногу каштан, и

они с Гаем смотрели, как колючий шарик прыгает по тротуару.

Потом Сержик посмотрел на Гая:

— Та история... про лейтенанта и про бюст... Я так ничего и не понял. Расскажешь?

Остров

Голос Карбенева:

— Внимание — камера!

Голос Ревского:

— Гай... давай!

Гай взлетает на планшир, прыгает на первую ступеньку вант. И пошел наверх! Легкий, радостный, дождавшийся своего часа...

Гай босиком. В башмаках с пряжками оказалось тяжело и неловко. А широкие планки вовсе и не режут ноги. Правда пришлось утром подставить гри-мерше тете Рае свои ступни для крема номер пять, но, взвизывая и обмирая от щекотки, Гай выдержал эту пытку. Ради искусства...

На двенадцатой ступеньке Гай остановился. Ветер дует ему в затылок и правую щеку, треплет и путает волосы, полощет алую голландку, закидывает на голову белый воротник.

Паруса — над Гаем и вокруг него. Всюду. Гром-адные. Золотисто-белые на солнце и голубые в тени. Туго и круто выгнутые, они кажутся твердыми, как фарфор: щелкни пальцем — и зазвенят.

Судно идет с креном на левый борт. Сзади и сбоку его пытаются догнать зеленовато-синие волны, кое-где на них вспыхивает пена. Волны не очень большие, стальную четырехмачтовую громаду им не раскачать. Но рассекая воду, гулкий стометровый корпус виндjamмера ровно вздрагивает и ощутимо звенит. Басовито-струнным гудением отзывается такелаж. Плетеная сталь вантовых тросов дрожит, как натянутые мышцы, и это напряженно-радостное дрожание передается Гаю...

С борта вынесена ажурная стрела крана с площадкой для оператора. У камеры сам Карбенев. Темно-синий выпуклый объектив издали нацелен на Гая.

— Гай, давай!

Держась за трос одной рукой, Гай вытягивается вперед (ух и ветер!). В синеве и солнце встают далекие желтые берега. На них — блестящие белых домов.

— Остров!

Гай оборачивается. Ветер откидывает назад волосы, хлопает воротником. И Гай кричит опять — тем, кто на палубе:

— Вижу остров!

...В море они ушли накануне, под вечер. Когда машина «Крузенштерна», постукивая машиной, выбралась за бонь, солнце уже скатывалось к горизонту. Слева тянулся изрезанный бухтами Гераклеийский берег. Издалека его желто-полосатые обрывы казались невысокими. Оранжевыми маячками вспыхивали от закатных лучей стекла. Медленно двигались красные огоньки Лукулльского створа. Если свернуть на них, когда они окажутся друг над другом, выйдешь прямо к центру Херсонеса... Но «Крузенштерн», конечно, никуда не сворачивал, шел в открытое море.

Закат разукрасил море разноцветными зигзагами. Носились темные чайки. Наступал «режим» — корот-

кое время ясных сумерек, в которых операторы снимают ночные сцены. Зашипели, засияли голубым светом юпитеры. Началась съемка сцены «Рассказ Битт-Боя». Лоцман Битт-Бой по прозвищу «Приносящий счастье» рассказывал морякам о далеком счастливом острове. Он взялся привести «Фелицату» к этому острову. И никто не знал — какой ценой! Никто пока не ведал, что Битт-Бой смертельно болен и самому ему на этом острове не жить...

В толпе матросов, окружавших Битт-Боя, снялся и Гай...

Когда почти стемнело, «Крузенштерн» ошвартовался у пятимильной бочки — громадной плавучей цистерны, поставленной на мертвый якорь в пяти милях от Херсонесского мыса. Курсанты шепотом поговаривали, что капитан нервничал: боялся, что в темноте бочку не отыщут и придется всю ночь лежать в дрейфе. Ну, ничего, нашли. Стали. «Крузенштерн» засветил якорные огни.

Молодой месяц («звонкий и рогатый») повис над

морем и отразился неяркой желтой цепочкой. Далекий Севастополь сквозь дымку светил переливчатыми огоньками — уличными, корабельными, маячными. Они дрожали на горизонте, как блески, как светлая пыль. А в южной части темного моря разгоралась, затухала и вспыхивала опять электрическая звезда Херсонесского маяка.

Включили магнитофон. Знакомая песня — «Опускается ночь все чернее и злей, но звезду в тучах выбрал секстан» — разнеслась из динамика над тихим морем. Хорошая песня, сурово-печальная и смелая. Гай ее запомнит навсегда. Но сейчас ночь была совсем не злобещая, звезды светили ясно и по-доброму. И, наверно, поэтому песня угасла, словно кто-то плавно повернул до ноля регулятор громкости.

Большая компания молодых актеров и курсантов собралась на корме. Светил фонарь. Иза взяла гитару. Кто-то попросил:

— Давай «Апрельскую»...

Иза тронула струны и запела задумчиво и чисто:

...А по Москве горят костры —
Сжигают старый мусор.
И дым плывет по пустырям
Такой же, как в лесу...
Я дом ищу, где он живет —
Мальчишка темнорусый.
Он не пришел — и я ношу
Тревогу на весу...

Песня была, наверно, хорошая, мотив красивый. Но Гай слушал с досадой: тут ночь в почти открытом море, палуба, дальний маяк, огни проходящего теплохода — и вдруг поют совсем не о том. Костры какие-то, улицы сухопутные, свидания...

А гитара неторопливо пересыпала звонкие аккорды, Иза пела:

Скатилось солнце за дома,
Поднялся месяц светлый —
Глядит на улицы с высот
Светло и озорно.
И вот мальчишка тот идет —
Спокоен он и весел,
Как будто в душу не ронял
Тревожное зерно.

Месяц и сейчас был такой — светлый и немного озорной. И это примирило Гая с песней. Слова про «тревожное зерно» напомнили ему о черной дробинке, но в напоминании не было упрека: Гай с облегчением еще раз подумал, что развязался с этой историей навсегда.

А последний куплет был совсем хороший:

И будет песенка его —
Как огонек в ладонях:
Про корабли, про острова,
Про синий блеск морей...
И летний запах костровой
По переулкам гонит
Врасплох застигнувший Москву
Безоблачный апрель...

Гай понял, что, когда он услышит эту песню снова, будет думать не о Москве, не об апреле и кострах, а вспомнит эту ночь и палубу «Крузенштерна». И мальчишка с огоньком в ладонях, с песенкой о синем блеске морей и островах показался ему похожим не то на Сержика, не то на Юрку Веденева, хотя Юрка и Сержик друг на друга несколько не были похожи... А слово «костровой» слышалось Гаю как «островной», хотя такого прилагательного в русском языке, кажется, нет.

...С этими мыслями Гай и пошел спать в курсантский кубрик — там нашли для него свободную койку.

Утро было без единого облачка. У курсантов начались учения. Боцманá кричали в мегафоны раскаты команды. Ребята умело разбегаются по вантам и реям. Гай, заломив назад голову, замороженно следил, как распускаются и обвисают тяжелыми складками паруса... Но складки были неподвижны. Карбев и Ревский нервничали. Однако второй штурман Бурцев сказал:

— Спокойствие, товарищи, к полудню задует. У нас все по графику.

В самом деле — после одиннадцати часов море взъерошилось, потянул ветер. И не с норд-веста, как ждали, а с зюйд-веста. Лучшего и желать было невозможно. Именно при этом ветре «Крузенштерн» мог идти курсом крутой бакштаг, лучшим для такого па-

русника, и так, чтобы и солнце оказалось с нужной стороны.

— Брасы и шкоты на левую! Отдать носовой!..

— Гай, давай!

Он снова дружинисто взлетает по вантам. В кино эпизод займет несколько секунд, но надо, чтобы эти секунды запомнились зрителям надолго. Чтобы на экране было все как можно лучше: и высвеченные солнцем ярусы парусины, и мальчишка с разметавшимися на ветру волосами. И радость этого мальчишки, первым заметившего долгожданную землю.

И Гай опять, вцепившись правой рукой в гудящий трос, левую выкидывает вперед:

— Остров! Вижу остров!

Он кричит это друзьям-морякам, себе, небу, морю, желтым берегам, которые вырастают из синевы, распахиваются, как крылья. Городу кричит, который встает над берегами!

Это и есть его остров! Не надо его придумывать! Оказалось, что он — на самом деле. Такой, о котором Гай мечтал: со скалистыми обрывами, старыми крепостями, запутанными улицами и лестницами, со старинными пушками на бастионах. С тайнами оборонительных башен и подземелий. С суровыми легендами о героях...

Он, этот остров, складывался в сознании Гая, как складывается постепенно из рассыпанных кубиков целая картина. И теперь — вот он, весь! И крик Гая — не для кино. Это его настоящая радость, его открытие:

— Остров! Вижу остров!

Берега все круче, город все ближе — сверкающий, радостный...

Нет, не только радостный. Справа тянется берег, где перемешаны с камнями и землей кровь и кости деда. Впереди, на дальнем склоне, различимы хатки и заборы Артиллерийской слободки, и в одном из домов живет баба Ксана, не дождавшаяся с войны сыновей... Сколько их было — тех, кто здесь полег... Сколько сейчас горя у тех, кто не дождался...

Но город все равно встает светлый, веселый, уверенный в своем праве на радость. И как стальное подтверждение этого права — синеют в глубине бухты эсминцы и крейсера с их ступенчатыми башнями, стволами и решетчатыми парусами локаторов...

Парусник мчится к входу на Северный рейд, и Гай летит над морем. Навстречу городу, навстречу своему Острову.

Навстречу друзьям,

...Они нырнули со скользких, обросших зеленою свай в Артбухте. Разом, втроем. Гай вынырнул первым. Почти сразу за ним — Ася. И лишь через полминуты — Сержик. Он помахал рукой с добычей — большой раковинной-рапаной.

На берегу Сержик ловко подрезал ножичком спайки моллюска, ударил зажатой в ладонях раковинной о колено и вытряхнул мякоть. Выдул из ракушки каплю. Прижал к уху:

— Шумит?.. Шумит. Бери, Гай.

— Не я же нашел, — смутился Гай.

— Искали-то вместе! Бери на память!

Потом нашли еще несколько рапан — в основном

Сержик, но и Гай нащупал на дне одну, маленькую. Но та, первая, от Сержика — дороже всех.

...Когда проводили Сержика до калитки и шли по улице Киянченко, Гай снова приложил большую раковину к уху. И вдруг спросил Асю:

— Ты тогда, в Херсонесе, когда я на дракончика наступил, случайно меня увидела? — И застеснялся, съезжил плечи.

Ася помолчала. Сказала шепотом:

— Нет...

Гай больше ничего спросить не посмел.

Ася проговорила с запинкой:

— Я еще там... наверху... Вижу: ты немножко не такой, как все... Мне интересно стало...

— Почему «не такой»?

— Ну, все бегают, гранату ищут, а ты стоишь задумчивый...

Гай стиснул раковину двумя ладонями. Сказал сипло:

— Ася... Я не задумчивый, а скотина был. Я с самого начала знал, где лежит граната. И молчал.

— Ну и правильно молчал.

— Нет, я не потому, что правильно. Я... в общем, я Сержику уже сказал про это... Я думал тогда: раз никто не знает, я ее потом... ну, пускай моей будет...

Он искоса глянул на Асю. Она шла, опустив голову.

— Я свинья, верно? — тихо сказал Гай.

— Не... — вздохнула Ася. — Вы, мальчишки, просто иногда какие-то глупые. Все запугаете и сами мучаетесь. И уж потом только: трах, трах!..

— Что «трах»? — стыдливо удивился Гай.

— Ну, как тот Сережка... Из книжки «Судьба барабанщика».

— А... при чем тут я-то? — испуганно изумился Гай. — Я же в шпионов не стрелял.

— Все равно... Ты мне сразу показался на него похожим.

— На Барабанщика? Ну, ты даешь...

Негромко, но строго Ася сказала:

— Ты меня спросил, я ответила. Честно. Не смейся...

— Я смеюсь, что ли... — пробормотал он.

— ...А потом я иду по берегу, вижу — ты сидишь, за ногу держишься...

— Ага, «сидишь», — усмехнулся Гай. — Катался и корчился... Если бы не ты, наверно, помер бы.

— Ну уж... — усмехнулась Ася.

Гай сказал:

— Так я и не собрался в Херсонес. А сейчас той компании, наверно, уже нет. Кто разъехался, кому просто некогда — уроки... Хотя бы Артура встретить.

...С Артуром он так и не встретился. Зато однажды они увидели «ушастого воробышка» Вовку.

Гай, Сержик и Ася шли по Матросскому бульвару. За памятником Казарскому — каменной пирамидой с бронзовым древнегреческим кораблем — аллея вела к фонтану. На краю круглого бассейна и сидел Вовка. Он смотрел на каменного мальчишку в бескозырке. Мальчишка стоял на валуне посреди бассейна и, наклонившись, собирался пустить в воду модель крейсера.

— Вовчик! — обрадовался Гай.

Воробышек не удивился. Коричневыми круглыми глазами глянул на всех троих по очереди. Спросил:

— Как вы думаете, они кусачие? — И показал на воду. Среди плоских плавучих листьев видны были

золотисто-красные рыбки. Даже не рыбки — рыбы. Они двигались медленно и уверенно.

— С чего им кусаться? Не пираньи ведь какие-нибудь, — сказал Сержик. — А тебе-то что?

Вовка кивнул на каменного мальчишка:

— Мне к нему надо.

— Зачем? — удивился Гай.

Вовка подумал и показал маленький пластмассовый компас.

— Хочу ему вот это... на руку...

— Зачем? — удивился теперь Сержик.

Вовка насутился. Спрятал компас в кулаке.

Гай стряхнул сандалеты.

— Садись.

Воробышек молча и благодарно уселся у него на закорках. И Гай понес его к центру бассейна. Мысль о том, что рыбы могут противно ткнуться губастыми мордами в ноги, заставляла поеживаться. Но все-таки Гай решительно шагнул, раздвигая коленями листья. Потому что ушастому воробышку Вовке, видимо, очень нужно было подарить каменному мальчишке свой компас. Может быть, Вовка знал, что этот мальчик — заколдованный и по ночам оживает и пускает свой кораблик в бассейн. Может, это был Вовкин друг. Может — житель какой-то сказочной страны или Вовкиного острова. Потому что очень даже возможно, что у Вовки тоже есть свой остров.

...Наверно, у всякого человека есть Остров. У каждого свой. У одного настоящий, у другого придуманный, но все равно он есть. У кого-то — целый город, а у кого-то — просто уголок в душе или лужайка в городском сквере за непролазными кустами акации. Или прочитанная в детстве книжка. Или сказка, которую сочинил сам...

Остров — это место, где человек может быть радостен и тревожен, счастлив и несчастен, но даже в тревогах и печали на Острове все честно и ясно. И самому хочется быть чистым душой, чтобы Остров, который ты открыл, принял тебя...

И у Аси есть Остров... Может быть, это книжка «Судьба барабанщика»?

И у Сержика есть... Какой? Гай не знает. На чужой Остров не высадишься непрошеным гостем. И не всякого позовешь на свой. А может быть, и не надо? Вот шагают рядом Ася и Сержик и не знают, что они — жители Острова капитана Гая. Ну и пусть не знают. Главное, что они есть.

И может, для Юрки Веденева Гай — тоже островитянин. Может быть, речной обрыв с кривым тополем и подвешенным к нему канатом с обручем — это берег Острова, лежащего в дальнем море? Там, на обрыве, Гай и познакомился с Юркой. Юрка ложился грудью внутри обруча, отталкивался и летел по широкой дуге в пустоте, над рекой, которая глубоко внизу кружила желтую воду. Летел, пока сила тяжести не приносила его назад на кромку берега... Гай вышел из-за другого тополя и смотрел с завистью и удовольствием на отчаянного мальчишку в разодранной на боку ковбойке. А тот, растрепанный и веселый, приземлился рядом и не оттолкнул Гая взглядом, не насутился, не сказал «чё зыришь?» Улыбнулся, как знакомому:

— Хочешь полетать?

И Гай выдохнул испуганно и благодарно:

— Хочу...

...Юрке Гай все-таки расскажет про свой Остров. Не так, как в прошлый раз — стесняясь и глупо

хихикая, а серьезно и подробно. Про нынешний Остров расскажет, про все, что здесь было. Про то, как перемешиваются иногда жизнь и сказка, радость и печаль, прошлое и теперешнее время. Про синие от моря и горячие от солнца дни. И может быть, Юрка почувствует все это. Даже обязательно почувствует. И они словно возьмутся за руки и вместе прыгнут на твердый песок из подошедшей к Острову шлюпки...

— Вижу остров!

Потом Гай будет кричать это с тысяч экранов...

Когда-нибудь зимой в Среднекамске появятся разноцветные афиши — «Корабли в Лиссе». И мальчишки в классе будут хлопать Гая по плечу, пряча зависть за насмешливым одобрением, а девочки переглядываться и тарачить на него глаза. И Алла Григорьевна, учительница по литературе, проговорит медовым голосом (она умеет так, если хочет!): «Я ду-

маю, Гаймуратов расскажет нам на классном часе об участии в съемках этого замечательного фильма...» И Гай, наверно, расскажет. О «Крузенштерне», об артистах, об оружейнике Косте. Но расскажет, конечно, не как об Острове. О нем — только Юрке. В хорошую минуту...

Барк вышел на Инкерманский створ и убрал паруса. Начал вдвигаться, стуча машиной, в бухту. Казалось, весь город смотрит, как движется мимо высоких берегов, белых зданий, маяков и старых фортов виндjammer с поднебесными мачтами.

Через полчаса «Крузенштерн» встал у бочки против Голландии. Еще не закончили швартовку, как подлетел к борту взмыленный катерок под гидрографическим флагом. С него что-то решительно прокричали в рупор. И понеслось по палубам:

— Гай!.. За Гаем приехали!.. Мишу Гаймуратова к трапу!

На борт поднялся незнакомый парень в морской куртке без нашивок. Гай подбежал — весь в тревоге: что случилось?

— Письмо тебе от Нечаева. Собирайся.

Гай развернул сложенный вчетверо листок.

«Гай! Переменились планы. Завтра выходим на испытания. Это неожиданно и срочно. Тебе — сегодня вечером на самолет, иначе нельзя. Гай, торопись...»

Он не удивился. В глубине души он даже почувствовал что-то такое... На Острове не живут долго. К нему долго плывут, а когда он открыт — сказка быстро катится к концу.

Потом будешь вспоминать Остров всю жизнь, будешь снова стремиться к нему и, может быть, приплывешь еще не раз. Но это если и будет — потом. С радостью, но без прежнего счастья открытия. Грустная эта догадка тоже шевельнулась у Гая.

«А может, и хорошо, что так сразу, без лишней печали», — мелькнула мысль. И все же Гай растерянно оглянулся на Ревского.

Тот взял письмо.

— Я поеду... — прошептал Гай.

— Да... Нет, подожди! — И Ревский сказал посланцу Толика: — Всего две минуты, прошу вас...

Он отошел, и скоро из динамика разнесся его голос:

— Съёмочной группе собраться на спардеке! Михаилу Гаймуратову — на спардек!

...Еще не переодевшихся после съёмок артистов Ревский выстроил в шеренгу. Не всех, конечно, а тех, кто оказался поближе. Тех, с кем Гай был уже хорошо знаком. Здесь же оказались Иза, оружейник Костя, Настя и тетя Рая. И сам Карбенов.

— Друзья, — сказал Ревский. — Гая увозят. Сегодня он улетает домой, так повернулась судьба. Слава богу, мы успели снять все, что хотели... Гай нас не забудет, мы его тоже...

— Гип-гип-ура! — гаркнул Витя Храпченко, оттянув на подбородке искусственную бороду.

— ...Гип-гип-ура! Гип-гип-ура! Ура! Ура! — дружно, вполне по-матросски грянула пестрая шеренга. И Ревский повел Гая вдоль строя, и каждый пожимал Гаю руку, и у него перехватило горло и намокли глаза.

Когда подошли к Насте, Гай шепотом сказал:

— Ох, надо ведь сдать... — Он потянул через голову алую блузу.

— Оставь, — сказала Настя. — Как-нибудь спишем. Пускай будет на память.

Иза дала Гаю сверток с фотоснимками и так хлопнула по плечу, что в ушах словно струны отозвались! «А по Москве горят костры...» — почему-то вспомнил Гай и слабо улыбнулся...

Уже у трапа Гая остановил Ауниньш. Протянул папку.

— Здесь вымпел и снимки «Крузенштерна». От команды... Может, когда-нибудь придешь на «Крузенштерн» капитаном. А? — Он строго пожал Гаю руку, а потом по-мальчишески подмигнул.

Катер помчался не к Графской пристани, а свернул в Южную бухту. Она, как улица домами, была с обеих сторон заставлена судами всех размеров, ти-

пов и расцветок. Проскочив у кормы с названием «Стрелец» и синим флагом гидрографов, катер закачался у белого борта.

На палубе Гая встретил Толик. Слегка насупленный, весь в своих заботах, для которых Гай был только помехой. Однако улыбнулся:

— Какой ты живописный... Ну вот, Майк, так получилось, мы сами не ждали... Знаешь, каких трудов стоило сменить опять твой билет! Пришлось просить броню в горкоме...

Гай сумрачно сказал:

— Если самолет вечером, чё уж так горячку-то гнать...

— Вылет в двадцать ноль-ноль, за час надо быть на регистрации, два часа ехать до аэропорта. Билет на автобус еле-еле достал, везде очереди. Автобус отходит без десяти пять. Сейчас пойдем собираться... А ночью будешь уже дома. Я и маме позвонил, чтобы встретила.

А ведь правда — совсем скоро он будет дома!

И Гай коротко и шумно вздохнул — от толчка радости. Он понял, как отчаянно соскучился по маме, по деду, по бабушке, по Галке (и по отцу, конечно, тоже, но до него так жгко не долетишь). И просто по дому соскучился, по своей улице, где сейчас пахнет палым тополиным листом. По своей школе с ее веселой толкотней, с запахом мокрых от дождя курток в раздевалке, с окликами: «Гай, привет! Гай, тебя Венедеев искал!» По сентябрьскому ветру с реки, по сизым облакам над заречными горизонтами, по ярким гроздьям рябин в скверах и палисадниках...

По Юрке...

Они поднялись по головокружительной лестнице, ведущей от пирса к площади Ушакова. Толик все поглядывал на Гая и наконец спросил:

— Ты так и будешь ходить? В этой романтической хламиде?

— А что? — огрызнулся Гай. Он по-прежнему был в алой матросской блузе, а его рубашка вместе с полотенцем, зубной пастой и прочим имуществом лежала в портфеле. В Асином портфеле, с которым Гай ходил в школу и с которым вчера отправился на «Крузенштерн». Там же лежали и подаренные фотоснимки.

— Да ничего, — сдержанно сказал Толик. — Просто привлекаешь внимание...

— Жалко, что ли?

— Не жалко... Гай, ты будто считаешь, что это я виноват, что у нас завтра срочный выход...

— Не считаю. Даже хорошо, что так получилось. Сразу...

— Вот и я думаю, что хорошо.

— Но я не успел, — сказал Гай.

— Что? Сняться?

— Нет... Вообще... Толик, отпусти меня на два часа! К четырем я буду дома как штык! Честное слово!

Он теперь понимал, чего ему не хватило. Попрошиться с Херсонесом! Ведь именно с тех мест началась его любовь к этой земле, к этому городу. Будто именно там он впервые высадился на Остров.

— Толик, я съезжу в Херсонес... А?

— Ох, не нравится мне это, — честно сказал Толик.

— Я знаю. Ты будешь смотреть на часы и нервни-

чать. Будешь думать: не случилось ли чего в последний момент. Да?

— Видишь, ты понимаешь...

— Но ты ведь тоже понимаешь. Мне правда надо. Чтобы последний раз... Когда я еще здесь окажусь?

Гай все больше чувствовал, как отчаянно ему это надо. Чтобы потом не тосковать, не чувствовать себя так, словно кого-то забыл или обидел.

Гай хотел даже сказать: «Ты же знаешь, там девушка». Но это было бы нечестно. Во-первых, не только в дедушке дело. Во-вторых, вообще нельзя об этом, когда что-то просишь.

Но Толик понял и так.

— Я поехал бы с тобой, но у меня прорва дел,— неуверенно сказал он.

— Не надо. Один-то я — бегом!.. Толик, я там никуда не поеду. И даже купаться не буду...

— Давай. Но смотри...

Гай дернул с себя алую голландку, выхватил из портфеля и натянул рубашку. Портфель и блузу сунул в руки Толику.

— Я — точно к четырем!

Граната

Гай рассчитал, что для Херсонеса у него не меньше часа. Он попрощался со здешними местами без суety. От остатков башни на мысу у Песочной бухты он прошел через весь заповедник — то галечными пляжами и обрывами, то среди развалин.

Ветер стих, день стоял нежаркий, но солнечный, летали бабочки. Было пустынно. Никого из ребят Гай, конечно, не встретил и, по правде говоря, не жалел об этом: что, кроме грусти, принес бы короткий разговор перед расставанием?

Гай гладил ступени древнего театра, пористые камни крепостных стен, теплый мрамор колонн. Сунул в нагрудный карман желтое созвездие сурепки и пыльно-синий цветок цикория — чтобы засушить потом в книжке. У одинокой колонны среди низкорослого терновника Гай стоял минуты три — смотрел, как бегают вверх-вниз по отвесному мрамору ящерка-геккон, и не первый раз удивлялся: как она держится на гладкой вертикали?

У полукруглого гнезда берегового орудия Гай стоял дольше. Винтовые штыри, на которых когда-то крепился орудийный станок, ржаво темнели на бетонном дне. Из трещин росла трава. Гай подумал, что в сорок втором году это гнездо на скальной круче (из которого торчал тогда длинный ствол корабельной пушки) видел, наверно, не раз политрук Нечаев.

В гнезде на темном бетоне стенки темнели ровные крупные буквы: «Прощай, дружине Севастополь! Мы дети «Потемкина», внуки Петра. Ревком «Краб». Это написали коричневой масляной краской студенты-археологи еще в позапрошлом году (Славка, сын профессора, тогда тоже был с ними). Гай видел надпись не первый раз. Раньше он всегда испытывал досаду: мало ли кто чей внук, зачем краской-то ляпать там, где люди воевали? И Севастополь никакой не «дружине», он просто Севастополь. Чего его по плечу похлопывать?.. Но сейчас Гаю почудилась в словах на бетоне ласковая грусть прощания...

Гай дошагал до западного мыса Карантинной бухты, прошел по ее обрывистому берегу и вернулся к колоколу. Гладким камешком бросил в зелено-черный узорчатый обод. Побитый осколками колокол прощально погудел мальчишке...

Гай вздохнул и спустился на пляж, где когда-то наступил на дракончика и познакомился с Асей. Мелкая волна с шорохом накатывалась на гальку, оставляя пузырчатую пену. Гай подобрал в себя запахи влажных скал и водорослей, сел на корточки, попереисыпал из ладони в ладонь мокрые камешки. Заметил косточку и осторожно положил всю горсть...

Потом Гай скинул сандалеты. Скользя по камням и усмехаясь собственной робости (а вдруг опять дракончик?), он по щиколотку вошел в воду. Он обещал не купаться, но вот так-то можно попрощаться с морем...

Вода плавно подкатила, поднялась до колен и, отступая, потянула Гая за собой. Не уезжай, мол, останься.

«Нельзя», — вздохнул Гай. Вышел на берег. Надел сандалеты на мокрые ступни. Поднялся по бетонной лестнице на обрыв. И... сделал то, чего не хотел. О чем старался даже не думать. Пошел на бугор у серой разваленной стенки, встал на колени у кубического камня, сунул руку в темную щель...

Граната была, конечно, там. Тяжелая, рубчатая, прохладная, она легла в ладонь так ловко, будто все дни ждала Гая.

Он достал ее. Была граната все такая же — новенькая, черно-блестящая, словно только что с военного склада. Гай дернул кольцо, послушал шипящее дребезжание пружинки. Поставил чеку на место, покачал гранату — словно побаюкал.

И понял, что положить ее обратно — ну, просто выше сил.

Во-первых, словно сама граната просила: «Не надо! Не хочу туда в темноту!» Во-вторых, Гай почувствовал, какая она уверенно-грозная, хотя и без начинки. Увесистая, почти настоящая, она вливалась в ладонь ощущение боевой мощи. Была она... да, красивая! В смертельном оружии тоже есть своя красота.

Юрка ошалел бы от такого подарка...

Сержик прав, играть лимонкой не станешь. Но показать в классе... Все ребята губы развесили бы... А потом, когда она Юрке надоест, самое правильное дело — отдать ее в школьный музей. Положили бы под стекло, табличку бы сделали: «Дар ученика 6-го кл. «А» Михаила Гаймуратова». То есть «Михаила Гаймуратова и Юрия Веденева»...

«Нет уж, — сказал себе Гай. — Ведь решили: пусть лежит...»

Но Сержик сказал еще: «Если хочешь — бери...» Он же сам это предложил!

«И я же не для себя. Я для Юрки...»

Совість шепнула Гаю, что если для Юрки — это немного и для себя.

«Ну и что? Я же не без спросу! Сейчас зайду к Сержику и скажу: «Можно, я возьму, как ты говорил? Я ее подарить хочу... А если нельзя — вот она, делай с ней что хочешь...»

Гай понимал, что это беспронимчивый вариант. Конечно, Сержик скажет: «Бери». Будет, пожалуй, немного неловко, но зато — честно. И никакие щипки

совести Гая тревожить не станут. Фиг ей! Он все сделает открыто, без капельки обмана!

И было непонятно, почему шевельнулось в душе сомнение. Словно шепоток на ухо: «Ох, Гай, не надо...» И почему он, выпрямляясь, оглянулся с опаской?

Наверно, это была просто память о прежней стыдливой боязни — той, что жила в Гае, пока он не признался Сержику.

А теперь-то что?

....Гай понимал — такую игрушку в автобусе открыто не повезешь. Среди камней он подобрал обрывок старой газеты, завернул лимонку в желтую ломкую бумагу.

Потом посмотрел на море. Оно было ясным и чисто-синим. И все вокруг было спокойно-ласковым. Ни в чем Гай не уловил упрека. И черная дробинка, которой боялся Гай, не шевелилась в душе. Гай с облегчением расправил плечи. Торопливо пошел к главным воротам...

Чтобы заскочить к Сержику по пути, Гай вышел из автобуса на улице Галины Петровой. Переулки и дворики Артиллерийской слободки террасами громоздились на склоне холма. Гай тропинками и лесенками взбежал к «Восьмому марта».

И сразу увидел бабу Ксану.

Она шла, огибая растущие посреди каменистой дороги кусты с бордовыми головками. Высокая, сутулая, с длинным своим посохом. Смотрела прямо перед собой.

— Здравсте, баба Ксана...— Гай на всякий случай спрятал за спину завернутую лимонку.

Баба Ксана глянула из коричневых впадин синими глазами.

— Здравствуй, дитятко. К Сергийке бежишь?

— Ага. Он дома?

— Та ни... Они со школою на Максимову дачу поехали, до вечеру...

— До свиданья...— растерянно сказал Гай. И подумал: «Ох ты черт...» Но под огорчением шевельнулась тайная радость. От того, что не надо стыдливо объяснять Сержику, что взял гранату... Потом он про все напишет. Даже так напишет: «Если хочешь, я пришлю ее обратно». И в самом деле пришлет, если Сержик ее потребует...

А сейчас, если не взять, то куда ее девать? Не отдавать же бабе Ксане!

Гай посмотрел Сержиковой прабабушке вслед. Она шла вниз по улице все такая же сгорбленная, неторопливая, строгая. Даже сейчас Гай слышал, как постукивает посох: туп-туп-туп... Он вдруг понял, что, скорее всего, видит бабу Ксану последний раз в жизни. Неизвестно, когда он приедет сюда снова. Приедет, конечно, только едва ли прабабушка Пулеметчика тогда будет живая. Сколько ей осталось на этом свете с ее горем, с ее хитро спрятанной любовью к Сержику?..

Гай неожиданно почувствовал те же слезы, что на палубе при сцене «Похороны капитана». Мигая и перелгательвая, он смотрел бабе Ксане вслед, пока она не скрылась за угловым домом...

Гай встряхнулся. Надо было спешить. Даже бежать.

Он выскочил на улицу Киянченко, а затем свернул к улице Гусева, в проход с плоским желобом

водостока — такой узкий, что разведи руки и упрусь в каменные стены.

Навстречу спускался Толик.

Гай удивленно затормозил.

— Вот это да! Ты здесь... что?

Толик тоже остановился. Шагах в пяти.

— Гуляю. Волнуюсь, тебя дожидаячи. Так и знал, что ты здесь пойдешь, эта щель полюбилась твоей романтической натуре...— Толик усмехнулся. Гаю показалось, что он сердится.

— Я же не опоздал.

— Да нет, все в порядке...— Толик взглянул на часы— Это я так, нервы... Что это у тебя?

Гай откинул ненужную теперь бумагу, подбросил гранату:

— Вот...

Солнце светило Гаю в спину. Он увидел, как стремительно окаменело лицо Толика. Испугался:

— Да ты что! Она же...

— Не трогай и не шевелись! Замри!

Толик замер и сам — словно боялся, что неосторожным движением погубит Гая, даст ему смертельный толчок.

— Да что ты! — с виноватым смехом сказал Гай.— Она пустая — вот! — Он поднял лимонку за кольцо, чека вырвалась из трубки, граната упала Гаю в ладонь. Он бросил ее Толику: — На, смотри!

И все это было в одну секунду. А в следующую секунду Гай увидел, как освещенный желтым солнцем Толик ловит лимонку, прижимает ее к животу, складывается пополам и, нелепо скорчившись, падает в желоб водостока. И словно вжимается в бетон...

...— Толик, ну сделай со мной что-нибудь, — всхлипывая попросил Гай.

Они шли, забыв про время, по пустым улицам слободки неизвестно куда. И Толик молчал или неразборчиво говорил «отстань». Гранату он держал перед собой, крутил иногда трубку запала, трогал колечко. Пожимал плечами.

— Толик...

— Что тебе?

— Отлупи меня, а? — с отчаянием сказал Гай.— Хоть ремнем, хоть чем... Я даже не пикну. Меня никогда дома не лупили, а ты изо всех сил, ладно?

— Зачем?

— Ну... тебе легче будет.

— Дурак, — устало сказал Толик.— Оно и видно, что не лупили.

Гай брел за Толиком чуть в стороне и позади. Смотрел на его худую спину под желтой тенниской, на острые локти, на поросшую короткими волосками шею... Снова и снова вспоминал, как освещенный солнцем Толик в тесной щели прохода сгибается, валится, резко вытягивается в плоской бетонной канаве, закрывая собой лимонку. И снова содрогался, представляя, что пережил Толик за эти секунды... Гай заплакал в голос:

— Я же тебе крикнул, что она пустая!

— Еще и ревет... Он «крикнул». Будто я что-то слышал в такой момент... Поймал, а она шипит... Вот как! — Толик дернул кольцо и поднес лимонку к уху. Казалось, с каким-то болезненным удовольствием.

— Ну, а зачем под себя-то?! — захлебываясь слезами, крикнул Гай.— Кидал бы назад!

— Да? — спросил Толик, и Гаю почудилась нотка

горького злорадства.— Там сзади, на улице, бабка и пацанята с трехколесным великом... А впереди ваше сиятельство... И ведь выбрал же место с-стервец. Как труба...

— Ну, откуда я знал, что ты подумаешь... Это же игрушка!

— Это — игрушка? — Толик повернул к Гаю такое лицо, что разом застыли слезы. Гай прошептал беспомощно:

— Я же крикнул... пустая...

— Сам ты... башка пустая,— вдруг вздохнул Толик.— Иди сюда! — Он выдернул из брючного кармана платок, начал сердито вытирать Гаю лицо.

Гай безнадежно сказал в платок:

— Теперь ты будешь меня ненавидеть всю жизнь.

— Больше мне делать нечего,— огрызнулся Толик. И Гай понял, что ненавидеть Толик не будет. Но и... вообще ничего не будет. Граната все-таки взорвалась, только бесшумно. Толика не убила, но убила его дружбу с Гаем. Развееяла взрывом в черную пыль все

хорошее, что случилось в жизни Гая здесь, в Севастополе.

Отомстила...

И такая тоска взяла Гая, что все в нем выключилось. Не осталось ни капельки сил. Он сел, где стоял,— на плоскую глыбу ракушечника в пыльной траве у тротуара. Уткнулся лбом в колени. Умереть бы...

...— Ну-ка встань! — вдруг крикнул Толик. Прежним голосом, тем, который был у него раньше, до гранаты. Он дернул Гая за воротник.

— Ты мальчишка или нервная барышня? — яростно сказал Толик. Но злость была не на него, не на Гая! Гай уловил это каждым нервом. Злость была, чтобы встряхнуть Гая. А может быть, и самого Толика. Гай вскочил. Украдкой, но уже с надеждой глянул Толику в лицо. Опустил голову и шепотом повторил все то же:

— Кричал ведь... пустая...— И опять всхлипнул.

Толик хлопнул его пальцами по затылку.

— Головая пустая...

— Ага...— выдохнул Гай.

— Где ты взял эту штуку?

Не скрывая ничего, Гай выложил историю с гранатой. От начала до конца. Будто наружу себя вывернул. Толик слушал и порой называл Гаю то бестолочью, то олухом.

Они вышли на Катерную и теперь неторопливо шагали вниз. Толик завернул гранату в платок — попадались прохожие. Гай заметил, что кое-кто с удивлением поглядывает на его зареванное лицо, но ему было все равно. Один раз у Гаю мелькнула мысль: а не опоздают ли на самолет? Но и это было неважно. Главное, что Толик делается такой, как раньше.

Когда Гай кончил рассказ (и по инерции еще раз всхлипнул), Толик сказал:

— Фокусник... Надавать бы тебе за такие дела...

— Да я же и говорю! — радостно вскинулся Гай.

— Сегодня же уже некогда. Приеду в Среднекамск — займусь.

— Ладно... Толик, а чего мы все идем да идем... Нет, это хорошо, но мы не опоздаем в аэропорт?

— Думаешь, я такой глупый? Я нарочно сказал, что отлет в восемь. На всякий случай. А на самом деле в девять пятнадцать. И автобус не в пять, а в шесть.

— Хитрый...— слабо улыбнулся Гай.

Катерная, сделав плавный поворот, кончилась на восточном берегу Карантинной бухты. Дорога шла над обрывом. Внизу тянулся узкий пляж — маленький, известный лишь местным жителям.

Толик и Гай спустились на песок по головоломной тропинке. Поодаль купались мальчишки, шагах в сорока лежала на вечернем солнышке дама, вблизи никого не было. Толик развернул гранату, сильно размахнулся и швырнул ее в море. Прежде чем плеснуть в тихой воде, лимонка черным зернышком зависла на миг в воздухе — словно точку поставила. Точку на всей этой истории.

Гай пристыженно и с облегчением выдохнул.

— Иди умойся,— сказал Толик.— Или лучше окупайся. Не купался ведь сегодня? Вот и давай на прощанье.

Гай обрадованно и суетливо разделся. Окунуться напоследок в море — это было счастье, хотя и с оттенком грусти. Но главное счастье (тоже с привкусом печали) было в прощении, полученном от Толика.

Гай с разбега врезался в глубину, выдохнул воздух и завис в невесомости. Он старался навсегда впитать в себя бархатисто-прохладное прикосновение морской воды, ее вкус, ее ласковую плотность... Потом он вынырнул, проплыл метров десять вразмажку, лег на спину, увидел над собой маленькое желтое облако, прошитое реактивным следом, вспомнил, что скоро будет там, в небе, на такой же высоте... Резко повернулся и поплыл к берегу.

Накинув рубашку и опасливо поглядывая на дремлющую в отдалении даму, Гай спрятался за Толика и выжал плавки. Толик усмехнулся:

— Ох и обугленный ты. Я лишь сейчас заметил, по сравнению с... нормальным цветом кожи. Раньше еще лапы были светлые, а теперь и они загорели...

— Лапы — крашенные,— хмуро объяснил Гай.— Все еще не отмылись...

— В аэропорту костюм надень. В Среднекамске всего семь градусов. Мама пальто к самолету принесет.

— Ага... Толик...

— Что?

— Толик... ты меня совсем прости?

— Совсем,— серьезно сказал Толик.— Хватит уж об этом.

— Да, «хватит»... Ты все равно вон какой...

— Какой, интересно?

— Ну... молчаливый.

— Здрате! Веселиться прикажешь? После всего... И не вздумай никому рассказывать... про все про это.

— Что я, дурак, что ли? То есть дурак, конечно, но не такой уж...

— Это я не хочу выглядеть дураком.

— А ты-то при чем? — изумился Гай.— Ты же наоборот... это...— он оробел, но все же выговорил:— Подвиг совершил.

— Че-во? — сказал Толик.

Гай струхнул еще больше. Но пролепетал:

— А что ли нет? Ты же не знал... что не по правде...

— Я сейчас, кажется, в самом деле дам тебе по шее.

— Ну, дай,— покорно вздохнул Гай.— А все равно...

— Пошли наверх!

Они молча поднялись по тропинке. С обрыва Гай еще раз глянул на море, на развалины Херсонесского храма на другом берегу. Воздух принимал уже неуловимо-золотистый вечерний оттенок. А может, это золотились волоски непросохших ресниц. Гай видел все словно сквозь искристую дымку: сквозь виноватость и прощение и неуверенность в этом прощении, и сквозь надежду, что все случившееся — не так уж страшно. Море все-таки осталось его морем. Берег — его берегом. И Остров — остался...

— Пошли,— повторил Толик.

Они зашагали по обрыву, потом по Катерной, и Гай наконец набрался смелости:

— Я все же не понимаю... Почему ты говоришь, что ты дурак? Ты же не знал...

— Воображаю, как это выглядело со стороны.

Гай вспомнил, что выглядело это страшно. И сказать не посмел. Сказал другое:

— Зато ты единственный...

— Что — единственный?

— Ну... ты только не сердись... Помнишь, ты говорил?

— Не помню... Про что?

— Когда такое... Никто не знает, что человек думает в последние секунды... Ты теперь знаешь.

Гай даже зажмурился, ожидая чего угодно. Однако не жалел о своих словах. Не сказать этого он почему-то не мог.

Толик не ответил. Гай покосился на него. Толик растерянно улыбался. Потом сказал удивленно:

— А я ни о чем не думал.

Гай опасливо и недоверчиво молчал.

— Нет, думал...— тихо проговорил Толик.— Вспомнил... Думал, скорей бы... Да, а потом еще: что же с этим дураком, с Гаем теперь будет? В самом деле...

Гай втянул голову.

— Но никакая «вся жизнь» перед глазами не проносилась,— словно неторопливо размышляя вслух, сообщил Толик.— Вот еще что. Подумал: «Гасманов же не знает, куда я положил коричневую папку» с

последней документацией...» А! Потом вот что: черт, как обидно — перед самыми испытаниями...

— А говоришь «ни о чем», — вздохнул Гай.

— Хм... А в самом деле, как много, оказывается, можно подумать... за такое время.

...Тех секунд — с тишиной и растерянностью — было две или три. А потом Гай со слезами тряс Толика за плечо, тянул за рубашку, и тот медленно, с непонимающим лицом встал на колени. Потом вскочил...

Лучше не вспоминать...

А как — не вспоминать?

Толик сказал будто сам себе:

— Потом еще мысль: значит, судьба...

— Почему? — прошептал Гай.

— «Почему»... Отец — здесь. И про Алабышева сколько раз читал и думал... Все одно к одному... И забыл, дурак, простую истину: история повторяется дважды — сперва как трагедия, потом как фарс. Как пародия то есть...

— Что? — робко переспросил Гай.

— Это еще Маркс сказал...

— Не про тебя ведь он сказал, — буркнул Гай.

— Нет, но это, видимо, общая формула. Применима и к государствам и к отдельным людям... Вообще-то он это про Наполеона сказал. Один был великий, а другой пыжился и подражал ему. И кличка была «Маленький». Хотя ростом он удался не в пример первому Бонапарту... Кстати, это он послал армию под Севастополь.

Гай с минуту шел молча, сердито размышлял о «великом» и «маленьком» Наполеонах. О битве под Бородино и о севастопольских бастионах. Наконец сумрачно возразил:

— Великого мы прогнали с треском. А Маленький-то... все-таки французы взяли тогда Малахов курган...

— Мало ли что... Наполеон Первый тоже сперва Москву взял. Важны не отдельные военные эпизоды, а вообще... Ты что, с Марксом решил поспорить?

— Не с ним, а с тобой... Ты же все сделал правильно, ты не знал... Зато теперь знаешь.

— Ты очень понятно изъясняешься: «Не знал, знаешь»...

Тихо, но упрямо Гай сказал:

— Ты знаешь, что можешь такое... если надо...

Толик посмотрел удивленно. Потом усмехнулся:

— Вряд ли... Наверно, каждый раз человек это решает заново... И послушай, дорогой, хватит об этом, а? Если без конца переживать, рехнуться можно. А у меня завтра дел — во! — Он ладонью провел над макушкой.

— Ладно, — неуверенно сказал Гай.

— И не терзайся, как старый грешник пред вратами ада. Мы оба хороши... Если хочешь знать, я тебе даже благодарен.

Это была, кажется, неправда. Но Гай обрадовался такой неправде — понял, что Толик опять прощает и жалеет его.

— Почему благодарен?

— Раз ты мне такое устроил... Я будто смерть обманул. Значит, буду теперь жить до ста лет.

— Да? — повеселел Гай.

— Да.

— Ну, смотри!

— Ну, смотрю...

Обратный билет

Через четыре часа Гай сидел в ровно гудящем самолете. В темном иллюминаторе слабо светился се ребристый край крыла. По нему равномерно пролетали отблески рубиновых сигнальных вспышек. Рядом с Гаем посапывал сосед — лысоватый добродушный инженер, которого Толик попросил в аэропорту «присмотреть за братцем». Ровно светились плафоны, бесшумно и с улыбкой двигалась между креслами стюардесса... Раньше, когда приходилось летать, у Гая порой вертелась боязливая мысль: «Не случилось бы чего с самолетом...» Но сейчас было так уютно, что Гай чувствовал себя полностью спокойным.

Как всегда бывает в середине дороги, мысли ходили туда-сюда. То к дому, куда Гай мчался со скоростью звука, то назад — к Севастополю и «Крузенштерну». О доме думалось, конечно, с радостью, о Севастополе — с грустью. Радость была спокойная, потому что дом — это то, чего у Гая впереди будет много. Это — надолго. Печаль тоже была спокойная, потому что Гай знал: все, что было хорошего, с ним останется навсегда. Жить на Острове постоянно нельзя, но вспоминать его можно все время. И как вспомнишь — он словно опять рядом. А грустно — потому что все-таки не совсем рядом. Не перегнешься через каменный забор, не крикнешь в полуоткрытую дверь дома: «Ася!»

...Асю перед отъездом он так и не увидел. Когда они с Толиком пришли домой, оказалось, что Ася отправилась за братишкой в детский сад. А ждать было уже нельзя. Времени оставалось только чтобы подхватить чемодан — и на автостанцию.

«А может, и к лучшему», — опять подумал Толик со смесью горечи и облегчения. Он боялся прощания. Догадывался, что оба станут неловко молчать или говорить неважные, ничего не значащие слова. «Может, и к лучшему...»

— Я ей все объясню, — пообещал Толик. — А ты потом напишешь.

— Ага.

На автостанции случилась неприятность. Толик растерянно зашарил по карманам:

— Черт... Этого еще не хватало...

— Что?

— Билеты... — Толик, роняя пятаки, расческу, записную книжку, вывернул карманы.

— Потерял? — испугался Гай.

Толик сердито сопел.

— У тебя дурацкая привычка таскать деньги и документы в карманах штанов, — в сердцах сказал Гай.

— В зубах мне их носить, если я без пиджака?.. Стой здесь.

Толик исчез и появился лишь через десять минут.

— Пошли! Я изловил такси.

— Ура! Это даже лучше!

— Для чего лучше? Для моего бюджета?.. И где я эти билеты посеял, дьявол их разнеси...

— Наверно, там, на улице. Когда платок доставал, — неловко сказал Гай. Он вспомнил, что в тот момент вроде бы вылетели у Толика из кармана какие-то кусочки бумаги или картона. Но тогда до бумажек ли было Гаю!

— Теперь обратно придется пилить на электричке... — проворчал Толик. — Пошли.

— А у тебя что, был и обратный билет на автобус?

— Пошли, пошли...

На полпути к Симферополю спустило колесо (бывает же так — все одно к одному!). И водитель с Толиком полчаска возились с запаской. В аэропорт они успели «под самую завязку».

Попрошались коротко:

— Привет там всем дома...

— Ага. А ты — Алине привет.

— Ладно. Спасибо...

— Ни пуха ни пера на испытаниях...

— К черту! — И они обнялись.

Защипало в глазах, но Гай храбро улыбнулся. И уже в тамбуре, ведущем на поле, оглянулся еще раз. Увидел Толика в свете желтого плафона. Толик смотрел серьезно. Встал на цыпочки и помахал рукой над головами...

В теплом покое, почти в полудреме, Гай думал, как самолет сядет в среднекамском аэропорту «Крылово». Гай побежит навстречу маме, а она, смеясь и целуя его, станет натягивать на него пальто: «Стой, егоза, не крутись. Здесь тебе не Крым». И как он завтра наверняка проспит и в школу не пойдет, тем более что все равно суббота, а начинать все на свете, в том числе и учебу, лучше с понедельника. Но к Юрке он побежит сразу после уроков и узнает у него все новости о школе, о ребятах, о самом Юрке — как он жил тут без Гая целую вечность. И сам расскажет Юрке все-все...

Это «все» ровно побежало перед глазами Гая: «Крузенштерн», съемки, Артиллерийская слободка, Ася, Сержик, баба Ксана, Херсонес, ребята, граната...

Нет, о гранате, наверно, не надо. Канула она в море — и точка. Есть и без нее о чем рассказать. Например, о рукописи Курганова, о Алабышеве, о лекции Толика на вечерней палубе...

Гай, тихо улыбаясь, стал думать о Толике.

«Наверно, сейчас дремлет в электричке... Или нет, не дремлет. Думает про завтра, про отплытие...»

Гай не мог, конечно, знать, что в электричку Толик не попал.

На вокзал Толик приехал, билет купил, но до поезда оставалось полчаса. Толик пошел по вокзальной площади: надеялся купить какой-нибудь журнал, почитать в дороге.

Киоски ярко светились, но все уже были закрыты. Не очень огорчившись, Толик пошел обратно — в проходе между тыльной стороной стоявших в ряд киосков и временным забором, который огораживал не то стройку, не то какую-то ремонтную площадку. Над забором горела в черном небе лампочка.

Толик услышал сзади торопливые шаги, но оглянулся не сразу. Потому что впереди увидел щуплую фигуру в длинном клетчатом пиджаке. Тип в пиджаке ухмылялся. Толик встал спиной к шаткому забору и лишь тогда посмотрел налево. Оттуда подходил смазливый чернявый парень.

«Как в том проходе, — вспомнилось Толику. — Ни туда, ни сюда...»

Он сказал с улыбкой:

— Знакомые все лица. Опять хотите прикурить?

— Да не... — гнусаво ответил белообрый тип в

пиджаке. — Мы же знаем, что не куришь. Поговорить решили. Должок у тебя...

Пробуя левой ступней асфальт — хорошо ли для толчка? — Толик спросил:

— И не лень было следить за мной?

— Да что ты, дядя. Случайная встреча...

— И что теперь «дядя» вам должен? «Кошелек или жизнь?»

— Видели мы твой кошелек в...

— А это видели? — быстро спросил Толик и поднял левую руку, держа пальцы шепоткой — словно хотел что-то посолить в воздухе. У клетчатого типа приоткрылся рот и машинально вскинулась для защиты ладонь. Толик ухватил его за рукав, дернул на себя, ударил гада головой под грудь и кинул его, согнувшегося, через плечо.

Кинул так, чтобы длинное обмякшее тело ударило сзади другого противника.

Наверно, тот все же успел отскочить. А Толика стукнула в щиколотку какая-то деревянная боль. «Неужели вывихнул? Ах ты черт...» Теперь оставалось развернуться и встретить смазливого сопляка прямым ударом в зубы. Придется мальчику походить к дантисту. Ну, сам винов...

Что-то колючее, длинное вошло Толику под левую лопатку, и боль была такая, что не осталось мыслей. Толик хрипло вскрикнул, рванулся вперед и снял себя с этой боли, как с гвоздя. Хватанул ртом воздух. «Достали все же, сволочи! Ну, погодите...» Он стал поворачиваться для удара. Боль мягко угасала, но не было зато и прежней пружинистой силы. Руки противно ослабели, и Толик с беспомощной злостью подумал, что, кажется, уже не свалит чернявого одним ударом... Самому бы устоять... Ах как глупо... Перед самым выходом в море... Теперь, чего доброго, еще в больницу засунут, перевязки всякие...

Хорошо, что Гай улетел...

Странно, что асфальт мягкий, как губчатая резина: падаешь, а не больно. Будто во сне... Надо все-таки встать. Люди увидят, решат черт знает что...

Но лежать было хорошо. Шевельнешься — и колючая боль, а если не двигаться — обволакивает мягкое спокойствие. И Толик понял, что надо подождать несколько минут, набраться сил.

Лампочку он не видел — она или погасла, или горела с другой стороны. Те двое куда-то исчезли. Но Толик о них уже не думал. Сверху в просвет между киосками и забором смотрел тонкий месяц.

«Ты меня не бросай, — сказал ему Толик. И не удержался, ласково поддразнил: — Месяц тонкий и рогатый с неба звезды сгреб лопатой... Куда ты девался, а?.. Месяц звонкий и рогатый... Месяц...»

Ничего этого Гай знать не мог, и никаких предчувствий у него не было. Спокойный и счастливый летел он домой.

...Известие о Толике придет в Среднекамск лишь через четыре дня. Это потрясение, первое в жизни настоящее горе надолго обесцветит для Гая все, что есть вокруг, приглушит до хрипа и шепота все в мире звуки, а все мысли сведет к горькому вопросу: «Как же так: был — и нет? Почему? Откуда на свете такое?» Этот его вопрос навсегда свяжется в сознании с почерневшим сухим лицом бабушки — мамы Толика...

Дни пройдут, мама и бабушка вернутся оттуда,

с похорон, и мама положит ему руку на лоб, а он тихо скажет, лишь бы что-то сказать:

— Вы быстро приехали...

— У нас были обратные билеты.

И тогда болью и страхом — сильнее всех других горьких мыслей — прошьет его мысль: «А у Толика тоже был обратный билет!»

Он был! Но Толик выронил его вместе с другими, когда доставал платок.

А доставал платок он, чтобы вытереть Гаю лицо и потом завернуть гранату.

Значит — все из-за гранаты!

Если бы билет остался, Толик поехал бы обратно на автобусе, не оказался бы на вокзале. Не встретился бы с теми.

...Какой прок, что их поймали и, скорее всего, расстреляют? Что с того, что друзья Толика написали куда-то письмо, чтобы новое гидрографическое судно назвали «Анатолий Нечаев»? Смертью бандитов не оживишь Толика. Имя не заменит живого человека, хоть весь флот назови этим именем! Гаю нужен живой Толик — который смеется, опаздывает со свиданий, рассказывает про Крузенштерна, дурачится, дразнит Гая за облупленные уши и рычит «брывсь», когда тот надоедает... Толика не будет...

И все из-за гранаты...

Из-за того, что он, Гай, взял гранату из тайника!

Днем и ночью, даже во сне Гай будет вести этот бесконечный, отчаянный и безнадежный спор с собой:

— Но я же не знал, что так случится!!!

— А кому легче от того, что не знал? Все равно это из-за гранаты...

— Но я же не знал...

— А зачем ты ее взял? Ведь понимал же, что обман...

— Не обман!! Сержик сам говорил: хочешь — бери себе!

— Обман был раньше. Тогда, когда все искали, а ты молчал. С этого все и пошло...

— Но я же не взял тогда! Я же признался! Я — честно...

— Значит, не всякую беду можно исправить признанием... Ты не взял тогда, но она лежала, ждала своей поры. И отомстила.

— За что?! — в отчаянии будет кричать он себе. — За такой пустяк?! И кому отомстила?! Толик-то при чем?!

— А она не думает. Она — граната...

И когда уже не будет сил, когда сердце станет останавливаться от тоскливой вины, придет спасительная мысль:

«А откуда ты взял, что был обратный билет? Ты спросил, а Толик в ответ: пошли, пошли...»

«Но он же говорил: теперь обратно придется ехать на электричке...»

«Может, потому, что сперва хотел вернуться в Севастополь на такси, а денег не осталось — истратили на дорогу вперед...»

Может быть и так... Но утешение будет приходить ненадолго. И чувство неискупимой вины снова станет наваливаться глухой черной тяжестью. Такой вины, которая не менее страшна, чем само ощущение потери.

Через месяц Гай уже не станет спорить сам с собой. Зачем? Все сказано много раз. Не станет мучить себя вопросами: был ли билет? Ответить на вопрос мог бы один Толик. Но он не ответит — и вину с Гая не снимет никто.

Гай будет ходить в школу, учить уроки, получать отметки. Будет даже иногда смотреть телевизор, отвечать на мамины вопросы. Порой будет даже улыбаться. И всем, даже маме, станет казаться, что он понемногу успокоился и живет нормально.

И никто не узнает, как гонит от себя Гай память об августовских и сентябрьских днях. Память о всем, что раньше было для него Островом. Потому что горе и вина закрыли к Острову дорогу.

И так будет до того дня, когда Юрка (именно Юрка, а не кто-то другой) приведет его к себе домой и скажет угрюмо и жестко:

— Гай, ты так свихнешься. Или умрешь... Гай! Ты что?

— А что я?.. Я...

Слезы рванутся безудержно. Слезы — невыносимые, изматывающие душу, тяжкие, как рвота. До судорог в горле, до крика. И в этом крике прорвутся слова о Толике, о гранате, о билете... И Юрка хлопнет дверь и яростно, словно удерживая Гая от броска в пропасть, прижмет к себе.

— Гай... Гай!! Ну, при чем здесь ты?! При чем здесь мы?! Не мы же придумали на свете гранаты!

Гай стихнет, вздрагивая. Юрка скажет:

— Так нельзя. Ты живи.

Гай то ли вздрогнет опять, то ли кивнет...

— Ты живи, — снова скажет Юрка. — Дерись.

— С кем?

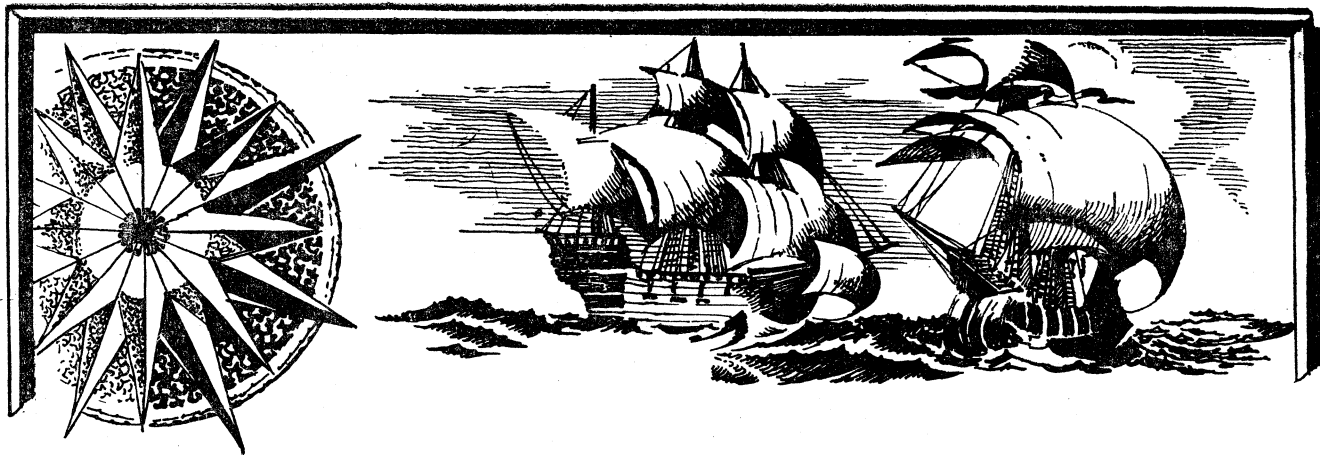
— Вообще... дерись.

И Гай станет драться. Всю жизнь. За себя и за других. Драться с человеческими бедами и со своей виной — не зная до конца, была ли она. Драться за право изредка возвращаться на свой Остров.

Такой Остров есть у каждого, и потерять его — подобно смерти. Остров называется Детство.

Конец второй книги

ПО СЛЕДАМ КАПИТАНА БЛАДА

Эдуард ЯКУБОВСКИЙ

Рис. Евгении Стерлиговой

Капитан Блад...

Родившийся под пером Рафаэля Сабатини в 1922 году, он более тридцати лет шел к нашему читателю. Пришел и стал любимцем не только детворы, подростков, но и взрослых... С каждой страницы романа он учит нас честности, верности данному слову, уменью проявлять жалость к поверженному противнику, заступаться за слабого — словом, вводит в неписанный круг понятий о рыцарской чести. Окруженный врагами, не опускается до их уровня. И даже ярые противники признают это: «О вас известно, что вы воюете, как джентльмен», — говорит пирату вице-губернатор занятого Бладом испанского города.

Капитан Блад стал олицетворением того лучшего, что было в романтиках моря, выразителем извечной тяги к путешествиям, дальним странам. Нет сейчас, уверен, школьника, не читавшего эту книгу, не прошедшего вместе с Бладом его одиссею. Но все ли знают, что вымышленный Сабатини образ имел свои реальные прототипы, что все основные кульминационные точки реальны — и тем реальнее сам образ пирата-джентльмена...

Давайте совершим с вами путешествие во времени — не только пройдем еще раз тем путем, каким шел капитан Блад, но и поищем прототипы, реальные исторические факты, на которые опирался автор, создавая «Одиссею...» И начнем этот путь, как начинаем чтение, с первого предложения романа: «Питер Блад, бакалавр медицины, закурил трубку и склонился над горшками с геранью, которая цвела на подоконнике его комнаты, выходявшей окнами на улицу Уотер Лайн в городке Бриджутер».

Странное начало книги о пиратах, не правда ли? Автор первым делом оповещает нас о том, что Питер Блад — медик, причем не какой-то там знахарь или самоучка, а окончивший университет! Лишь в этом случае врач мог получить степень бакалавра. И сам Блад при случае — через пару страниц — не отказывает себе в удовольствии напомнить о своем лекарском образовании: «Он мог бы сказать, что он врач, а не солдат, целитель, а не убийца». На суде Блад с гордостью заявляет: «Да, я окончил Тринити-колледж в Дублине». И далее — «Единственная моя вина в том, что я выполнил свой долг, долг врача». Даже на Барбодосе, ухаживая за ранеными испанцами, «он честно выполнял врачебные обязанности», заявив злобному

полковнику Бишопу: «Я — врач и выполняю свои обязанности».

Далее можно привести не один десяток примеров, но, думаю, и этих хватит. Врач, врач, врач — твердит автор. Зачем?

Как это зачем? — скажет иной читатель. Надо было нарисовать образ благородного, гуманного человека в пиратской среде. Кто лучше всего подходил для этой роли? Врач, целитель, человек самой гуманной профессии...

В этом есть свой резон. Но уместно припомнить и другое — в пиратской среде был свой «табель о рангах». Так вот, согласно всем писаным и неписаным законам «берегового братства», врач являлся самой ценной фигурой на борту. В своей среде пираты могли найти и не одного капитана, штурмана, не говоря уже о пушкарях, плотниках или простых матросах. А вот врач в тех условиях ценился на вес золота. И не удивительно: многодневные плавания с недоброкачественной пищей, часто с тухлой водой приводили к массовым заболеваниям. Само же «занятие» пиратов выводило из строя десятки человек — с огнестрельными, резаными, колотыми и рублеными ранами. Команду следовало не просто лечить, ее надо было «возвращать в строй» — и чем быстрее, тем лучше.

В этой обстановке врач становился единственным человеком, способным исцелять раны, полученные пиратами. И те, люди весьма практичные, считали неразумным выход в море без врача. Они же окружали медика заботой, вниманием. Достаточно напомнить, что во время боя врач обычно находился ниже оружейной палубы, куда не попадали ядра неприятельских пушек. Более того, он единственный, кто не участвовал в общекорабельных авралах.

Врачи не только входили в состав экипажа. Порой они командовали целыми экспедициями. Томас Довер был в свое время довольно известным в Англии врачом. В 48 лет (по тому времени возраст близкий к старческому) получил каперский лист, экипировал два корабля и вышел в море. Капитаном у него стал Вудс-Роджерс, штурманом — бывший пират Дампир. Три года длилось их кругосветное путешествие через Канарские острова, Рио-де-Жанейро, мыс Горн, Эквадор, нынешнюю Индонезию и мыс Доброй Надежды. Довер захватил несколько французских и испанских кораблей, среди которых был и галеон, вз-

ший из Манилы добытые сокровища, разграбил порт Гуакиль в Эквадоре.

Ну, а в истории всей планеты это плавание вошло останковой на острове Хуан Фернандес, где моряки отыскали шотландца Александра Селькирка, оставшегося тут после ссоры со своим капитаном. Селькирку не просто дали возможность вернуться в Англию, его взяли офицером на судно. Дальнейшее знает всякий школьник — рассказ Селькирка заинтересовал Даниэля Дефо, в результате чего появился «Робинзон Крузо».

Что касается «путешествия» Довера, то оно принесло невиданную добычу — по оценкам того времени около 170 000 фунтов стерлингов. И ранее известный Довер теперь стал членом Королевской врачебной коллегии. А на закате жизни он издал книгу, содержащую различные рецепты, в том числе и созданные им.

Таков был вклад врачей в историю пиратства. От лица необходимой на борту профессии до руководителя трехлетней экспедиции. Не удивительно, что Сабатини дал своему герою профессию, которая могла хорошо служить ему на суше и не мешала в море. Даже наоборот — уважение, с которым пираты относились к врачам, распространялось и на капитана Блада.

...Итак, «Ямайский купец» на всех парусах несся к Барбадосу. Почему именно этот путь избрал Сабатини, чтобы привести своего героя к месту подвигов?

Тут нужно вспомнить обстановку, сложившуюся к середине XVIII века в Вест-Индии. Испания, твердой ногой стоявшая в Южной и Центральной Америке, понемногу теряла контроль над тысячами островов, как бы преграждавших путь судам, шедшим из Европы в Новый Свет. После гибели Непобедимой Армады (1588 г.) испанцам все труднее и труднее становилось удерживать изрезанные бухтами, покрытые густыми лесами острова. Франция, Англия, Голландия захватывали то один, то другой клочок суши, привозили поселенцев, ставили губернаторов, строили крепости, форты.

Если раньше корсары, изрядно пощипав суда, перевозившие золото и серебро, должны были удирать в Европу, то теперь все упростилось. Можно было в нескольких днях пути от своей базы встретить испанский галеон, ограбить его, вернуться на базу и сразу же спустить всю добычу. Вот так, «не отходя от дома», действовали десятки и сотни пиратских судов. Не удивительно, что погоня за ними часто была просто невозможной — какой же должен быть боевой флот, чтобы караулить у каждого из тысяч островов!

Барбадос среди прочих таких же островов выделялся своей освоенностью. Почти весь он был покрыт плантациями сахарного тростника — спрос на сахар все рос и рос в Европе. Сначала плантации принадлежали многочисленным белым колонистам (в 1645 году — 11 тысяч фермеров и всего 5800 рабов), потом произошла неизбежная концентрация капитала и через двадцать два года на острове насчитывалось 745 крупных плантаций и уже 82 тысячи рабов.

И все же рабочих рук не хватало, хотя из Африки корабли поставляли все новые и новые партии «черного дерева». Поэтому на остров попадали и белые, чья участь не отличалась от участи негров.

Как относились к рабам плантаторы, мы знаем из романа Сабатини. Автор широко пользовался книгой Эксквемелина. Вот несколько цитат из этой книги: «Этим рабам достается больше, чем неграм. Плантаторы говорят, что к неграм надо относиться лучше, потому что они работают всю жизнь, а белых покупают лишь на какой-то срок». «От плохой пищи слуги все время страдают тяжкими недугами и пороком сердца». «Некий юноша из вполне порядочной семьи убежал из дома... и попал в руки одного плантатора. Плантатор зверски издевался над ним, требовал явно непосильную работу и морил голодом. Бедный парень в отчаянии бежал в лес и умер там от голода».

Многие строчки «Одиссеи...» прямо переключаются с «Американскими пиратами». «Гарднер начал расхваливать

здоровье Питта, его молодость и выносливость, словно речь шла не о человеке, а о вьючном животном», — пишет Сабатини. «У своих хозяев эти люди работают словно лошади...», «Слуг продают и покупают, как лошадей в Европе», — это уже слова Эксквемелина. Вспомните еще раз торг в гавани.

Сам Эксквемелин тоже попал в рабство. «Меня также продали, потому что я был слугой Компании, как назло, имел несчастье попасть к самой отменной шельме на острове. Это был вице-губернатор, или помощник коменданта. Он издевался надо мной, как мог, морил меня голодом...» Почти такую должность занимал и Бишоп — он был командиром барбадосской милиции, вторым лицом в военной иерархии острова, то есть практически помощником коменданта форта майора Мэллэрда.

Эксквемелину удается освободиться от рабства. «Обретя свободу, я оказался гол, как Адам. У меня не было ничего, и поэтому я остался среди пиратов... Я совершил с ними различные походы». Эксквемелин вошел в экипаж пиратского судна. Капитану Бладу предстояло еще добыть судно, чтобы быть независимым.

О том, как был взят «Синко Льягас», мы прочли в «Одиссее...». А вот в действительности были ли случаи, когда небольшая группа захватывала бы хорошо вооруженный корабль, да еще с частью экипажа на борту? Не что подобное проделал французский пират Пьер Большой. Он захватил корабль... вице-адмирала испанского флота, имея под командой 28 человек.

Пьер Большой вошел в историю как первый пират Тортуги, пират удачливый (взять галеон — и много лет позже считалось большим счастьем), но по-настоящему пиратской карьеры он не сделал. Убедившись, что галеон полон товаров и провизии, Пьер Большой повел судно во Францию, там все распродал, поделился с товарищами и зажил жизнью буржуа...

И, наверное, не ведал, что подал пример — суда с Тортуги стали активнее нападать на испанские корабли, а жителей Дьепа, где обуржуазился Пьер Большой, все чаще и чаще стали встречать среди пиратов.

Так начиналась слава Тортуги. Этот маленький островок приютился у северного берега Эспаньолы (Гаити). Открыл его сам Колумб, и за то, что новая земля на горизонте казалась похожей на черепаху, так и назвал остров. Тортуга — по-испански черепаха. Сейчас на наших картах название острова воспроизводится с французского — Тюрту. Он часто посещался пиратами, но настоящая его история началась, можно сказать, с 1630 года, когда испанцы выгнали с острова Сент-Кристофер всех его жителей, изрядно докучавших им. Кое-кто послушался, уехал в Европу, но группа самых отчаянных перебралась на Тортугу.

Оттуда начались такие нападения на суда, что уже в 1638 году испанцы высадили на Тортуге десант и оставили гарнизон, изгнанный годом позже англичанами. Капитан Виллис стал первым «хозяином острова». Его сверт Левассер (тот самый Левассер, который в романе пытался обмануть капитана Блада). Власть менялась, но остров богател, населялся, и вот в 1665 году сюда прибыл новый губернатор — Бертран д'Ожерон, сам в прошлом флибустьер.

Д'Ожерон укрепил форт, и под защитой орудий начала развиваться торговля. Чтобы она шла активнее, губернатор пустил в порт любые суда. Единственное требование — уплати десять процентов портового сбора в пользу короля Франции.

И потянулась морская братия на Тортугу. Сюда же привел свой корабль и капитан Блад.

«Как было принято неписаными законами берегового братства», он заключил договор с каждым членом своей команды, по которому договаривающийся получал определенную долю захваченной добычи», — пишет Сабатини. И дальше: «Левассер и Блад заключили договор, подписанный не только ими, но, как это было принято, и выборными представителями обеих команд».

Легко понять ситуацию, приведшую к стычке с Ле-

вассером. Лицо это историческое. В прошлом капитан французского королевского флота, Левассер с отрядом пиратов изгнал англичан с Тортуги в 1641 году, получив звание губернатора острова. Десять лет правил он, все круче и круче обращаясь с местным населением, пока в 1652 году не был убит своими же помощниками.

Что сделал Левассер крамольного с точки зрения команды своего корабля? Он забрал себе детей губернатора д'Ожерона, оценил их свободу в двадцать тысяч песо и, по мнению окружающих, пытался присвоить эти деньги, тогда как вся добыча подлежала дележке — закон «берегового братства». Нарушив его, Левассер сам подписал себе приговор. В такой ситуации он не мог рассчитывать на поддержку команды.

Сабатини хочет показать нам своего героя с самой лучшей стороны, человеком, препятствующим гнусным поступкам Левассера. Но интересно, что Блад отнюдь не бросается силой освободить дочь и сына «губернатора Тортуги, острова, который является единственным нашим убежищем в этих морях». Одно это могло бы стать причиной схватки, причем довольно обоснованной — ведь иначе Блад сам превращается в невольного сообщника Левассера.

Автор же выбирает иной путь. У него капитан Блад не только спаситель, он еще и человек слова. Вот что он говорит Левассеру: «Наш договор предусматривает, что любой из членов экипажа кораблей, кто утаит часть трофеев хотя бы на один песо, должен быть повешен на кресте. Именно так я и намерен был с тобой поступить».

А вот Блад задумывает небывалое дело — нападение на город Маракайбо. И это исторический факт — в 1669 году подобное сделал Морган. Мы встретимся с этим человеком, когда еще раз вспомним о судьбах и путях людей, сначала бывших рабами на Барбадосе, потом командовавших пиратами. Чем дальше идет повествование о Бладе, тем больше сливается его образ с исторически достоверным портретом Моргана. Сливаются, но не может слиться до конца.

Сабатини провел своего героя путями Моргана, отделив подлинно новаторские приемы боя, высокое умение командира от жестокости и коварства, проявленных его прототипом. Флотоводец и пират (в худшем смысле этого слова) — вот две стороны личности Моргана. Ясно, что Блад мог взять себе только первую.

Сабатини усиленно подчеркивает это. Нападение на город, вынужденная задержка, блокада и прорыв ее, вплоть до использования брандера и вымышленного десанта на остров — здесь все «по Моргану», даже то, что между пиратами и испанцами шла переписка — первые требовали выпустить их в море, вторые требовали сдачи. Испанцами командовал дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса. Всю помните имя противника Блада — дон Мигель де Эспиноса-и-Вальдес. Но главное — капитан Блад не грабил, не убивал мирных жителей, а угрозу сжечь город использует для того, чтобы получить деньги от испуганного вице-губернатора. Перед этим у них произошел такой разговор. Узнав, что деньги у жителей все же есть, Блад говорит: «А не кажется ли вам, что с горящими фитилями между пальцами вы станете более разговорчивыми?». «Так делали Морган, Л'Оллонэ и другие пираты, — отвечает вице-губернатор, — но так не может поступить капитан Блад».

Так Сабатини решительно отделяет романтического Блада от кровавых пиратов.

Изменения коснулись и дат. Маракайбо был взят в 1669 году. Сабатини перенес действие в 1687 год. Это объясняется желанием автора связать своего героя с важнейшими событиями эпохи, а они произошли после 1689 года, когда на английский престол вошел Вильгельм III Оранский. При нем Англия присоединилась к Аугсбургской лиге, созданной для ограничения территориальных захватов Франции в Европе.

Как бы в отместку Франция произвела единственный рейд на испанские владения в Америке. Конечно, стычки — и серьезные — были и раньше. Французские пираты

потрошили испанские корабли не хуже англичан. Заходили на остров (на ту же Тортугу) военные корабли француз. Время от времени грабили города. Но вот чтобы из Европы прибыл флот с заданием совершить рейд на материк, рейд чисто пиратский по своей сути, такого еще не было.

Рейд этот произошел в 1697 году. Сабатини и его сдвинул по крайней мере на восемь лет. Можно понять писателя: Маракайбо — 1669-й, рейд на Картагену — 1697 год. Без малого тридцать лет.

Наступил неизбежный конец скитаниям Блада, конец повести Сабатини: «Если король Яков свергнут с престола и бежал во Францию, значит, наступил конец ссылке Блада и он мог вернуться в Англию к мирной жизни, столь трагически нарушенной четыре года назад».

Пришел конец не только скитаниям Блада. Нападение на Картагену — самое крупное военное мероприятие, в котором принимали участие пираты, вершина их славы. И одновременно — начало заката, теперь на них началась крупная охота — в дело вступил королевский флот.

Кажется, и самому Сабатини все труднее вести повествование в прежнем стиле. Темп романа убыстрится, кульминацией всех боевых событий становится битва в гавани, во время которой даже потоплена «Арабелла» — своего рода символ окончания скитаний. Ведь на этом судне ушел в свою одиссею по Карибскому морю капитан Блад.

Наряду с этим в романе немало деталей, понятных только людям, знающим море, как будто «Одиссею...» писал не профессиональный писатель нашего времени, а профессиональный моряк XVII века. И этот моряк выдает капитану Бладу самую лестную характеристику.

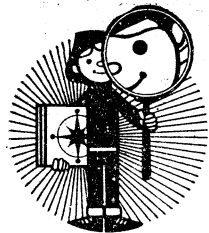
Взять хотя бы дисциплину. Уже упоминалось, что у людей Блада она была на высоте. Об этом вроде бы прямо не говорится, но вчитайтесь. На захваченном корабле «Блад не допустил никаких излишеств», через несколько часов «поперек палубы двумя стройными шеренгами стояли человек двадцать солдат», перед выходом в море — «все проявления буйной недисциплинированности, обычные для корсарских кораблей, на борту «Арабеллы» категорически воспрещались». Такие детали рассыпаны по всей книге. Автор еще и еще раз доказывает, что капитан Блад — джентльмен, и только!

Картина эта являет полный контраст с тем, что читатели знают о пиратских нравах и обычаях. Бесспорно, ближе всего к нашей эпохе время деградации «рыцарей черного флага». И видим мы в них не хозяев флибустьерского моря, от одних парусов которых прятались даже военные корабли, а отъявленных бандитов, всеми проклятых и всеми гонимых. Сабатини словно снимает этот грязный занавес и показывает лучшее, что было (или могло быть) у пиратов.

А худшее? Это у Стивенсона: «Оба, судя по голосам, были вдребезги пьяны и продолжали пить», «Хендс и его товарищ, ухватив друг друга за горло, дрались не на жизнь, а на смерть». «Палуба, не мытая со дня мятежа, была загажена следами грязных ног. Пустая бутылка с отбитым горлышком каталась взад и вперед». Вот как выглядела «традиционная жизнь» на пиратском корабле.

У Блада все иначе, у Блада такое немислимо.

Создав образ идеального капитана, рыцаря без страха и упрека, опытный писатель не мог не закончить роман идеальным выходом из положения: Блад возвращается служить своей стране. Он меняется местами с полковником Бишопом — становится губернатором Ямайки. (Вспомните — Морган был вице-губернатором Ямайки). Рядом, на Багамах, такую же должность занимал Вудс-Роджерс. Оба, кстати, начали борьбу с пиратами, преследуя и уничтожая их.

МИР

НА ЛАДОНИ

Гальки из стекла

Во время одной из экскурсий по Уралу мы остановились на ночлегу у реки Кизел, возле скалы Красный Камень.

Здесь пейзажи удивительны по красоте. Кругом невысокие горы, покрытые елово-березовыми лесами, белые известняковые скалы, нависающие над долинами рек. Богаты и недра этих мест. Основное их богатство — каменный уголь, антрацит.

Добывая из недр уголь, человек очень изменил природу края. Землю проткнули стволы глубоких шахт, а на поверхности появились искусственные горы — островные терриконы из отвалов пустой породы.

Изменился не только рельеф, но и реки. В них начали сбрасывать воду из шахт, которая по своим свойствам является слабой серной кислотой. В реках перестала водиться рыба, цвет воды стал красным от большого количества железа, растворенного в ней. Все, что оказалось в речной воде, начало покрываться желтовато-красной пленкой. Сначала покраснели берега. Затем железо начало откладываться в русле — на камнях и гальках. Каких только галек ни увидишь на речном дне! И ярко-красные, и желтые, и бурые с множеством различных оттенков.

Сверху галька красная, а раскопав — серая или черная. Сухая галька пачкает руки оранжевым порошком, который легко смывается. Но отмыть гальку почти невозможно. «Железная» краска проникает во все ямки, щели, царапины.

Но одну из галек мне не удалось отмыть совсем. И рук она тоже не пачкала. Когда я ее разбил, то очень удивился. Внутри она была такого же оранжевого цвета, как и на поверхности. Я удивился еще больше, когда в этом оранжевом шарике узнал обломок обыкновенного кирпича. Все стало ясно. Где-то выше по течению реки, километров за десять, а может, и за все сто, в воду попал кусок кирпича. Долгое время двигала его по дну реки вода, множество раз вращая и перекатывая. Постепенно стирались

острые углы и грани обломка — и он округлился. Никак его не отличить от других галек — настоящих горных пород.

Если так, подумал я, то не только кирпич, но и другие материалы, созданные человеком, попадая в речку, могут приобретать форму округлых галек. Внимательно рассмотревшись в дно, я тут же извлек еще одну необычную дырчатую галечку. Отмытая от красной пленки, она оказалась синева-зеленой и даже чутко блестящей, вся в дырочках, как голландский сыр. Нетрудно было догадаться, что это обыкновенный металлургический шлак, окатанный водой.

Находки посыпались одна за другой. Вот мелкие зеленые галечки бутылочного стекла, вот пластмассовая разноцветная галька, а вот керамическая...

В тех местах, где человек интенсивно осваивает природу, следы его деятельности могут быть очень разнообразными...

В. АНДРЕЙЧУК

Древнейшие породы

На территории Карелии обнаружены горные породы, возраст которых превышает 3,5 миллиарда лет (возраст Земли — 4,5 млрд.).

История развития нашей планеты за первый миллиард лет ее существования покрыта наиболее густым туманом незнания. Поэтому новая находка древнейших горных пород (напомним, что подобные открытия относительно недавно случились и на Урале) представляет особый интерес для науки, — ведь именно тогда формировались земное ядро, кора... Хозяйственная практика землян также вправе ожидать от находки дополнительных ответов на вопрос о том, при каких условиях образуются полезные ископаемые. Короче говоря, новые древнейшие горные породы несут в себе многие важнейшие сведения, вплоть до ответа на вопрос — единственные ли мы во Вселенной? Но получить эти сведения не так просто...

В. СИДОРОВ

Музей медной промышленности

В здании Уральского научно-исследовательского проектного института «Унипромедь» (г. Свердловск) открылся музей истории медной промышленности Урала.

Музей создан на общественных началах и представлен двумя отделами: один освещает развитие медной промышленности на Урале за 350 лет существования, а второй — участие института «Унипромедь» в этом развитии. Собрано множество экспонатов, а также изготовлены макеты и слайды, показывающие технологию добычи руды и выплавку металла как в прежние, так и в настоящее время. В экспозициях названы имена людей, принимавших активное участие в развитии медной промышленности на Урале, особо отмечена их роль в восстановлении разрушенных шахт и заводов в послереволюционный и послевоенный периоды.

Основные работы по организации музея выполнены сотрудниками отдела информации института В. Марьтиновой, В. Фирсовым и Н. Ершовым.

Л. ЩЕТНИКОВ

Сорок тысяч обломков

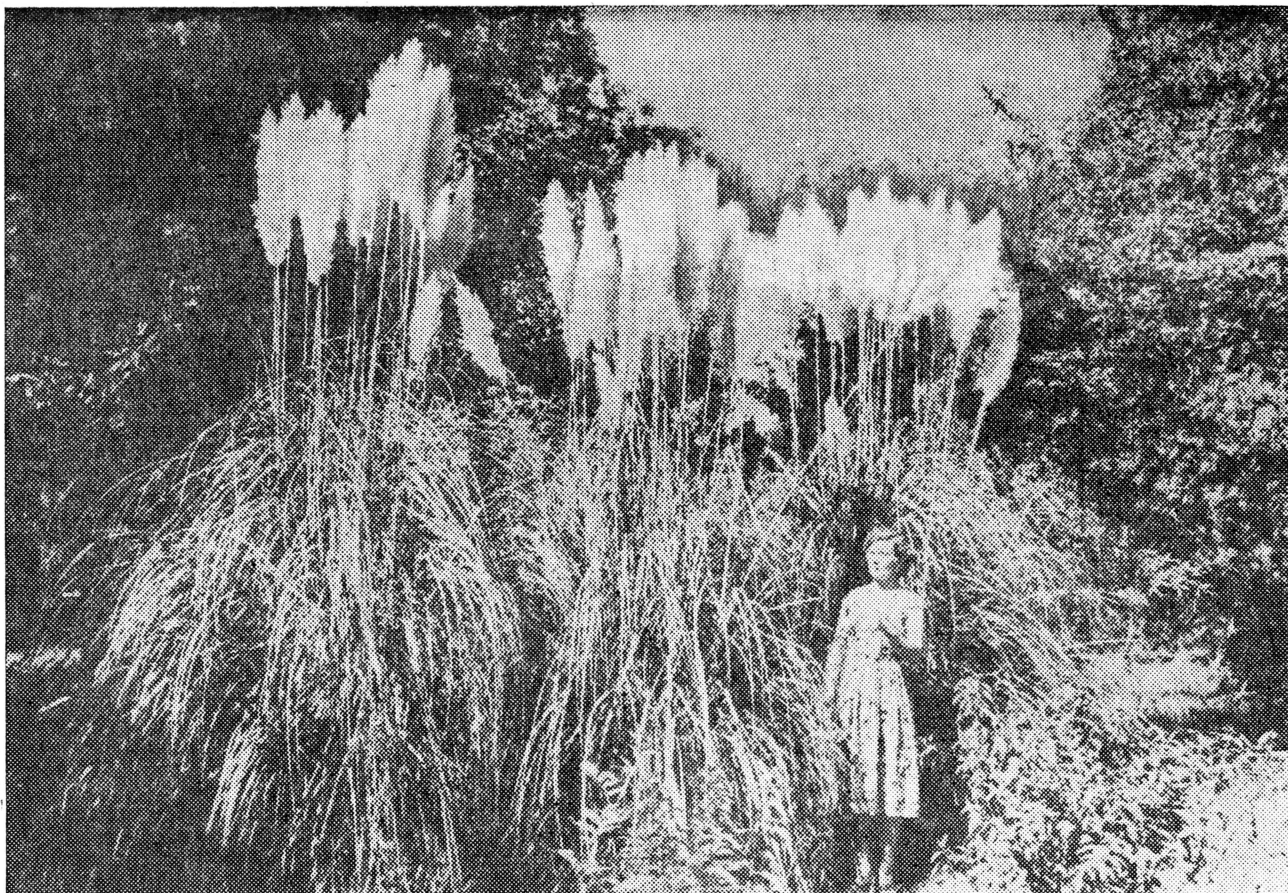
Изрядно замусорив поверхность планеты Земля (да и недра, подводный мир — тоже), человечество теперь «планомерно» загрязняет и околоземное пространство. Подсчитано, что за три десятилетия практического освоения ближнего космоса на орбитах остались уже около 40 000 обломков — в основном от ракетносителей. Хотя эти обломки невелики по размерам («меньше бейсбольного мяча, но больше горошины»), как определяют эксперты США, каждый из них представляет серьезнейшую опасность. Уже были случаи, когда космические аппараты возвращались с отметинами неожиданных столкновений. А ведь пораниться там, в космосе, — это совсем не одно и то же, что наступить где-нибудь на пустыре на осколок бутылки или на ржавый гвоздь, торчащий из брошенной доски.

Возможно, в скором времени нам потребуются самые настоящие космические дворники — на любых, как говорится, условиях и за любую плату.

Между тем на тропу космопроходцев встают все новые и новые страны. Разработку своих спутников связи, а также других космических аппаратов хозяйственного назначе-

И С Е Р Ь Е З Н О Е И К У Р Ь Е З Н О Е

ния ведет Австралия (в 1995 году австралийцы начнут сооружение собственного космодрома); о намерении вывести на орбиту в 1992 году спутник для изучения солнечной активности заявила Аргентина.

В. ДАНИЛИН

Открытие в джунглях

В результате более чем полугодовых непрерывных наблюдений зоолог Б. Майер из ФРГ открыл в джунглях острова Мадагаскар ранее не известный вид млекопитающего отряда приматов. Новичок в животном мире нашей планеты относится к семейству полуобезьян — лемуров. Его назвали «золотой бамбуковый лемур». Голова его покрыта золотистой шерстью, спина — оранжево-красная, живот — серый, длина тела — 80 сантиметров, вес — 1,2 килограмма. Питается золотой лемур бамбуковыми листьями.

Известные виды лемуров — серый и большой — были обнаружены соответственно в 1795 и 1870 годах. А последние открытия млекопитаю-

щих на Земле относились до сих пор к 1930 году.

По данным науки, история млекопитающих на нашей планете началась 160—170 миллионов лет назад. С тех пор существовало 12—13 тысяч видов этих наиболее организованных животных. Но многие из них давно вымерли, сейчас здравствуют лишь около трети всех существовавших видов (некоторые зоологи насчитывают 4250).

В. АЛЕКСАНДРОВ

Сохранить кита

У побережья штатов Джорджия и Флорида (США) обнаружили места, где размножаются неуловимые североатлантические гладкие киты — крупные животные, которых многие биологи-маринисты относят сегодня к вымирающим видам.

Сотрудник аквариума Новой Англии Скотт Краус, сделавший это открытие, сказал: «Теперь, когда мы знаем, где находится одно из основных мест их обитания, можно приложить усилия для охраны живот-

ных по крайней мере в самое критическое для них время года».

Любопытно, что именно этот район океана было намечено отдать в аренду нефтедобывающим компаниям. Федеральное правительство аннулировало договоры. Правда, это было не так уж и сложно сделать, поскольку компании не проявили к ним особого интереса.

Е. СОЛДАТКИН

Как в пампасах

Помните, как Майн Рид в своем приключенческом романе «Всадник без головы» рассказал о траве в пампасских степях? Она может скрыть козбоя на коне!..

Заросли этой красивой травы с серебристыми метелками появились и у нас, на черноморском побережье Северного Кавказа. Пампасское растение украшает вершину Сухумской горы, парки, обочины дорог и туристических троп.

На снимке: пампасская трава близ Сухуми.

В. КРИВОШЕИН

И С Е Р Ь Е З Н О Е И К У Р Ь Е З Н О Е

ТВОЯ РОДОСЛОВНАЯ

БАБУШКА С ДЕДУШКОЙ РЯДЫШКОМ...

Евгений СИБИРЯКОВ

Желание узнать, где древо твоего рода пустило корни, естественно. Человека интересует не только «зачем я?», но и «откуда я?». А время безжалостно уносит свидетелей, которые могли бы дать ответ... Установить истоки родства — сложное исследование, возможны неточности и предположения. Но все же...

Я помню рассказы своей бабушки — Софьи Карловны. Они переносили меня в мир незнакомый и давно ушедший. Жили там люди, лица которых я могу видеть теперь лишь на пожелтевших старых снимках, хранящихся в пухлом альбоме.

Вот на бумажной карточке мой прапрадед Карл Вурм, он неловко позирует фотографу, чинно взяв под руку старушку-жену... Оживленный воспоминаниями бабушки, он же, Карл Вурм, бредет по мошеним улочкам Дрездена. Немец по национальности, он был профессором Дрезденского университета и жил с семьей в Германии, пока не получил приглашение преподавать иностранный язык в России. Санкт-Петербург покориł его и заставил остаться навсегда.

Одному из сыновей профессор дал свое имя. Это был отец бабушки, мой прадед. Молодой Карл Карлович поселился в городе Митава. В Митаве он приобрел типографию и всерьез начал заниматься типографским делом. Прожил там недолго: за печатание «недозволенных, неблагонамеренных» изданий был сослан на Урал со своей большой семьей — девять детей! Семья поселилась в Екатеринбурге, в доме № 48 на Покровском проспекте, теперь это угол улиц Малышева и Луначарского. Почему именно там? В доме на Покровском находилась типоитография, где Карл Вурм и его сыновья продолжали работу.

Газета «Вечерний Свердловск» опубликовала фотографию этого дома вместе с письмом читательницы Е. Скорняковой: «Мой покойный муж, старый уральский боль-

шевик, говорил, что здесь до революции помещалась тайная типография...» Газета отвечала: «В доме на Покровском проспекте в дореволюционные годы действительно находилась типография. Принадлежала она частному лицу по фамилии Вурм. Нам она интересна тем, что здесь в 1906—1907 годах печатался легальный общественно-сатирический журнал «Гном». Первый же номер, вышедший 5 марта 1906 года, вызвал гнев местного начальства. Еще бы! Журнал критиковал самодержавие... Недолгой была жизнь издания. В 1907 году его закрыли, а редактора посадили в тюрьму. В годы первой русской революции в типографии Вурма печаталось еще одно «злонамеренное» издание. Это была «Уральская газета» — первая легальная газета большевиков в нашем крае. После четвертого выпуска ее запретили... Таким образом, типография на бывшем Покровском проспекте хотя и не была тайной, но сыграла свою роль в революционной борьбе уральских рабочих».

Бабушка вспоминала: «Однажды отец принес из типографии книгу и поставил в угол под иконы. Сказал: «Вот на что мы теперь должны молиться». Это был «Капитал». Возможно, та книжка, которую бережно поставили рядом с образами, была первым изданием марковского «Капитала» на Урале...

КАРТИНУ НАПИСАЛ ИОГАНСОН

Владимир БУЛАВИН,
искусствовед

В Свердловском государственном объединенном историко-революционном музее шла научная инвентаризация фондов живописи.

Просматривая инвентарные карточки, автор этих строк обнаружил запись, заставившую насторожиться: «Неизвестный художник. Деревообделочный цех Уралмаша». Было отчего задуматься. Недавно в Свердловске прошла юбилейная художественная выставка, посвященная 50-летию знаменитого на весь мир десятиорденоносного Уралмаша-завода. Пришлось основательно потрудиться, разыскивая по музеям страны произведения, посвященные заводу. Среди архивных материалов мелькнуло тогда что-то похожее,

но картину в ту пору так и не удалось отыскать.

Сейчас память выдала название той картины: «Модельный цех Уралмаша». И фамилию художника — Борис Владимирович Иогансон. А что если это действительно Иогансон, и почему на карточке обозначен «неизвестный художник», кто дал картине столь казенное название «деревообделочный цех...»? Спешить нельзя. И прежде всего нужно увидеть само полотно, находящееся в запаснике.

Б. В. Иогансон приехал в Свердловск в 1934 году в составе большой группы московских художников. Судьба подарила ему тогда тему будущей картины «На старом уральском заводе» (1937). Основная же цель приезда заключалась в создании нескольких полотен из жизни недавно вступившего в строй действующих Уральского завода тяжелого машиностроения. И художник написал даже больше, чем было обозначено в «Договоре» со свердловскими профорганизациями. «Механический цех Уралмаша», «Цех питания (в столовой)», «Модельный цех Уралмаша», а также жанровое, остро-социальное полотно «Сговор у кулака». Таким образом, можно с уверенностью ут-

верждать, что 1934 год был для Иогансона годом высокой творческой активности.

Все написанные произведения живописца были показаны на художественной выставке «Урало-Кузбасс в живописи», прошедшей в Свердловске в 1935 году, и после окончания ее переданы в Свердловскую картинную галерею. Кроме одной... «Модельного цеха Уралмаша».

О ней, конечно, знали. Ее упоминали ранние биографы художника: Н. С. Моргунов в 1939 году (в монографии этого автора нами и была обнаружена репродукция картины художника «Модельный цех Уралмаша» на с. 47. Пользуемся случаем, чтобы выразить благодарность сотрудникам Государственной Публичной библиотеки имени В. Г. Белинского в Свердловске, которые помогли разыскать эту редкую ныне монографию об Иогансоне и таким образом установить подлинность обнаруженной картины художника) и М. П. Сокольников в 1957 году.

И вот эта находка. Колорит картины светлый, охристый. Кажется, что сам воздух напоен ароматом свежих стружек, пиленого дерева.

Распространение марксистов в России совпало с подъемом освободительного движения в стране. Пришло и открыто заявило о себе молодое племя сильных и гордых людей, призывавших угнетенные массы к революции. Имя человека, сумевшего повести народ в наступление на старый мир, стало легендой уже тогда. А как драгоценны воспоминания о Ленине сейчас!.. Случилось так, что близкому нашей семье человеку по-настоящему не только встретиться с Владимиром Ильичем, но и работать с ним.

Сестра бабушки Конкордия Карловна взяла на воспитание девочку Аню. Спустя много лет, после смерти мужа, Конкордия Карловна переехала к своей приемной дочери, которая жила тогда в ссылке на Урале. Причина ссылки точно не известна, но на судьбу Анны Васильевны, видимо, повлияла «неудобная властям» революционная деятельность ее сестры. Фамилия Фофанова в то время ни о чем не говорила. Бабушка часто получала письма от сестры Анны, Маргариты Васильевны, по мужу Фофановой. Лишь став взрослым, я смог оценить и эту переписку, и эту фамилию: ведь именно у Маргариты Васильевны останавливался В. И. Ленин в 1917 году, в последнюю ночь перед штурмом Зимнего...

Однажды мы получили небольшую бандероль, в которой была книга Фофановой «Воспоминания о Ленине» с дарственной надписью. А в 1961 году в Москве мне довелось встретиться

и с самой Маргаритой Васильевной. Я смотрел на женщину, говорившую когда-то с Лениным, и ощущал трепет и благоговение, безмерное уважение — столько было в маленькой старушке внутренней силы!

Бабушкины рассказы о дедушке, Андрее Михайловиче Сибирякове, я мог слушать часами. Сын крепостного, он получил вольную и устроился работать волостным писарем при Курашимском заводе. Женится на бойкой симпатичной девчонке, моей бабушке, переезжает на Лысьвенский завод кассиром. Всю жизнь работал честно, человеком был добрым и мягким. Во время восстания рабочих на Лысьвенском заводе в 1914 году было перебито все руководство завода, сожжены здания. Деда рабочие вывели со словами: «Тебя, Андрей Михалыч, не тронем».

Интересный случай был с дедом в Екатеринбурге. Он остановился в гостинице, в простонародье именуемой «Американкой». Как-то в номер к нему зашел почтальон и принес перевод на громадную сумму из московского банка. Фамилия и инициалы на бланке были его: А. М. Сибиряков. Но я упоминал уже о безукоризненной честности деда. Он объяснил, что перевода, тем более на такую неслыханную сумму, не ждет. Стали искать настоящего владельца. Им оказался купец, иркутский золотопромышленник Александр Михайлович Сибиряков, проездом остановившийся в той же «Американке». Тот самый Сибиряков, который финансировал арктические экспедиции. А мой

дед по ошибке почтальона мог получить деньги, предназначенные державе...

То, что узнал я об истории своей семьи, — лишь маленькая часть огромного прошлого. Каждая ветвь семейного дерева таит столько интересного, неожиданного, не известного еще, что хочется находить, все новые и новые корни.

г. Лысьва

К сожалению, на картине не оказалось ни подписи художника, ни даты создания произведения, ни каких-либо других поясняющих надписей или этикеток с обратной стороны холста. Это, по-видимому, стало главной причиной того, что холст когда-то и кем-то был вынут из рамы, снят с подрамника и оказался как бы «обезглавленным». Люди не удосужились перенести с подрамника или рамы этикеточные данные (уверен, они существовали в инвентарную карточку).

Теперь все позади. Картина вновь обрела имя своего создателя, свое подлинное название.

Хранитель живописных фондов музея Нина Александровна Гончарова говорит:

— Находка картины приятна вдвойне. Во-первых, собрание музея обогатилось подлинником Иогансона, во-вторых, ещё с одной картины снято неприятное клеймо «неизвестный художник», что происходит не так уж часто. Для любого музея такое событие — праздник. Но и напоминание о том, как важно относиться добросовестно к своей работе.

Вскоре произведение займет достойное место в постоянной экспозиции музея. На её раме появится этикетка с надписью «Картина художника Б. В. Иогансона»...

Ворошилов

ИЗ КНИГ В. ЛЕКАРЧУКА ПО ИСТОРИИ РУСИ

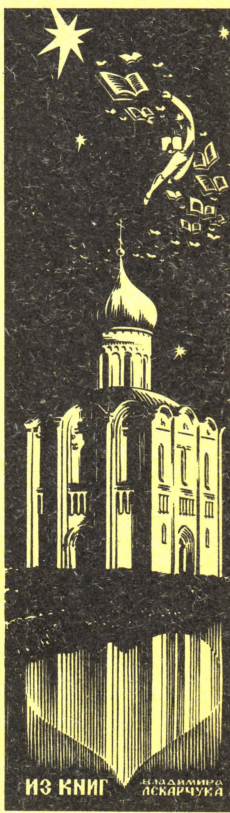
ИЗ КНИГ ВЛАДИМИРА ЛЕКАРЧУКА ПО ИСТОРИИ РУСИ

ИЗ КНИГ ВЛАДИМИРА ЛЕКАРЧУКА ПО ИСТОРИИ РУСИ

Патриарх Пимен-инициатор Всесоюзных конференций в Москве
 «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» (1977)
 «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы» (1982)

Цена 40 коп. Индекс 73413
 Уральский СЛЕДОПЫТ, 1988, № 6, 1—362.

Художник из Магнитогорска АЛЕКСАНДР ШИБАНОВ совсем недавно работает в жанре малой графики, но имя его уже известно в среде собирателей экслибриса. Публикуем подборку книжных знаков, выполненных А. Шибановым на тему 1000-летия крещения на Руси.